

СВѢТОЧЪ

И

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный литературно-научный

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. В. Круглова.

Годъ VII.

Іюль-Августъ-
Сентябрь.

1913 г.

Редакція СВѢТОЧА и ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ:
Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго, д. гр. Олсуфьевой.

ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ
„СВѢТОЧА И ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“.

ВЪ РАЗНЫЕ ГОДЫ.

Разказы **А. В. Круглова.**

Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.

ПОБѢДА.

Повѣсть **А. В. КРУГЛОВА.**

Цѣна 40 коп., съ пер. 60 коп.

ПОТРЕВОЖЕННЫЕ.

Деревенскіе силуэты.

А. В. КРУГЛОВА.

Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА:

I вып. **РУССКІЯ СКАЗКИ**, въ стихотворномъ изложеніи **А. В. Скрипицына.** Ц. 30 к., съ пер. 40 к. Вып. II—V: Легенды. Древнее въ настоящемъ. **М. В. Лысковскаго.** Ц. II в. — 20 к. III, IV, V — по 15 к. каждый. За пер. кажд. вып. 10 к. За пер. всѣхъ 4-хъ вып. 20 к.

Всѣ 5 вып. сразу ц. 50 к., съ пер. 70 к.

ВЪ ЧЕМЪ СЧАСТЬЕ?

Этюдъ **А. В. КРУГЛОВА.**

Цѣна 6 коп., съ перес. 15 коп. Выписыв. 100 экз. уплач. 5 руб. съ пересылкой и 3 руб. 50 коп. безъ пересылки.

ВЕЧЕРНІЯ ПѢСНИ.

Стихотворенія **А. В. КРУГЛОВА.**

Съ портретомъ и факсимиле автора.

Изящное изданіе. Цѣна 70 коп., съ пер. 90 коп.

ДЕСЯТЬ ПОЭТОВЪ.

Составилъ **А. В. Кругловъ.**

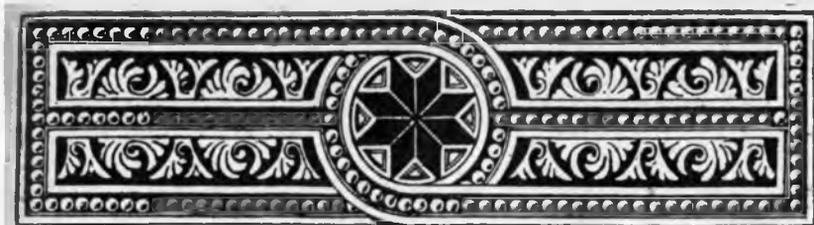
(*Биографіи, характеристики, отрывки, портреты.*)

Цѣна 50 коп., съ пер. 75 коп.

МУДРЫЕ И НЕРАЗУМНЫЕ.

Романъ **А. В. Круглова.**

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

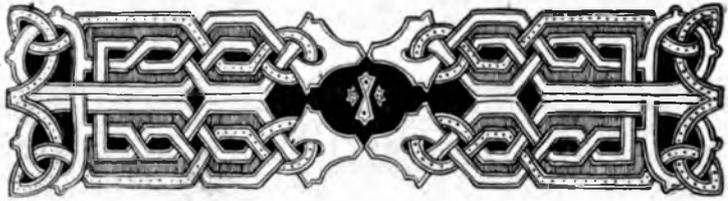
е духъ усталъ—устала плоть...
А жизнь труднѣе съ каждымъ годомъ.
Мнѣ новый крестъ послалъ Господь—
Еще печаль къ былымъ невгодамъ.

За что? За дерзость юныхъ лѣтъ!
Зачѣмъ? Для исцѣленья духа,
Чтобъ озарилъ потемки свѣтъ,
И чтобъ до внутреннего слуха

Пѣснь съ горной выси донеслась
И заглушила пѣснь земную,
И новымъ пламенемъ зажглась
Душа, почуявъ жизнь иную.

А. Кругловъ.

ДВА МАЯКА.

(Изъ „Позднихъ огней“.)

I.

Два маяка въ народномъ морѣ,
Два храма есть... Въ одинъ изъ нихъ
Приносить Русь—съ невзгодой въ спорѣ—
Весь тяжкій грузъ скорбей своихъ.

Храмъ вѣры сердца, домъ молитвы,
Домъ Бога, Истины святой, —
Откуда мракъ житейской битвы
Къ намъ льется свѣтъ Любви живой;

Гдѣ все мы, все—родные братья
Предъ Ликомъ Пастыря-Христа,
Все мы распростершаго объятия
Съ животворящаго Креста;

Гдѣ нѣтъ виновныхъ, гдѣ нѣтъ правыхъ,
Гдѣ нѣтъ униженныхъ людьми,
Вдали отъ помысловъ лукавыхъ
Гдѣ предстоимъ мы все дѣтми, —

Дѣтми Отца, для всехъ благого,
Въ мирѣ ниспосланнаго съ небесъ
Любви Божественное Слово, —
Источникъ таинствъ и чудесъ...

О, этотъ храмъ — маякъ спасенья
Изнемогающимъ въ борьбѣ,
Маякъ пловцовъ долготерпѣнья,
Зовущій страждущихъ къ себѣ.

Всѣхъ обездоленныхъ судьбою,
Обуреваемыхъ грѣхомъ,
Поникшихъ скорбною душою
Предъ свѣтоноснымъ алтаремъ...

О, сколько мукъ неисчислимыхъ,
О, сколько тайныхъ жгучихъ слезъ,
О, сколько тяжелыхъ думъ незримыхъ
Кадильный дымъ его вознесъ

Изъ бездны, тьмою зла объятай,
Гдѣ губить грѣхъ, какъ лютый звѣрь,
Къ подножью Истины Распятой,
Отверзшей милосердыя дверь...

Маякъ любви и всепрощенья,
Въ день скорби—близкій всемъ сердцамъ,
Домъ всехъ печалей утешенья,
Храмъ вѣры сердца — Божій храмъ...

II.

Есть на Руси—въ родимыхъ селахъ,
Въ поляхъ народа, храмъ иной,
Другой маякъ судебъ тяжелыхъ
Сыновъ страны моей родной:

Маякъ убогій, чуть замѣтный
Во тьмѣ, гнетущей безъ конца;
Въ немъ бьются мыслью искрометной
На свѣтъ зовущія сердца...

Храмъ знаній, школа, домъ,—откуда
Струить волну свою ручей
Творящихъ въ жизни нашей чудо,
Тѣмъ просвѣщающихъ лучей,—

Труду дающихъ смыслъ богатый,
Слѣдпоржденнымъ — зрѣнье ихъ,
Народной скорби, мглой объятай,
Кладъ самородковъ дорогихъ...

Источникъ знаній живоносный —
Онъ чуть струится, на пути

Встрѣчая всюду иль наносный,
Его грозящій завести;

Вокругъ него — темно и глухо,
Преграды злобы — передъ нимъ...
О, сколько надо силы духа —
Идти впередъ ручьемъ такимъ!

О, если бѣ оба храма эти —
Храмъ вѣры и познанья храмъ,—
Объединясь мечтой о свѣтѣ,
Несли его къ роднымъ полямъ!

О, если бѣ пастырь и учитель
Къ завѣтнымъ цѣлямъ вмѣстѣ шли, —
Въ какую свѣтлую обитель
Вошелъ бы сынъ родной земли:

Гдѣ вѣра — было бѣ тамъ и знанье,
Гдѣ знанье — вѣра... Боже мой,
Благослови ихъ сочетанье,
Учитель Кроткій и Благой!..

Аполлонъ Коринфскій.

Паркъ.

Худ. Киселова.

О, память сердца! ты милѣи
Разсудка памяти печальной!

Пушкинъ.

I.

уша жива однимъ воспоминаньемъ,—
Пусть прошлое не все любовь и свѣтъ,—
Но, даже имъ—былымъ моимъ страданьямъ—
Я шлю привѣтъ!

Въ одномъ быломъ—восторгъ, печаль и горе,
Какъ день и ночь, какъ небеса съ землей,
Слились въ одно сверкающее море
Любви живой.

II.

Далеко убѣгающій путь
Въ безпредѣльно туманную даль...
Все хотѣло бы сердце вернуть,
Все, что сердцу мучительно жаль.

Ничего, ничего я забыть
Не хочу, что я сердцемъ любилъ,—
И себѣ не могу я простить,
Что невольно я сердцемъ забылъ.

Столько было борьбы и тревогъ,
 Столько было тяжелыхъ потерь,
 Что всего уберечь я не могъ,
 Что хотѣлось вернуть бы теперь!..

Далеко убѣгающій путь
 Въ безпредѣльно-туманную даль...
 Все хотѣло бы сердцу вернуть,
 Все, что сердцу мучительно жаль!..

III.

Тихое небо вечернее
 Съ первой звѣздой мерцающей...
 Стали просторы безмѣрнѣ,
 Дня суета ускользящей...

Просится что-то глубокое
 Въ сердце, но сердцемъ забытое:
 Радость ли жизни далекая?
 Жизни ли скорбь пережитая?..

IV..

Что это къ сердцу живою волною подходитъ,
 Сердце томительно-сладостной грустью сжимаетъ?
 Это бывое съ душой на свиданье приходитъ,
 Памяти сладкія слезы роняетъ...

Больно и сладко, отрадно и горько мечтаю,
 Въ двойственномъ чувствѣ невольно ликую и стражду:
 Счастье бывое съ восторгомъ душой вспоминаю,
 Радости прежней съ глубокою мукою жажду.

Филаретъ Черновъ.

ОЛЬГА.

Повѣсть *).

ГЛАВА I.

«омедантка», «психопатка», «дѣвица, которая съ жиру бѣсится и хочет оригинальничать» — вотъ тѣ эпитеты, которыми знакомые награждали молоденькую дѣвушку, влюбившуюся въ жениха своей подруги, встрѣтившую въ душѣ его полный откликъ на свое чувство, но немедленно покинувшей его, какъ только послѣдній волей судьбы сталъ свободенъ и сдѣлалъ ей предложеніе. Я совсѣмъ не зналъ этой молодой дѣвушки, и все, что мнѣ до сихъ поръ было о ней извѣстно, такъ это только то, что ее звали Ольгой Сергѣевной, и что она занимала независимое положеніе въ обществѣ. Все это, конечно, меня мало касалось, но когда на эту дѣвушку, какъ изъ рога изобилія, посыпались вышеупомянутыя ядовитыя словечки, личность ея невольно возбуждала во мнѣ интересъ. Этотъ интересъ имѣлъ за собой еще нѣкоторое оправданіе, заключавшееся въ томъ, что виновникомъ всѣхъ бѣдъ, посыпавшихся на голову Ольги Сергѣевны, этимъ самымъ знаменитымъ «женихомъ подруги» былъ ни кто иной, какъ мой землякъ, товарищъ по гимназій, бывшій въ то время уже медикомъ четвертаго курса, умный, славный парень — Павелъ. Несмотря на различныя факультеты, мы съ нимъ постоянно поддерживали свою старую дружбу и, если не поселились вмѣстѣ, то только потому, что я люблю и всегда любилъ тепло, а онъ — холодь, и ужиться такимъ образомъ въ одной комнатѣ мы ужъ никакъ не могли. Тѣмъ не менѣе видѣлись мы съ нимъ довольно

*) См. повѣсть „Изъ дневника Ольги“. Январь, стр. 72.

часто, и я не могъ не замѣтить, что въ моемъ другѣ съ нѣкотораго времени произошла какая-то перемѣна, совпавшая какъ разъ съ началомъ недружелюбныхъ толковъ въ публикѣ по поводу Ольги Сергѣевны. Перемѣна эта проявлялась въ томъ, что веселый, разговорчивый Павелъ сталъ задумчивымъ, молчаливымъ; энергичный, всегда погруженный по уши въ дѣло, онъ началъ замѣтно манкировать послѣднимъ; чего раньше никогда не бывало—его можно было теперь зачастую встрѣтить одиноко бродящимъ безъ опредѣленной цѣли по улицамъ и выкуривающимъ одну папиросу за другой.

Зашелъ я къ нему какъ-то разъ—вытащилъ его въ театр. Досидѣлъ онъ до половины пьесы, а тамъ не выдержалъ—удралъ. Ну, думаю, дѣло дрянъ, если ужъ и сцена развлечь не можетъ. Надо что-нибудь предпринять. Досмотрѣлъ до конца пьесу и прямо въ первомъ часу къ нему въ его холодильникъ направился. Открываетъ мнѣ дверь не онъ, а его товарищъ по квартирѣ—безуснй юристикъ, извѣстный всѣмъ подъ именемъ Жоржика.

— А Павелъ гдѣ? — спрашиваю.

— Какъ гдѣ? — удивился Жоржикъ. — Съ вами же вмѣстѣ въ театръ пошелъ.

Постоялъ я немножко на порогѣ и пошелъ обратно. Не прошелъ и десяти шаговъ, какъ на самого Павла наткнулся. Идетъ тихонько, покуриваетъ, руки въ карманахъ.

— Что это ты,—говорю,—братъ, изъ театра сбѣжалъ? Я ужъ думалъ, не захворалъ ли. Захожу къ тебѣ, а тебя еще и дома не было, да и теперь ты какъ-будто не очень домой торопишься.

— Правильно, — отвѣчаетъ, — совсѣмъ мнѣ домой итти не хочется, и если тебя не сильно ко сну клонитъ, пойдёмъ-ка, выпьемъ по кружкѣ пива.

Я ничего не имѣлъ противъ этого, и мы направилсъ въ маленькй ресторанчикъ, хорошо знакомый въ то время всѣмъ студентамъ и какъ-то особенно располагавшй къ откровеннымъ бесѣдамъ. Мы потребовали себѣ пива и, занявъ нѣчто въ родѣ отдѣльнаго кабинетика, расположились въ немъ по-домашнему съ своими кружками.

— Понимаешь ли ты, — началъ Павелъ, выпивъ быстро мелкими глотками одну кружку и наполняя себѣ другую, — понимаешь ли ты, что можетъ сдѣлать съ человѣкомъ женщина?

— Что мнѣ здѣсь понимать и зачѣмъ понимать, когда этотъ печальный фактъ въ дѣйствительности у меня передъ глазами — возразилъ я, глядя Павлу прямо въ лицо.

Онъ отставилъ кружку, оперся обоими локтями о столъ и, склонивъ на ладони свою слегка отяжелѣвшую уже голову, погрузился въ продолжительное молчаніе.

— Скажи, пожалуйста, — спросилъ я, видя, что самъ онъ теперь не скоро заговорить, — что за человѣкъ Ольга Сергѣевна?

— Прекрасный человѣкъ — произнесъ онъ рѣшительно. — Рѣдкій человѣкъ. Человѣкъ, который только разъ въ жизни встрѣчается.

— Прости за нескромный вопросъ — продолжалъ я, — она тебя любитъ?

— Да.

— Почему же она тебѣ отказала?

Павелъ вскинулъ на меня удивленные глаза.

— Она мнѣ и не думала отказывать.

Тутъ ужъ мнѣ пришлось въ свою очередь удивиться.

— Да какъ же — произнесъ я нерѣшительно — почему же всѣ говорятъ, что она тебя бросила?

— А ты больше вѣрь всей этой ерундѣ, тогда по крайней мѣрѣ вскорѣ до того довѣришься, что и себѣ самому вѣрить перестанешь...

— Но позволь, — перебилъ я его — вѣдь что она уѣхала, это фактъ, и что ты самъ на себя не похожъ — тоже фактъ. Всѣ эти слухи чѣмъ-нибудь же питаются?

— Само собой, питаются, да только не допытываются. Ну, и уѣхала она. Ну, и я самъ на себя не похожъ. Такъ что же? Развѣ изъ этого слѣдуетъ, что она мнѣ отказала?

— Зачѣмъ же она уѣхала?

— Станный вопросъ — зачѣмъ уѣхала? Я поближе къ ней, чѣмъ ты, и то ей такого вопроса не задамъ. Нашелъ человѣкъ нужнымъ уѣхать — и уѣхалъ. Мало ли о чемъ ей тамъ въ уединеніи поразмыслить захотѣлось.

— Ничего не понимаю — сказалъ я, пожимая плечами.

— Да въ сущности, это вѣдь совсѣмъ и не требуется, чтобы ты понималъ — произнесъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ Павелъ, — а что не понимаешь, такъ и это не мудрено: ты вѣдь ея не знаешь, а чтобы ее понимать, необходимо такъ ее знать, какъ я ее знаю.

— Ну и прекрасно — возразилъ я. — Допустимъ, что ты ее и знаешь, и понимаешь. Почему же тогда не находишь ты себѣ ни днемъ, ни ночью покоя, и изъ здраваго, нормальнаго человѣка превратился въ какого-то ночного философа?

— Вотъ это и есть то, о чемъ я началъ съ тобой говорить — произнесъ Павелъ съ загорѣвшимися взоромъ. — Я самъ не знаю, что со мной сдѣлала эта дѣвушка. Она такая правдивая, простая, непосредственная, а жизнь такая грязная и пошлая, что невольно дѣлается жутко за нее. Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ Ольгу, я не знаю не минуты покоя. Она любитъ меня, но я не знаю,

какъ долго она сможетъ меня любить. Она сама этого не знаетъ. Я бы все отдалъ за возможность назвать ее своею. и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ дѣлается страшно при мысли, — а ну какъ она не выдержитъ семейной жизни? А она можетъ не выдержать. Я не встрѣчалъ еще человѣка, который могъ бы такъ глубоко чувствовать и вмѣстѣ съ тѣмъ быть способнымъ на такіе рѣзкіе переходы, какъ она. Вотъ теперя она тамъ въ уединеніи думаетъ. Я могу заранѣе съ увѣренностью сказать, что, къ какому бы выводу она ни пришла, — онъ будетъ логиченъ, обоснованъ, глубоко продуманъ, но каковъ онъ будетъ, въ какую область залетятъ ея мысли, какія экстраординарныя послышки предношлетъ она своему умозаключенію — этого я даже приблизительно угадать не берусь. И страдаю я отъ этой неизвѣстности неизмовѣрно.

— Почему же ты ей не напишешь о всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ, колебаніяхъ? Тебѣ бы легче стало, — посоветоваль я ему.

— Эхъ, — произнесъ Павелъ, подымаясь изъ-за стола и натягивая на себя пальто, — самъ я знаю, что написать ей могъ бы, да только, опять видно, что ты ее не знаешь: насиловать ея волю никакъ невозможно...

Мы расплатились за пиво и вышли. Павелъ пошелъ домой, а я еще побродилъ немного при лунномъ свѣтѣ. Бесѣда съ товарищемъ долго занимала мои мысли, а личность Ольги стала для меня еще болѣе интересна.

ГЛАВА II.

Послѣ описаннаго разговора мнѣ еще много разъ случилось бесѣдовать съ Павломъ за кружкой пива на всевозможныя темы, но когда рѣчь заходила объ Ольгѣ, онъ всякій разъ какъ бы умышленно отмалчивался. Ясно было, что онъ не хочетъ касаться этой темы. Въ публикѣ говорили, поговорили объ этой дѣвушкѣ, перемыли ей, какъ слѣдуетъ, косточки, но такъ какъ объ Ольгѣ новыхъ извѣстій никакихъ не было, а всякая тема при такихъ условіяхъ скоро исчерпывается, то и о ней замолчали. Признаться, и я, встрѣчая со стороны Павла постоянный отпоръ, пересталъ вскорѣ о ней думать.

Между тѣмъ настала весна. У меня кончались экзамены, и такъ какъ я рассчитывалъ провести слѣдующій годъ за границей, то для поддержанія финансовъ съ первыми весенними ручьями началъ подыскивать себѣ подходящую кондіцію на лѣто. Мои поиски долгое время оставались безрезультатными, но, наконецъ, счастье мнѣ улыбнулось — если можно назвать счастьемъ заниматься по полдня съ без-

толковымъ, великовозрастнымъ генеральскимъ сыномъ, получающимъ ежегодно по двѣ переэкзаменовки. До тѣхъ поръ этотъ юноша каждое лѣто давалъ хорошій заработокъ одному изъ моихъ товарищей, но на этотъ разъ послѣдній рѣшилъ готовиться къ государственному экзамену и передалъ свой урокъ мнѣ. Такимъ образомъ мнѣ предстояло провести лѣто въ генеральскомъ имѣннн, гдѣ-то въ глуши, вдали отъ желѣзной дороги. Освѣдомившись предварительно объ этихъ условіяхъ, я рѣшилъ записаться всѣмъ необходимымъ на лѣто и первымъ дѣломъ принялся дѣлать выборки изъ своей библіотеки. За этимъ дѣломъ засталъ меня Павелъ.

— Куда это ты собрался? — спросилъ онъ, видя поэтической безпорядокъ моей комнаты.

— Точно куда — не могу тебѣ отвѣтить, такъ какъ самъ не знаю настоящаго названія моего будущаго мѣстопробыванія. Одно только мнѣ извѣстно, что оно находится не подалеку отъ какой-то деревеньки — Елани.

Павелъ стоялъ ко мнѣ въ полуоборотъ и разсматривалъ какую-то книгу, но при моихъ словахъ онъ быстро повернулъ ко мнѣ лицо и видимо удивленно переспросилъ:

— Отъ какой деревеньки?

— Отъ Елани. А что? — спрашиваю.

— Да такъ. Ничего — отвѣтилъ Павелъ и вскорѣ ушелъ. Вечеромъ заходитъ опять.

— Ты когда, говоритъ, думаешь ѣхать?

— Завтра.

— Такъ поѣдемъ вмѣстѣ — я тоже туда ѣду.

— А ты зачѣмъ? — удивился я. — Развѣ меня одного не достаточно для этого генеральскаго сына?

— Да совсѣмъ я не къ твоему генералу — возразилъ Павелъ. — Я въ Елань ѣду.

— А зачѣмъ тебѣ туда понадобилось?

— На тифозную эпидемію.

Потолковали мы съ нимъ еще немного, условились насчетъ поѣздки и на другой же день чуть свѣтъ выѣхали. Часовъ десять тащилъ насъ поѣздъ, пока мы прибыли на маленькій полустанокъ, откуда намъ предстояло еще верстъ тридцать проѣхать на лошадяхъ до уѣзднаго городка, въ которомъ мы разстались: Павелъ примкнулъ къ санитарному отряду, направлявшемуся въ Елань, а я пересѣлъ въ прекрасную генеральскую коляску, еще наканунѣ высланную за мной. Всю дорогу Павелъ былъ необыкновенно оживленъ и на мое замѣчаніе, что онъ совсѣмъ не имѣетъ вида челоуѣка, ѣдущаго на такое серьезное и отвѣтственное дѣло, только махнулъ рукой и отвѣтилъ съ улыбкой:

— Давно ужъ я въ своей родной степи не бывалъ — вотъ кровь и разыграла.

При прощаніи мы рѣшили возможно чаще видѣться лѣтомъ. Съ этой цѣлью Павелъ долженъ былъ первымъ навѣстить меня или увѣдомить какъ-нибудь о своемъ мѣстожительствѣ, о которомъ самъ онъ еще не имѣлъ вполне точнаго представленія.

Прошло около двухъ недѣль. Я успѣлъ уже вполне освоиться и съ своимъ ученикомъ, и со всей генеральской семьей, а отъ Павла все еще не было ни слуху, ни духу, такъ что я уже рѣшилъ было самъ отправиться наугадъ въ Елань, расположенную, дѣйствительно, очень близко отъ генеральской усадьбы, и попытаться разыскать тамъ своего пропавшаго друга. И вотъ вдругъ однажды утромъ появляется у насъ на верандѣ мужикъ и, долго молча развязывая какой-то красный узелокъ, извлекаетъ отсюда письмо.

— Отъ нашего дохтура — учителю, что съ паничемъ забавляются — пояснилъ онъ отъ себя адресъ на конвертѣ.

Это было не письмо, а очень коротенькая записочка отъ Павла, въ которой онъ извинялся, ссылаясь на недостатокъ времени, за свое долгое молчаніе, сожалѣя, что по той же самой причинѣ никакъ не можетъ самъ меня навѣстить, и просить, чтобы я, если время мнѣ позволяетъ, пришелъ какъ-нибудь вечеркомъ въ Елань въ квартиру сельской учительницы, Ольги Сергѣевны, гдѣ онъ бываетъ почти каждый вечеръ.

— Не стѣсняйся притти безъ приглашенія въ чужой домъ — писалъ онъ. — Я уже предупредилъ по этому поводу кого слѣдовало, и тебѣ тамъ никто не удивится.

Эта записка пролила свѣтъ на многія событія, и только тогда мнѣ стало понятно, почему моего друга понесло на эпидемію непременно въ Елань. Я не зналъ, куда уѣхала Ольга, и даже не подозревалъ, что она учительствуетъ именно здѣсь. Окончивъ свои занятія, я въ тотъ же вечеръ и, признаюсь, съ нѣкоторымъ любопытствомъ, отправился въ Елань.

Въ деревенской школѣ, гдѣ, какъ мнѣ сказали, живетъ учительница, я никого не засталъ.

— Барышня гулять пошли — пояснила мнѣ баба, очевидно, прислуживающая тутъ, — и наказали, чтобы, если кто придетъ, я въ горницу провела.

И съ этими словами она открыла дверь въ небольшую комнатку, находящуюся рядомъ со школой. Это-то и была «квартира» Ольги.

Странное впечатлѣніе произвела на меня эта комната: глиняный полъ, потолокъ и стѣны, выбѣленные мѣломъ съ сильной примѣсью фуксина, простенькая желѣзная кровать и возлѣ нея, судя по футляру, очень дорогая скрипка, расшатанный, некрашенный столикъ съ письменными принадлежностями и на немъ прекрасный мраморный бюстъ Чай-

ковскаго; доморощенная грубая этажерка, заваленная прекрасными, цѣнными изданіями; очень хорошо исполненный масляными красками небольшой портретъ Павла и тутъ же на натянутомъ холстѣ начатая работа—копія известной картины—Встрѣча Данте и Беатриче. Сразу становилось яснымъ, что для хозяйки этой комнаты существуютъ предметы первой важности и второстепенной. Къ первымъ относились: литература, искусства и, пожалуй, чувства; ко вторымъ—все остальное въ жизни.

Пока я предавался такимъ образомъ созерцанію и размышленію, дверь тихонько отворилась, и я впервые увидалъ Ольгу. Я ожидалъ встрѣтить отшельницу нѣсколько суровую, строгую, съ выраженіемъ сильной воли на лицѣ. Каково же было мое удивленіе, когда глазамъ моимъ представало совершенно еще юное созданіе съ блѣднымъ личикомъ, мягкими манерами и задумчивымъ, привѣтливимъ взоромъ. Ольгу нельзя было назвать красивой, но весь ея обликъ хрупкій и нѣжный представлялъ чарующую прелесть.

— Такъ вотъ она такая, — подумалъ я, вставая ей навстрѣчу и рекомендуясь.

Ольга дружески пожала мою руку.

— Простите, что заставила васъ ждать, но Павелъ не могъ указать мнѣ точно времени вашего прихода. а дежурить весь вечеръ на авось—не правда ли, скучно?—произнесла она съ улыбкой.—Вотъ я и гуляла здѣсь по-близости. Марьюшка, разведи-ка намъ самоваръ, а то скоро уже и другой паничъ придетъ, — обратилась она черезъ дверь къ прислуживающей женщинѣ.

— Такъ я, оказывается, сегодня удачно попалъ: Павелъ будетъ, — отнесся я къ Ольгѣ, чтобы что-нибудь сказать.

— Да эту удачу вы можете имѣть почти каждый вечеръ—мы съ Павломъ всѣ вечера проводимъ вмѣстѣ: развѣ иной разъ по какому-нибудь экстренному случаю его позовутъ.

Ольга сѣла къ столу на одну изъ трехъ табуретокъ, находившихся въ комнатѣ, и о чемъ-то глубоко задумалась. Улыбка уже не освѣщала ея лица, и во мракѣ надвигающихся сумерекъ оно приняло грустное, безпомощное выраженіе.

— А вотъ и Павелъ, — сказала она, слыша шумъ въ сѣняхъ.

Она не ошиблась — черезъ секунду вошелъ Павелъ. Онъ былъ потный, въ пыли, но походка его и манеры приняли опять тотъ бодрый, жизнерадостный отбѣнокъ, который онъ совсѣмъ было утратилъ зимою.

— Ахъ. здравствуй, — воскликнулъ онъ радостно, увидя меня.—Сейчасъ пожму твою руку, только прежде помыться

надо.—Онъ перевелъ свой взглядъ на Ольгу.—А мы чего такъ приуныли?—отнесся онъ къ послѣдней, подходя къ ней ближе и заглядывая въ глаза.

— Ничего, такъ себѣ, — возразила Ольга, доставая полотенце и начиная поливать ему на руки.

— Охъ, какъ мнѣ это твое «такъ себѣ» не по душѣ, — произнесъ Павелъ, покачивая головой, но сейчасъ же переимѣнилъ тему, началъ разспрашивать меня о моихъ дѣлахъ, рассказывать о своей деревенской практикѣ и, по-видимому, чувствовалъ себя отлично. Ольга по-немножку тоже вышла изъ задумчивости, стала проявлять интересъ къ рассказамъ Павла и моимъ, и, когда Марьюшка внесла въ комнату шипящій и пыхтящій самоваръ и зажгла на столикѣ лампу, мы всѣ трое уже весело болтали.

— А ты таки сегодня работала, — произнесъ между прочимъ Павелъ, взглянувъ на холстъ.

— И съ рѣдкимъ удовольствіемъ, — подтвердила Ольга.

Разговоръ перешелъ на живопись, затѣмъ на музыку, на литературу. Вечеръ прошелъ незамѣтно.

— Ну, однако, пора и честь знать — замѣтилъ Павелъ, вынимая часы. — Ты знаешь, что уже первый часъ: надо Ольгѣ покой дать.

Ольга вышла на крыльцо проводить насъ. Была прекрасная, лунная ночь. Вся неприглядность, невзрачность деревушки какъ бы куда-то исчезла, потонула въ серебряныхъ, мягкихъ лучахъ.

— Какая роскошная теплая ночь, — произнесла Ольга, присаживаясь на перила и глядя на небо.

— Ради Бога, только не мечтай здѣсь слишкомъ долго, — попросилъ Павелъ, прощаясь съ ней.

Мы пошли вмѣстѣ, такъ какъ намъ было по дорогѣ. Павелъ задумался и молчалъ.

— Ну, что, братъ, тебя поздравить можно? — прервалъ я его молчаніе. — Скоро: Исаія, ликуй?..

Павелъ безнадежно махнулъ рукой.

— До этого еще слишкомъ далеко, — отвѣтилъ онъ грустно и не прибавилъ въ теченіе всего пути больше ни слова. Я тоже не заговаривалъ. Такъ мы молча и растались.

ГЛАВА III.

Съ тѣхъ поръ я сталъ частенько заглядывать къ Ольгѣ. Освободился я обыкновенно раньше Павла и приходилъ къ ней еще засвѣтло. Вначалѣ Ольга какъ-будто чувствовала себя обязанной меня занимать, и это вносило нѣкоторую натянутость въ наши отношенія, но затѣмъ она стала по-немногу привыкать ко мнѣ и совѣмъ перестала со мной

стѣсняться. При закатѣ солнца ее тянуло обыкновенно въ поле на просторъ, и мы часами бродили съ ней по выгону въ ожиданіи Павла. Ольга больше молчала. Я говорилъ. Иногда она слушала меня, иногда—знаю это навѣрное—нѣтъ. На мои вопросы, о чемъ она думаетъ, она по большей части отшучивалась.

— Хочу весь міръ передѣлать, — скажетъ, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Но иногда мнѣ удавалось вызвать ее и на откровенность. Было это всего два раза.

Какъ-то однажды Павелъ сильно запоздалъ. Мы долго бродили молча по полю. Солнце зашло. Начали спускаться сумерки. Наконецъ Ольга устала.

— Сядемъ, — предложила она, опускаясь на траву, и, обхвативъ колѣни руками, стала задумчиво смотрѣть по тому направленію, откуда долженъ былъ притти Павелъ. Я сълъ возлѣ.

— Ольга Сергѣевна, — началъ я послѣ минутнаго молчанія, — какъ вамъ не скучно жить здѣсь всю зиму совершенно одной въ такой глуши?

Ольга посмотрѣла на меня сбоку.

— Кто вамъ сказалъ, что мнѣ не скучно? Мнѣ очень скучно: но не потому, что я живу одна и въ глуши, а потому, что вообще жизнь — скучная вещь.

— Простите, Ольга Сергѣевна, за откровенность, — возразилъ я. — но мнѣ кажется, что слова эти въ устахъ такой молодой дѣвушки, какъ вы, не больше, какъ только фраза. Вѣдь неестественно въ ваши годы добаться до такого яркаго пессимизма. Да, наконецъ, что вамъ мѣшаетъ устроить свою жизнь такъ, чтобы она не была скучна?

— Относительно того, что вамъ «кажется», я ничего не имѣю вамъ сказать, такъ какъ ваши субъективныя впечатлѣнія, признаюсь, меня очень мало интересуютъ. Что же касается «пессимизма», до котораго я, по вашимъ словамъ, «добралась», то думаю, что до него нельзя «добираться» — онъ, къ сожалѣнію, не справляясь ни о чьемъ желаніи, самъ касается каждаго. Кто хоть немного умѣетъ вникать въ окружающую жизнь, а въ этомъ, я полагаю, вы вѣдь мнѣ не можете отказать? Послѣднія же ваши слова: «устроить свою жизнь такъ, чтобы она не была скучна» — даже звучатъ для меня какъ-то дико. Развѣ жизнь можно устраивать?

— Мы съ вами, Ольга Сергѣевна, говоримъ на разныхъ языкахъ, и потому намъ трудно понять другъ друга. Скажите, что вы подразумѣваете подъ словомъ «жизнь»?

— Даръ напрасный, даръ случайный... — продекламировала она съ улыбкой.

— Ну, а болѣе серьезнаго назначенія вы за жизнь не признаете?

— На себѣ я его что-то пока еще не испытываю — воз-

разила она уже совершенно серьезно. — Бесспорно, многие находили и теперь находят свое определенное назначеніе въ жизни, но всѣхъ ихъ, по-моему, можно раздѣлить на двѣ группы: одни дѣлаютъ безропотно свое маленькое дѣло, не задумываясь и не желая задумываться надъ нимъ — такихъ большинство; другіе — признаютъ только идею, которой служатъ, которой посвящаютъ самоотверженно свою жизнь: это — фанатики. Конечно, жизнь такихъ людей не безсодержательна, для нихъ она не «даръ напрасный, даръ случайный», но... но... вѣдь эти люди — не свободные люди: идея ихъ порабощаетъ. Они въ нее вѣрятъ слѣпо, безъ анализа иначе, навѣрное, она бы зашаталась, и все зданіе въ одинъ прекрасный день обрушилось бы. Чѣмъ же я виновата. если мнѣ не свѣтитъ ни одна такая идея, и если я не могу относиться къ жизни безъ анализа? Меня многое интересуетъ въ жизни, но только до тѣхъ поръ, пока я его не познаю. Тогда интересъ пропадаетъ. И въ общемъ жизнь совершенно безмысленна.

— Тогда, можетъ быть, проще всего было бы совсѣмъ прекратить такую жизнь, — продолжалъ я выпытывать Ольгу. Она отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Развѣ смерть не такъ же безмысленна, какъ и жизнь? Смерть хороша, какъ единственное вѣрное лѣкарство, разомъ прекращающее всѣ недуги, какъ моральные, такъ и физическіе, но вѣдь я пока въ этомъ лѣкарствѣ не нуждаюсь, а мѣнять «просто такъ» одну безсодержательность на другую, — какой же въ этомъ смыслъ?

Ольга замолчала, продолжая задумчиво глядѣть на дорогу.

— А мнѣ все же кажется, — началъ я, минутой спустя, — что такая уединенная жизнь, которую вы ведете, кладетъ свой отпечатокъ на ваше міросозерцаніе и даетъ еще больше простора разному мудрствованію, къ которому вы склонны по натурѣ.

— Можетъ быть, — согласилась Ольга, — только не думайте, что я меньше «мудрствовала», когда жила тамъ въ городѣ. Нисколько. Правда, я была окружена не одними ребятишками, какъ тутъ. Я могла пользоваться тамъ обмѣномъ мыслей, котораго мнѣ здѣсь сильно не хватаетъ. Но, въ общемъ, я вѣдь и тамъ была одна и простору мудрствовать имѣла сколько угодно. Не умѣю я какъ-то сживаться съ людьми, входить цѣликомъ въ ихъ интересы, и часто важное для другихъ — для меня является совсѣмъ незначительнымъ. И этого не считаю нужнымъ скрывать, а люди по большей части этого не понимаютъ или не хотятъ понять, и называютъ меня холодной. И было бы лучше, если бы я притворно имъ поддакивала, и тогда меня называли бы чуткой, сердечной. У меня есть двѣ подруги, съ которыми я

жила почти съ самаго дѣтства, и, представьте, даже онѣ меня понимаютъ превратно: въ лучшемъ случаѣ, находятъ, какъ и вы, что я мудрю, а то и вовсе приписываютъ мнѣ какія-то гнусности. Развѣ послѣ этого не понятно, что я вездѣ чувствую себя одинокой.

— Вотъ вы говорите, Ольга Сергѣевна, что васъ никто не можетъ понять. Что же вы находите себя такой ужъ сложной натурой, которая не поддается пониманію простыхъ смертныхъ?

— Наоборотъ — живо возразила Ольга — моя натура именно слишкомъ не сложна и потому, вѣроятно, и не можетъ никакъ усвоить себѣ тѣхъ здравыхъ понятій о жизни, которыя, какъ я вижу, такъ легко усваиваются большинствомъ. Но почему людямъ такъ неприятно, когда человѣкъ въ силу чего бы то ни было не можетъ улечься въ обычныя рамки, не можетъ проникнуться общепринятыми взглядами, а бродитъ между своими собратіями и ищетъ чего-то иного — самъ не зная чего. Почему такой человѣкъ остается всегда одинокимъ? Почему никто не задумается надъ нимъ, какъ надъ своимъ же несчастнымъ братомъ, а наоборотъ, онъ вызываетъ у большинства желаніе лягнуть его? — этой психологій я никакъ постигнуть не могу.

— Итакъ, вы въ своей жизни не встрѣтили ни одного человѣка, который бы понялъ васъ какъ слѣдуетъ, и оттого вы несчастны?

— Вотъ и вы меня превратно поняли, — произнесла Ольга со вздохомъ. — Быть можетъ, я не умѣю ясно выражаться, но только у меня въ мысляхъ не было говорить вамъ подобную дичь. Я хотѣла только сказать, что на несчастнаго человѣка почему-то не принято смотрѣть, какъ просто на несчастнаго, а вовсе не потому онъ несчастенъ, что на него не такъ смотрятъ. Потомъ я говорила не объ отношеніи всѣхъ людей поголовно, а только объ обычномъ отношеніи большинства, и касалась этого лишь постольку, поскольку это служить причиной чувства одиночества человѣка среди людей. Развѣ изъ всего этого слѣдуетъ, что я не встрѣчала въ жизни человѣка, который бы меня понималъ? А еще менѣе слѣдуетъ, чтобы я поэтому была несчастна.

Ольга смолкла, но лица ея мнѣ не было видно, такъ какъ уже совсѣмъ стемнѣло.

— Если хотите, — продолжала она послѣ минутной паузы, — то все мое несчастье заключается именно въ томъ, что я встрѣтила такого человѣка и полюбила его и мучусь теперь за него... А вотъ онъ и идетъ, этотъ человѣкъ... — воскликнула она вдругъ сразу перемѣнившимся веселымъ тономъ, ухитрившись различить что-то въ темнотѣ и подымаясь навстрѣчу приближавшемуся къ намъ Павлу.

— Гдѣ ты запоралъ? — продолжала она, сжимая его

руки и перевѣсившая на себя его дорожную сумку. — Я ужъ и надежду потеряла видѣть тебя сегодня. Вѣрно усталъ? голоденъ?

Павелъ былъ, какъ всегда, усталый и, какъ всегда, веселый. Мы всѣ направились къ школѣ, и мои спутники всю дорогу оживленно болтали. А я молчалъ: мнѣ было немного досадно, что Павелъ не опоздалъ еще на полчаса, и не далъ, такимъ образомъ, Ольгѣ высказаться до конца. А она меня очень интересовала и была въ такомъ настроеніи, что, пожалуй, могла бы еще многое высказать. „Моментъ прошелъ, — думалъ я, — когда-когда еще удастся вызвать ее опять на откровенность“.

ГЛАВА IV.

Мое сожалѣніе оказалось не безосновательнымъ. Ольга опять, какъ улитка, ушла въ себя. Она была попрежнему мила, ухаживала за Павломъ, шутила, смѣялась, молчала, когда на нее нападалъ такой стихъ, но едва лишь я пробовалъ возобновить разговоръ прерванный тогда появленіемъ Павла, какъ она сейчасъ же очень искусно мѣняла тему, и мнѣ не удавалось вывѣдать отъ нея ни слова. Случай помогъ мнѣ.

Какъ-то разъ генеральскій сынокъ проявилъ во время урока небывалое прилежаніе, и я освободился ранѣе обыкновеннаго. Конечно, я немедленно отправился къ Ольгѣ. Я не засталъ ея дома, но на этотъ разъ уже не сталъ ожидать ее, какъ въ первый свой визитъ, въ школѣ, а пошелъ разыскивать ее въ лѣсу, куда она, по словамъ Марьюшки, ушла съ самаго обѣда. Мнѣ не стоило большого труда разыскать ее, такъ какъ я хорошо зналъ ея любимыя полянки, куда мы вмѣстѣ иной разъ ходили. Къ тому же и время приближалось осеннее: лѣсъ порѣдѣлъ, и глазъ могъ охватывать пространство на далекое разстояніе. Медленно переступая и прислушиваясь къ шороху сухихъ листьевъ, я вскорѣ, дѣйствительно, набрелъ на Ольгу. Она сидѣла въ полуоборотъ ко мнѣ, примостившись у обнаженныхъ корней старой ели. На колѣняхъ у нея лежала раскрытая книга, но она не читала. Подперевъ руками голову, она задумчиво глядѣла вдаль, и на глазахъ ея стояли слезы. Я остановился, не зная, какъ мнѣ поступить: удалиться ли незамѣтно и не смущать ее въ такую минуту своимъ присутствіемъ, или же наоборотъ, — подойти и оказать ей сочувствіе, въ которомъ она, быть можетъ, очень нуждалась. Я остановился на послѣднемъ и умышленно произвелъ шумъ, какъ-бы зацѣпившись за вѣтку.

Ольга обернулась и увидѣла меня, но не обнаружила

при этомъ никакого смущенія. Она спокойно выждала, пока я подошелъ къ ней и сѣлъ рядомъ, и тогда протянула мнѣ молча руку. Глаза ея продолжали оставаться влажными, и она даже не подумала скрыть слѣды своихъ слезъ. Она просто продолжала молчать. Я тоже молчалъ нѣкоторое время, но, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ:

— Неужели неудовлетворенность жизни угнетаетъ васъ до слезъ?

Ольга горько улыбнулась.

— Опять не впадать, — сказала она.

— Ну, такъ что же въ такомъ случаѣ съ вами? — произнесъ я нѣсколько возмущеннымъ тономъ, выходя изъ себя.

— Вамъ это хочется знать изъ любопытства? — спросила серьезно Ольга.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что едва ли васъ могутъ интересовать мои чисто субъективныя переживанія.

Она меня окончательно разсердила.

— Засталъ васъ на мѣстѣ преступленія — въ слезахъ — сказалъ я ей съ нѣкоторой долей запальчивости, — такъ вотъ вамъ и хочется шутками и пустыми фразами замаскировать все это. Гордость сатанинская.

— Нисколько, — Ольга отрицательно покачала головой. — Мнѣ просто казалось, что я вызываю у васъ какого-то дешеваго сорта любопытство, и мнѣ это было неприятно, и если я въ данномъ случаѣ ошиблась, — то я очень рада. Что же касается моего угнетеннаго настроенія, если вы ужъ такъ добиваетесь его причины, то оно происходитъ отъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ я въ настоящее время нахожусь: я положительно не знаю, что мнѣ дѣлать съ Павломъ.

При послѣднихъ словахъ ея я насторожился.

— А что же съ Павломъ? — спросилъ я минугоу спустя, видя что она опять замолчала.

— Развѣ вы не замѣчаете, какимъ онъ опять сталъ за послѣднее время? Ходить, какъ въ воду опущенный. А что за причина? — Уѣзжать надо, за работу приниматься, какъ онъ самъ говоритъ, а у него мозгъ только на одно и направленъ, — чтобы я за него замужъ вышла. Какъ пожить, говорить, здѣсь около меня все лѣто, такъ еще хуже стало: даже подумать жутко опять одному въ городъ возвращаться. Боятся, что не выдержитъ, — запьетъ. Прошлую зиму, говорить, на волосокъ отъ этого былъ. А вѣдь я его люблю, и мнѣ его жалко. Я ужъ не знаю, что придумать.

— А почему бы вамъ на самомъ дѣлѣ не выйти за него замужъ? — задалъ я вопросъ Ольгѣ.

— Да потому, что мнѣ кажется, что онъ сильно заблуд-

ждается, видя въ этомъ единственное спасеніе. Это не мѣра — никогда онъ со мной счастливъ не будетъ.

— Почему вы такъ думаете? А мнѣ вотъ кажется, сколько я васъ тутъ вмѣстѣ наблюдаю, — вы какъ нельзя болѣе другъ къ другу подходите. Вѣдь, сознайтесь, вы сами не можете этого не знать, что никто ни въ чемъ не умѣетъ угодить Павлу такъ, какъ вы.

— Скажу вамъ на это, — возразила Ольга, — что вы обладаете очень поверхностной наблюдательностью. Развѣ суть въ томъ, что я пришью ему всѣ пуговицы, перечищу его платья, накормлю его во-время, даже почитаю ему, когда онъ хочетъ. Это совсѣмъ не мудрено, и если бы я всего этого даже не умѣла, то тоже было бы неважно: этому научиться при желаніи всегда можно. Но не объ этомъ рѣчь, и не этого отъ меня Павелъ хочетъ. Если вы, дѣйствительно, какъ говорите, все время за нами наблюдали, то вы должны были замѣтить тотъ пылливый взглядъ, который онъ всегда при встрѣчѣ устремляетъ на меня, то тревожное выраженіе, которое появляется на его лицѣ всякій разъ, какъ только я грустна или задумчива. Онъ предпочелъ бы, чтобы я ничего не умѣла дѣлать, была бы гораздо глупѣе, чѣмъ я есть, лучше капризничала, какъ большинство женщинъ, но только не задумывалась бы надъ неразрѣшимыми вопросами, не чувствовала бы постоянной неудовлетворенности жизни. А какъ могу я это сдѣлать? — Этому ужъ нельзя, къ сожалѣнію, научиться. Никакой бракъ отъ этого не спасетъ, и Павелъ только будетъ всю жизнь свою страдать. Ничего больше.

— Но согласитесь, — возразилъ я, — что вы вѣдь тоже можете ошибаться. Вѣдь это вамъ только кажется, что выйдя замужъ за человѣка, котораго вы любите, вы будете такъ же неудовлетворены жизнью, какъ и теперь. А мнѣ вотъ, представьте, кажется совершенно обратное: выйдете вы замужъ, появятся дѣти; заботы о нихъ, о ихъ воспитаніи такъ наполняютъ всю вашу жизнь, что и вспоминать о бывшей неудовлетворенности жизнью будетъ некогда.

— Такія разсужденія я уже не разъ слыхала и въ жизни и въ литературѣ, — произнесла задумчиво Ольга, — только въ томъ-то и дѣло, что у меня все какъ-то не такъ, какъ у другихъ. Конечно, я далеко не увѣрена, что всѣ мои взгляды и разсужденія правильны; больше того, — я хотѣла бы, чтобы они были неправильны, чтобы нашелся кто-нибудь, кто разбилъ бы меня въ пухъ и прахъ и доказалъ бы мнѣ, что я въ корнѣ во всемъ неправа, но, увы, такого что-то не находится. Наоборотъ, такой умница, какъ, напримеръ, Павелъ, молчитъ. А почему онъ молчитъ? — Вѣроятно возразить ничего не имѣетъ, а ужъ онъ навѣрное охотнѣе, чѣмъ кто-либо повернулъ бы вверхъ дномъ все

мое міросозерцаніе. Менѣ умные люди, всегда, напримѣръ, возражаютъ. Но что они возражаютъ? Боже, какъ все это у нихъ пахнетъ общими мѣстами, какъ все нелѣпо, необосновано. Вы, напримѣръ, находите, что можно найти полное удовлетвореніе въ жизни, занявшись воспитаніемъ своего ребенка. А приходилъ ли вамъ въ голову вопросъ, который безусловно долженъ предшествовать такому успокоенію: а для чего, вообще, являться на свѣтъ новому человѣку? Развѣ такъ ужъ мало людей на свѣтѣ? Или существующимъ людямъ такъ ужъ хорошо живется, что является невольное стремленіе осчастливить этой жизнью еще новыя и новыя созданія? Нѣтъ? Вамъ эти вопросы не приходили въ голову? Но вѣдь тогда же и ваше удовлетвореніе въ распространеніи рода человѣческаго является ничѣмъ не обоснованнымъ «просто такъ». Но допустимъ даже, что ребенокъ уже существуетъ, — не мой ребенокъ, а вашъ, и вы даете мнѣ этого ребенка и говорите: «Воспитывай его, — пусть это будетъ цѣлью твоей жизни». Скажите, неужели вамъ, зная меня, не было бы странно это сдѣлать. Неужели у васъ не возникъ бы на первомъ планѣ вопросъ: во имя чего же она его будетъ воспитывать, она, которая сама никакой почвы подъ ногами не имѣетъ? Не замелькала ли бы въ такой серьезной моментъ передъ вами странная картина массоваго самоубійства нашихъ дѣтей, — явленіе, которое, увы, стало въ наши дни считаться «бытовымъ», и источникомъ котораго, быть можетъ, служить именно эта беспочвенность?

Говоря это, Ольга сильно волновалась. Видно было, что я задѣлъ ея самыя чувствительныя струны.

— Но позвольте, Ольга Сергѣевна, не всё же дѣти, слава Богу, вѣшаютъ и стрѣляются, — значитъ, вѣрно, и въ наше время есть какая-нибудь хоть плохенькая почва, за которую все же уцѣпиться можно. Вотъ и мы съ вами живы и невредимы, а ужъ изъ дѣтскаго возраста кажется вышли, — попробовалъ я пошутить. Но Ольгѣ было не до шутокъ.

— Насъ съ вами въ расчетъ брать нельзя, — возразила она, — наши родители были совѣмъ другіе люди: у нихъ былъ прочный фундаментъ въ жизни, — безотчетная вѣра. Въ этой вѣрѣ они насъ и воспитывали, учили насъ просто любить Бога и бояться его, и мы любили, и боялись и вѣрили всему, потому что сами учителя наши были убѣждены въ правотѣ своего ученія и вліяли на насъ не словами, а именно этой убѣжденностью. И это задало намъ огромную мозговую работу въ періодъ пробужденія собственнаго сознанія, дало много горькихъ разочарованій въ жизни, но спасло наше дѣтство. Наши родители, основываясь на вѣрѣ, имѣли на все для ребенка готовый отвѣтъ, а съ ка-

кимъ же багажомъ предстану я передъ своимъ ребенкомъ, я, которая до основанія утратила свою старую дѣтскую вѣру и не обрѣла взамѣнъ ея *ни-че-го*. Я не отрицаю, что и въ наше время многіе умѣютъ какъ-то ладить со всѣмъ: не вѣрятъ въ Бога, а дѣтей своихъ закону Божьему учатъ, молиться заставляютъ; требуютъ отъ дѣтей правды, а сами въ ихъ присутствіи лгутъ и т. д. Но вѣдь я же о нихъ и не говорю. Я говорю только, что я то сама ужъ ни коимъ образомъ въ матери не гожусь и никогда за воспитаніе своего ребенка не взялась бы.

— Павель это знаетъ? — спросилъ я.

— Ну, конечно.

— И какъ же онъ къ этому относится?

— Особенно никакъ: самъ, говоритъ, воспитывать буду.

При этихъ словахъ Ольга улыбнулась, но вскорѣ опять лицо ея стало серьезно.

— Я вѣдь очень люблю дѣтей, — продолжала она мину-ту спустя. — и еще задолго до знакомства съ Павломъ надъ всѣми этими вопросами раздумывала. Одно время даже принялась составлять грамматику жизни: длинную трехтомную повѣсть написала, въ которой вывела себя матерью и проводила свои идеи о воспитаніи. Почти годъ я надъ этой повѣстью работала, каждая строчка въ ней нервами написана. И что же получилось въ итогѣ? — Мое дѣтище, моя милая, покладистая Маруся, усваивающая въ совершенствѣ все то, что мнѣ хотѣлось вложить въ нее воспитаніемъ, эта самая Маруся — не живетъ, а всю свою жизнь только мучится и мучится именно благодаря моему воспитанію. Какъ я ни старалась, какъ ни разсматривала съ нею вмѣстѣ во всѣ глаза вселенную, — я все же не нашла для нея мѣста въ жизни. Нѣтъ, какая ужъ я мать.

Ольга печально покачала головой и встала.

— Пойдемте, поищемъ Павла, — предложила она мнѣ, — а то онъ тоже сталъ теперь частенько уединяться, — видно, отъ меня заразился.

Мы пошли по направленію къ школь и по дорогѣ, дѣйствительно, встрѣтили Павла. Онъ шелъ медленно, опустивъ голову и машинально сбивая прутикомъ попадавшіеся цвѣты.

— Павель! — окликнула его издали Ольга, — что за разбойничьи инстинкты? — чѣмъ цвѣты передъ тобой провинились?

Павель поднялъ голову, увидѣлъ Ольгу и улыбнулся ей. Но скоро онъ опять сталъ печальнымъ, и какъ Ольга ни старалась развеселить его, — ей въ теченіе всего вечера ни разу это не удалось. Мнѣ было тоже какъ-то не по себѣ, и я ушелъ домой раньше обыкновеннаго. А Павель можетъ нехорошо кончить, — раздумывалъ я дорогой.

Когда я на другое утро вышел на веранду къ чаю. тамъ стоялъ опять тотъ же мужикъ изъ Елани, и опять же изъ краснаго узелка вынулъ мнѣ письмо отъ Павла. И письмо его опять было коротенькое, но только содержаніе письма заставило меня сначала протереть себѣ глаза, а потомъ только пожать плечами. На лоскуткѣ бумаги красивымъ, твердымъ почеркомъ Павла было написано:

«Поздравь меня, — я женюсь. Вчера Ольга дала свое согласіе».

Вечеромъ я, конечно, пошелъ къ нимъ. Я засталъ ихъ вмѣстѣ. Павелъ прямо весь преобразился: это было само олицетвореніе счастья. Никогда ни до этого, ни послѣ не видалъ я его такимъ. Онъ положительно боготворилъ Ольгу, дышалъ ею, сдувалъ съ нея пылинки. И Ольга тоже была очень мила: лицо еще блѣднѣе, чѣмъ наканунѣ, широко раскрытые, задумчивые глаза съ такой доброй, согревающей улыбкой, свѣтящей откуда-то изъ глубины зрачковъ, и эта милая женственность во всемъ...

Черезъ два дня я уѣзжалъ за границу. Они стояли подъ руку въ пыли проселочной дороги, махали платкомъ вслѣдъ моему удаляющемуся экипажу и посылали свои пожеланія. Я отвѣчалъ имъ тѣмъ же. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось тогда, чтобы они были счастливы.

ГЛАВА V.

Вечеромъ я, конечно, пошелъ къ нимъ. Я засталъ ихъ границей, и за эти года я невольно успѣлъ утратить почти всѣ свои старыя связи. Съ смѣшаннымъ чувствомъ радости и любопытства подѣзжалъ я послѣ такого долгаго отсутствія къ Москвѣ, гдѣ мнѣ предстояло провести нѣсколько дней по дорогѣ на югъ Россіи. Я сталъ перебирать въ памяти имена знакомыхъ и родныхъ, которые по моимъ соображеніямъ могли быть въ то время въ Москвѣ, и вспомнилъ одну свою кузину, года три тому назадъ вышедшую замужъ и жившую тамъ безвыѣздно. Къ ней-то я и направился сейчасъ по приѣздѣ.

Несмотря на радость, вызванную моимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, кузина моя была очень озабочена — у нея былъ боленъ ребенокъ, и она съ минуты на минуту ждала врача. Видя, какъ нестати я попалъ, я хотѣлъ сейчасъ же удалиться, но меня не пустили и заставили въ одиночествѣ бродить по пустой гостиной. Я пересмотрѣлъ всѣ альбомы съ фотографіями, пробѣжалъ нѣсколько номеровъ неизмѣнной «Нивы» и, наконецъ, принялся было за забытую кѣмъ-то на окнѣ геометрію Давыдова, когда въ передней раздался звонокъ, и вслѣдъ за нимъ на порогѣ гостиной появился такъ страстно ожидаемый въ семьѣ док-

торъ. Я поднялъ голову, и наши взгляды встрѣтились: передо мной стоялъ Павелъ. Оказалось, что онъ уже практикуеть въ Москвѣ. Онъ далъ мнѣ свой адресъ и взялъ съ меня слово, что я въ тотъ же день прѣйду къ нему.

Въ семействѣ моей кузины Павелъ лечилъ уже не первый разъ, и тутъ мнѣ удалось узнать, что онъ давно женатъ и имѣетъ сына. Относительно жены его кузина моя выразилась какъ-то неясно: не то она ея не знаетъ, не то она ея не любитъ — словомъ, разобрать было трудно.

По дорогѣ къ старому товарищу я воскресилъ въ своей памяти образъ Ольги и пробовалъ представить ее себѣ въ роли матери, хозяйки. Я вспомнилъ наши разговоры въ Елани и невольно подумалъ при этомъ: вѣроятно, за это время всѣ сомнѣнія ея уже успѣли улечься, и изъ нея получился заурядный типъ мамыши.

Павелъ самъ открылъ мнѣ дверь и провелъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Тутъ при свѣтѣ лампы я хорошо разсмотрѣлъ его: онъ сильно похудѣлъ, въ его каштановые волосы прокралась сѣдина, въ манерахъ проявилась не свойственная ему раньше суетливость.

— Однако рано, братъ, ты вздумалъ сѣдѣть, — пошутилъ я, садясь съ нимъ рядомъ на удобную кожаную кушетку. Павелъ улыбнулся.

— Это еще полбѣды — лишь бы хуже чего не было, — произнесъ онъ, задумчиво глядя на свѣтъ, и въ голосѣ его послышались грустныя нотки. Но онъ сейчасъ же перемѣнилъ тонъ и сталъ съ интересомъ разспрашивать меня о моей жизни за границей. Я много и долго рассказывалъ ему, а самъ все посматривалъ на дверь въ ожиданіи, что вот-вотъ появится Ольга, которую мнѣ очень хотѣлось видѣть. Наконецъ, дверь на самомъ дѣлѣ отворилась, но вмѣсто ожидаемой Ольги въ кабинетъ вошелъ маленькій мальчикъ.

— Папа, пойдемъ обѣдать, — обратился онъ къ Павлу, но при видѣ чужого чловѣка нѣсколько смутился и остановился въ нерѣшительности посреди комнаты.

— Сейчасъ, Алеша, сейчасъ, — засуетился отецъ. — Скажи, чтобы еще приборъ поставили: дядя съ нами обѣдать будетъ. Видно, Ольга не придетъ ужъ сегодня къ обѣду: — я ее все поджидалъ, — обратился онъ ко мнѣ, — у нихъ тамъ теперь такая масса дѣла.

— Гдѣ это у нихъ? — спросилъ я, направляясь вмѣстѣ съ Павломъ въ столовую.

— Ахъ да, — спохватился Павелъ, — ты вѣдь и не знаешь: Ольга ужъ второй годъ, какъ на сценѣ. Всю прошлую зиму въ Н. играла, а въ этомъ году въ Москвѣ.

— Вотъ какъ, — удивился я. — Я и не подозрѣвалъ за ней сценическихъ склонностей.

— Какъ же, какъ же, — продолжалъ Павелъ, подвизывая

Алешѣ салфетку и наливая супъ. — Четыре года усердно проработала, филармонію окончила, а теперь выступаетъ. Сегодня первый разъ въ Анфисѣ. Волнуется страшно. А играетъ хорошо, съ душой. Хочешь, пойдѣмъ сегодня, посмотримъ?

Я охотно согласился.

И я увидалъ ее на сценѣ.

Много хорошаго я видѣлъ въ своей жизни на сценѣ. Все помнится, забывается, воспоминается. Но Ольгу въ роли Анфисы — я никогда не забуду. Не потому, чтобы Ольга была ужъ такой талантливой артисткой, не потому, чтобы роль Анфисы ей ужъ такъ подходила. Нѣтъ. Но передъ нами на сценѣ былъ человѣкъ, который не игралъ — а жилъ, который не произносилъ «роль», а вскрывалъ язвы души своей, и это страшно било по нервамъ. Когда она въ послѣднемъ дѣйствіи вполголоса ублаживала Костомарова — театр не дышалъ. Я мелькомъ взглянулъ на Павла. Въ эту минуту онъ съ такой тоской и мукой глядѣлъ на Ольгу, что мнѣ его стало отъ души жаль.

По окончаніи представленія я хотѣлъ ѣхать домой, но Павелъ удержалъ меня.

— Куда ты? Не хочешь даже повидаться съ Ольгой? Она узнаетъ — обидится. Поѣдемъ къ намъ поужинать.

Я покорился, но Павелъ напрасно боялся, что Ольга обидится. Какъ въ чаду вышла она изъ театра, машинально поздоровалась со мной, машинально отвѣчала на наши вопросы и машинально ѣла.

— Ольга? — обратился къ ней въ концѣ ужина Павелъ. — Алеша очень горевалъ, что не видѣлъ тебя сегодня, и просилъ меня, чтобы ты его на ночь доцѣловала.

— Хорошо, — отозвалась Ольга и встала изъ-за стола.

Я сталъ прощаться. Павелъ пошелъ меня проводить.

— Знаешь, братъ, — предложилъ онъ мнѣ, когда мы поравнялись съ небольшимъ кабачкомъ — вспомнимъ — ка старину: зайдемъ — побесѣдуемъ. Богъ знаетъ, когда намъ еще суждено будетъ встрѣтиться.

Мы завернули и опять заняли отдѣльный кабинетикъ, какъ много лѣтъ тому назадъ. Павелъ потребовалъ пива.

— Ну, — началъ онъ, — смотришь ты на нашу жизнь и диву даешься? Говори правду.

— Да, признаться, не ожидалъ, что такъ ваша жизнь сложится. Какъ это вышло, что Ольга Сергѣевна до сцены додумалась?

— Что она додумалась — въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Развѣ можно предвидѣть, до чего она способна додуматься? А какъ все это вышло? — Такъ я этого и самъ какъ слѣдуетъ не знаю. Поженились мы съ ней тогда вскорѣ послѣ твоего отъѣзда и такъ хорошо зажили, что лучше

и желать нельзя. Я университетъ кончала, а она себѣ дома копалась: рисовала, играла, писала. Только прошло такъ съ полгода, вижу — начала моя Ольга опять задумываться. Ничего мнѣ не говоритъ и даже, наоборотъ, веселой быть старается, но вѣдь отъ меня довольно трудно скрыться. Сталь думать, что за причина? Тоже ее не спрашиваю, а только по мѣрѣ силъ развлечъ ее стараюсь. А тутъ она еще въ то время Алешу ожидала. Можетъ и это, думаю, на нее влѣяетъ. Замѣтилъ, что охотнѣе всего она въ театръ ходитъ, и давай ее водить по театрамъ. Господи, чего только мы съ ней за ту зиму не пересмотрѣли. Разъ какъ-то она и говоритъ мнѣ:

— Знаешь, не будь я замужемъ, я бы сейчасъ въ Москву поѣхала и поступила бы тамъ въ филармонію.

— Чѣмъ же, спрашиваю, тебѣ замужество мѣшаетъ? Вотъ я кончу, переѣдемъ въ Москву, и поступай, куда хочешь.

— Ну вотъ, говоритъ, какія глупости. Сама младенца на свѣтъ произвести собираюсь, тутъ я дома нужна буду, и вдругъ въ филармонію полѣзу.

Даже обидѣлась на мое предложеніе.

— Что жъ, отвѣчаю, дѣло твое. Я жъ тебя ни въ чемъ не неволю.

Такъ на этомъ разговоръ у насъ и кончился.

Наступила весна. Появился на свѣтъ Алеша. Вотъ тутъ и пошли пытки. Привязалась она къ нему сильно. Съ рукъ не спускаетъ. Все забросила — только съ нимъ однимъ и возится. А мальчикъ какъ на зло хирѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Вижу я, что ему Ольгино молоко не въ прокъ. Вся ея нервность, впечатлительность непосредственно на ребенкѣ отражается. Выказалъ я ей свое предположеніе, посоветовались со врачомъ, онъ подтвердилъ, и пришлось намъ взять для Алешки кормилицу. Мальчикъ сразу поправился. Ольга долго молча присматривалась и къ нему и къ кормилицѣ, а потомъ совсѣмъ почти перестала въ дѣтскую заглядывать. Грустная такая стала; сидитъ цѣлыми днями одна — читаетъ.

— Что это ты, Оличка, — спрашиваю я у нея однажды — совсѣмъ что-то къ Алешѣ не заглядываешь?

— А зачѣмъ, — спрашиваетъ, — мнѣ туда заглядывать? Себя тѣшить? Кормилица у него прекрасная, и больше пока ему ничего не надо.

— Что же ты такая грустная, — продолжаю я спрашивать.

— Такъ, — говоритъ, — какъ-то обидно: даже тутъ на первыхъ порахъ я уже не погодилась.

— Полно, говорю, Ольга, нервничать изъ-за такихъ пустяковъ. Займись лучше чѣмъ-нибудь. Вонъ ты рисование совсѣмъ забросила, къ роялю ужъ и не помню когда ходила.

— Что-то не хочется, — отвѣчаетъ и опять за книжку.

Тѣмъ временемъ мы переѣхали въ Москву, и я занялся практикой. Въ послѣдней мнѣ повезло, и я сталъ проводить массу времени внѣ семьи. Забѣгу, бывало, разъ въ день въ дѣтскую къ Алешѣ, да Ольгу только за обѣдомъ да по ночамъ и видѣлъ. Замѣчаю, что ей опять сильно не по себѣ, хотя сама бодрится и даже виду подать не хочетъ. Ухаживаетъ за мной, объ Алешѣ опять заботиться стала, даже хозяйствомъ занялась, а по ночамъ, вижу, не спитъ. Какъ замѣтить, что я на нее смотрю, такъ глаза закроетъ, но не спитъ. А у меня, какъ нарочно, больныхъ прибываетъ. Принимаю, а у самого кошки на сердцѣ скребуть — гложетъ меня Ольгино состояніе да и только.

Прихожу разъ обѣдать, а Ольга мнѣ и говорить:

— Знаешь, я сегодня въ филармонію записалась.

— И отлично, говорю, сдѣлала, — времени у тебя свободнаго достаточно: отчего не употребить его продуктивно.

Прильнула она ко мнѣ, приласкалась, и даже глаза у нея заблестѣли.

— Такъ ты, говоритъ, значить ничего не имѣешь противъ? Спасибо тебѣ. А я ужъ въ свою очередь постараюсь, чтобы вы съ Алешей отъ этой моей заѣбы не пострадали.

И начала она «стараться». И вышло хуже, чѣмъ до тѣхъ поръ было. Ни въ чемъ она какъ-то не можетъ найти мѣры. Взялась за занятія такъ, какъ и представить себѣ невозможно. Успѣхи стала дѣлать невѣроятныя. Но все это какъ въ лихорадкѣ. Проработаетъ такъ нѣкоторое время, а тамъ начинаются угрызенія совѣсти: и не мать-де она, — Алешу забросила, и обо мнѣ нисколько не заботится и т. д. Скажешь:

— Полно, Ольга, перестань себя мучить, — еще хуже.

— Ты самъ, говоритъ, отлично видишь, какая я возмутительная. Чего же ты меня утѣшать вздумалъ? Я не ребенокъ.

И вдругъ сразу прерветъ всѣ занятія, перестанетъ совсѣмъ читать и цѣлыми днями напролетъ съ Алешей на коврѣ играть. Иной разъ такіе перерывы долго затягивались. Замѣтишь ей:

— Ты бы, Ольга, хоть немного занялась: вѣдь потомъ не по силамъ, трудно будетъ.

— Ахъ, — отвѣтитъ, — отстань, пожалуйста. Слышать не могу объ этихъ занятіяхъ. Все это одна ерунда.

Но на самомъ дѣлѣ это оказалось совсѣмъ не ерундой. Она сама себя обманывала или старалась обмануть. Ее какъ бабочку къ огню тянуло въ эту самую филармонію, только тамъ она и жила, только за занятіями и оживлялась. Проболтается такъ нѣкоторое время, а потомъ ночи напролетъ работаетъ, ни минуты отдыха себѣ не дастъ. Что это было за мученье, пока прошли эти несчастные четыре года. Сколь-

ко разъ бросала она заниматься, проклинала эту филармонію. и въ концѣ концовъ все-таки возвращалась къ ней — остановиться совсѣмъ было уже сверхъ ея силъ. Это была жизнь одними нервами.

— А теперь? — спросилъ я, видя, что Павелъ смолкъ.

— Что теперь? Да и теперь не лучше. Видѣлъ сегодня этотъ нервный подъемъ на сценѣ и эту невмѣняемость послѣ сцены? Теперь ей полный покой, отдыхъ нуженъ. А развѣ она будетъ отдыхать? Я убѣжденъ, что она въ данную минуту сидитъ надъ Алешиной кроватью и занимается самоанализомъ, и копаются въ душѣ своей, и на утро придетъ къ заключенію, что надо бросить сцену и ртдать себя цѣликомъ семьѣ, и будетъ мучиться, и не броситъ. А черезъ два дня пожалуйста опять играть. Опять страшный нервный подъемъ и такъ безъ конца... Впрочемъ, въ послѣднемъ я, кажется, къ сожалѣнію, не правъ. Страшно боюсь, что въ одинъ прекрасный день настанетъ конецъ. Хотя какой? — Даже приблизительно не знаю.

— А чего ты въ сущности такъ боишься конца? Вѣдь, согласишься, что такіе ненормальныя отношенія не могутъ долго тянуться, да что въ нихъ и за толкъ? Вы оба только страдаете.

Павелъ задумался.

— Такъ-то такъ, — продолжалъ онъ, минуту спустя, — сладости въ этомъ конечно мало. А только знаешь ли ты, что значитъ для меня Ольга? Вѣдь это одновременно мое самое большое горе и моя лучшая радость. Я ее такъ люблю и люблю именно такой, какова она есть, со всѣми ея минусами и плюсами, что если бы мнѣ сказали, что Ольга станетъ ровной, спокойной, что наша жизнь войдетъ, наконецъ, въ нормальную колею, я еще не знаю, обрадовался ли бы я этому? Вѣдь тогда это была бы уже не Ольга... И я самъ не знаю, чего бы я хотѣлъ, стараюсь не заглядывать впередъ и объ одномъ только въ душѣ молю, чтобы хуже не было.

Павелъ смолкъ и больше къ этой темѣ не возвращался. Мы посидѣли съ нимъ еще немного, поговорили о постороннемъ, и разошлись. На утро я хотѣлъ еще разъ къ нему зайти, но что-то помѣшало. А тамъ я уѣхалъ. Такъ я его больше въ Москвѣ и не видалъ.

ГЛАВА VI.

Прошло три года. Какъ-то по дѣламъ службы мнѣ пришлось проѣзжать черезъ Н. Пассажировъ было немного, и я одинъ занималъ цѣлое купе второго класса. Станціи за три до Н. дверь моего купе пріоткрылась, и ко мнѣ заглянулъ маленькій тщедушный гимназистикъ.

— Папа, иди сюда, — тутъ свободно, — обратился онъ къ слѣдовавшему за нимъ господину, и сталъ поспѣшно располагаться на противоположномъ диванчикѣ. Минуту спустя, въ купе вошелъ худой, высокій, нѣсколько сгорбленный господинъ, въ которомъ я не безъ труда узналъ Павла.

— Какими судьбами? — воскликнулъ онъ, пожимая мнѣ руку. — Вотъ ужъ не ожидалъ встрѣтить.

— А ты какъ сюда изъ Москвы попалъ? — спросилъ я въ свою очередь, осматривая его и Алешу.

— Алеша, иди къ намъ, — раздался дѣтскій голосъ въ корридорѣ, — у насъ освободилось.

Алеша проворно исчезъ.

— Это что же тамъ — твое дальнѣйшее потомство? — спросилъ онъ, указывая головой на корридоръ.

Павель грустно улыбнулся.

— Нѣтъ, гдѣ тамъ. Мы ужъ съ Алешей теперь бобыли.

— Что значить, — бобыли? — спросилъ я съ тайной тревогой, такъ какъ въ ту минуту въ головѣ у меня мелькнула мысль, — ужъ не умерла ли Ольга.

— Да такъ, — отвѣтилъ Павель тихо, — ушла отъ насъ Ольга.

Въ купе воцарилось молчаніе. Павель закурилъ папиросу, затаился и откинулся на спинку дивана. Встрѣча со мной и мой неумѣстный вопросъ очевидно многое разбредили въ его душѣ.

— Помнишь, тогда въ Москвѣ, — началъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, — я говорилъ тебѣ, что боюсь конца? Я предчувствовалъ, что онъ скоро будетъ. И это предчувствіе, къ сожалѣнію, меня не обмануло.

Немного времени спустя, послѣ нашего разговора, приходитъ ко мнѣ Ольга — такая серьезная, сосредоточенная. Я только взглянулъ на нее, — такъ сердце у меня и сжалось: сразу понялъ, что сейчасъ конецъ будетъ. А она увидала, что я занимаюсь у стола и остановилась сначала въ нерѣшительности, а потомъ говоритъ:

— Не можешь ли ты, Павель, удѣлить мнѣ немного времени?

— Изволь, говорю, голубка, что хочешь?

Сѣли мы съ ней рядомъ на диванъ. Она молчитъ. Вижу, — тяжело ей начинать. И страшно мнѣ ее жаль стало. Пришелъ я ей самъ на помощь.

— Я знаю, Оля, — говорю я ей, — зачѣмъ ты пришла: жизнь тебѣ эта не по силамъ, — не по тебѣ она. Правда?

— Да, — отвѣчаетъ, и опять замолчала.

— Такъ къ какому же ты исходу пришла? — спрашиваю. Отвѣчаетъ:

— Отпусти меня, пожалуйста.

Въ глазахъ у меня въ тотъ моментъ помутилось, стѣны запрыгали, но я совладалъ съ собою. Спрашиваю только:

— Какъ же ты хочешь, чтобы я тебя отпустилъ? Такъ просто, или... чтобы далъ разводъ?

— Это мнѣ безразлично. Какъ ты самъ хочешь. Разводъ мнѣ не нуженъ, — фамилія твоя меня не можетъ тяготить. Я просто пришла къ заключенію, что двумъ Богамъ служить не въ силахъ. Это не жизнь, — а одно мученье. Есѣмъ намъ будетъ лучше, если мы будемъ жить порознь.

Такъ и порѣшили. Ольга уѣхала отъ насъ, сняла себѣ квартиру недалеко отъ театра и занялась своимъ дѣломъ. Я прождалъ цѣлый годъ, — все думалъ: можетъ она передумаетъ, захочетъ къ намъ вернуться, а какъ увидѣлъ, что это у нея уже крѣпко, — взялъ Алешу и переѣхалъ сюда: не подъ силу тяжело въ Москвѣ для меня стало.

Стемнѣло. Павелъ смолкъ. Мнѣ не видно было его лица, только огонекъ папиросы выдѣлялся во мракѣ.

— А несправедливо какъ въ жизни бываетъ, — началъ онъ снова. — Вѣдь вотъ живу я исключительно для Алешки. Не будь его — я, можетъ быть, давно ужъ спился бы. А спроси, кого любить Алеша? — Ольгу. Меня онъ, правда, тоже любить, но только совѣмъ иначе, а въ ней такъ онъ положительно души не чаеъ. Пріѣзжала она къ намъ этимъ лѣтомъ, прожила около мѣсяца, — такъ онъ буквально ни на шагъ отъ нея не отходилъ. Да и теперь только и разговоровъ, какъ мы съ нимъ на Рождество къ мамѣ побѣдемъ... Да оно, впрочемъ, и попятно. Развѣ можно не любить Ольгу? — Если бы только ты зналъ, какъ она хороша. Что это были за чудные дни, которые она провела здѣсь съ нами. И временами мнѣ, безумцу, даже начинало казаться, что она, можетъ быть, вернется. Но прошло нѣкоторое время, и мы опять начали ей становиться въ тягость. Послѣшно собралась она и уѣхала, стараясь, чтобы я не замѣтилъ ея состоянія... Нѣтъ... Ольга уже не вернется...

— Папа, намъ выходить, — раздался изъ коридора голосъ Алешки.

Павелъ поднялся. Мы крѣпко пожали другъ другу руки, и онъ вышелъ изъ купе. Когда поѣздъ остановился, я видѣлъ, какъ Павелъ пошелъ рядомъ съ Алешей по дебаркадеру Н-скаго вокзала.

Поѣздъ двинулся дальне. Я продолжалъ смотрѣть въ окно. Стало совѣмъ темно, и на черномъ фонѣ ночи передо мной ярко выступилъ образъ Ольги. Въ тотъ же моментъ я не умѣлъ не обвинить се, ни оправдать, да и теперь, въ сущности, я этого не умѣю. Но только всякій разъ, когда я встрѣчаю въ жизни молодую дѣвушку, задумывающуюся надъ сложнымъ ходомъ жизни, — я вспоминаю Ольгу, и когда я вижу юную мать, — я опять вспоминаю Ольгу, и когда я вижу двѣ разбитыхъ жизни, — я тоже вспоминаю Ольгу. Упрекъ ли это ей?...

Лидія Гондель.

НОКТЮРНЪ.

(ЛИРИЧЕСКІЕ АККОРДЫ.)

иго... тихо... Уснула природа. Замерла... успокоилась... Ни одинъ листъ не шелохнется, ни одинъ звукъ не тревожитъ таинственной тишины... Изрѣдка налетитъ лѣнивый, еле замѣтный, вѣтерокъ, несмѣло тронетъ верхушки деревьевъ и, какъ бы испугавшись своей дерзости, замретъ въ листьѣ. Звѣздъ не видно. Точно и онѣ боятся нарушить своимъ блескомъ великій, таинственный сонъ. Природа спитъ... Люди не спятъ...

Не спится имъ, безпокойнымъ... Манить ихъ эта тишь, манить подъ свою душистую, неподвижную сѣнь заснувшій лѣсъ. Ослабли намученные нервы, открывается душа и ждетъ чего-то неизвѣданнаго, новаго, чего-то, непремѣнно, прекраснаго. Ослабли струны души, какъ ослабѣваютъ струны арфы, неумолчно и долго звучавшія... Чего хочешь ты, сердце неугомонное? Чего ждешь? Куда? Навстрѣчу чему рвешься ты? Вѣдь нѣтъ ничего! Все обманъ... все миражъ!.. Это душистая ночь такъ смутила тебя! Она что-то шепчетъ и что-то сулитъ... Тебя обманетъ ея тишина!..

Робкій вѣтерокъ пахнулъ запахомъ тополя... какіе-то цвѣты прислали на его крыльяхъ свой аромать...

Я помню другую такую же ночь. Я помню, какъ она окутала садъ своимъ волшебнымъ покрываломъ; какъ онъ замеръ въ ея тихихъ и властныхъ объятіяхъ. Помню, какъ одуряюще пахли цвѣты... помню, какъ лиліи нѣжно бѣлѣли... Едва чернѣлся заброшенный прудъ... и рыбы и тѣ не играли...

Какъ была хороша эта ночь... какъ ласкала она послѣ жаркаго дня, какъ манила она... Сколько счастья сулила

она и сдержать обѣщаній своихъ не могла... Вотъ теперь я одна... разбита душа и не вѣрится больше ужъ этимъ ночамъ... А тогда... сколько вѣры вселяли мнѣ въ душу онѣ!..

Какъ довѣрчиво, жадно смотрѣла впередъ, сколько счастья ждала я отъ міра!.. Мы встрѣчались тогда на скамьѣ у пруда... мы скрывали отъ всѣхъ наши встрѣчи; мы любили таинственность этихъ минутъ и мы съ трепетомъ ихъ ожидали...

Боже! какъ радостно, молодо билось сердце въ груди, какъ вѣрилось въ счастье, въ любовь безконечную, какъ вѣрилось въ силы свои молодья!..

Помню я эту дивную ночь!.. Все уснуло кругомъ... не спали лишь мы... До того ль было намъ, когда мы такъ безумно любили, когда міръ намъ казался волшебной страной!

Для насъ такъ была хороша эта ночь, для насъ распу-скались и пахли цвѣты! Мы молчали... Да къ чему и слова, когда сердце за насъ говорило? Оно пѣло намъ громкую пѣснь любви, и мы лишь той пѣснѣ внимали... Тѣсно прижавшись другъ къ другу, мы слушали шелестъ листвы... Баюкала нѣжно насъ ночь голубая, своимъ осѣняла крыломъ... Какъ полны были мы нашимъ счастьемъ тогда!..

Незамѣтно протечало время, пора разставаться пришла. Какъ идти не хотѣлось намъ прочь отъ пруда, разставаться какъ намъ не хотѣлось!

Чуяло сердце тяжелые дни, знало, что счастья не будетъ; знало, что муки насъ ждутъ впереди... и такъ больно, тоскливо вдругъ сжалось...

Какъ много сулило намъ время бывшее и какъ мало оно намъ дало!..

И сегодня ночь какъ тогда хороша!.. Кого же снова обманетъ она? О, какъ хочется снова попасть въ этотъ садъ, какъ хочется снова увидѣть скамью!.. Хотя на мигъ прежнее счастье вернуть, пережить еще разъ ту волшебную ночь!.. Заглянуть еще разъ въ голубые глаза и прочесть въ нихъ восторгъ и любовь... И такъ нѣжно, такъ крѣпко родного обнять...

Но... вѣдь время ушло и его не вернуть... Не вернуть ни его, ни любви...

Зачѣмъ же ты, сердце, забилося опять? Зачѣмъ ты трепещешь знакомой тоской? Замолчи! и не жди ничего!.. Все обманъ... все миражъ...

Графиня С. Ростопчина.

Петергофъ. 1913 г.

НАШИ ХУДОЖНИКИ.

Александръ Александровичъ
КИСЕЛЕВЪ.

РУСАЛКА.

асыпаетъ озеро лѣсное
Подъ шатромъ задумчивой дубравы,
И грустятъ въ таинственномъ покоѣ
И цвѣты и трепетныя травы...
Съ тихимъ плескомъ къ хмурому откосу
Въ полутьмѣ русалка подплывала,
Выжимала вьющуюся косу
И фіалку нѣжную срывала.
— „Ты скажи, душистая фіалка,
Отчего ты грустная такая,
И какъ я, забытая русалка, —
Все молчишь, головкой поникая?“ —
— „Оттого печальна и грустна я, —
Ей фіалка молвила со вздохомъ —
— Истомила глушь меня лѣсная
И трава, — унизанная мохомъ;
Вотъ ужъ годъ, какъ тутъ я появилась..
Говорили какъ-то мнѣ зарницы,
Будто бѣ я слезинкою скатилась
Изъ очей обманутой дѣвѣицы..
Обманулъ дѣвѣицу, обезславилъ
Молодѣецъ пригожій и покинулъ,
На позоръ несчастную оставилъ,
Обманулъ безжалостно и — сгинулъ...
И дѣвѣица вотъ сюда украдкой
Приходила — плакала, томилась,
А потомъ... осталось загадкой;
Говорили, будто бѣ утопилась...

И вотъ тутъ, гдѣ я росла, фіалка,—
У нея слезинка упала...
—„Это я, промолвила русалка,
Это я, — и тихо зарыдала...
И къ соснѣ русалка прислонилась,
Надъ фіалкой сорванной мечтала,
За слезой слеза у ней катилась,
А она чуть слышно лепетала:
—„Простою я нынче, протоскую,
До разсвѣта самаго проплачу,
Истерзаю грудь свою больную,
Много слезъ о юности потрачу,
Простою, проплачу подъ сосною, —
Пусть изъ слезъ тоскующей русалки
Вырастаютъ раннею весною
Молодые, нѣжныя фіалки“...

Ив. Морозовъ.

Пермь.

Пристань на Камѣ.

КАМА.

(Отъ Чердыни до Перми.)

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

5. Пермь. *)

Идя въ Перми съ парохода на берегъ, вы сразу же попадаете въ сутолоку набережной. Громыхають тележки ломовиковъ, ѣздить вверхъ и внизъ по горѣ извозчики и частные экипажи, слышится грохотъ сваливаемого груза, звучитъ «Дубинушка» работающихъ крочниковъ, разгружающихъ пароходы или спѣшно заканчивающихъ нагрузку, гудятъ пароходы, свистятъ паровозы, спуютъ сотни рабочихъ и пассажировъ.

И немудрено: на небольшомъ участкѣ понижающагося здѣсь берега напротивъ пристаней расположенъ пассажирскій вокзалъ — «Пермь I-я», нѣсколько выше по теченію Камы — товарная станція. Здѣсь происходитъ перевалка миллионныхъ пудовъ груза, пересадка тысячъ пассажировъ, ѣдущихъ на Уралъ, въ Сибирь и обратно.

— Въ Перми, знаете, такъ удобно переѣзжать съ вокзала на пристань! — восхищаются туристы: — Взявъ артельщикъ вещи, перенесъ на пароходъ и никакой заботы...

Черезъ часъ мы уже ѣхали дальше.

— А Пермь-то вы видѣли?

— Идти, знаете ли, не пришлось: расписанья согласованы... Потому, ѣхать въ городъ, подыматься на гору... Но съ парохода видѣли: живописный городъ. Вообще изъ путешествія вынесли массу впечатлѣній... Кама, Уралъ, — живописныя мѣста, такія дикія и мрачныя... Очень красиво и поучительно!

*) См. май — июнь, стр. 3.

Обычная манера все смотрѣть съ парохода или изъ окна вагона. Ъдутъ по Волгѣ съ цѣлью посмотрѣть ея красоты.

— Ну, какія же впечатлѣнія вынесли вы изъ вашего путешествія?

— Ахъ, прелестно... Такое общество собралось милое, на пароходахъ полный комфортъ... Капитанъ, бывший морякъ, такой джентльменъ.

— А самая рѣка вамъ понравилась?

— Живописная мѣстность... Что-то грустное, убогое, сѣрое, свое...

— Нижній-Новгородъ осматривали?

— Нѣтъ, прямо съ вокзала на пароходъ. Поѣзда согласованы... Впрочемъ, мы ѣхали по ярмаркѣ и набережной... И съ парохода видѣли Кремль... Очень красиво. Коромыслова башня... Рѣка былыхъ легендъ... Очень поэтично!

— Казань посетили?

— Что вы: тамъ семь верстъ отъ Волги до города!

Въ Симбирскѣ — крутизны, въ Самарѣ — несокъ... Въ Астрахани, гдѣ пароходъ стоитъ цѣлыя сутки, помѣшала жара... Выше Нижняго не ѣздить, Оки не знаютъ, Вятка и Бѣлая не по дорогѣ... Долгое время не ѣздили по Камѣ.

— Не принято.

Теперь показались туристы на Камѣ... Ъздить до Перми.

— Въ добрый часъ!

— Позвольте, но вы явно преувеличиваете! — воскликнетъ иной читатель: — Я лично знаю многихъ, путешествовавшихъ съ остановками въ городахъ.

Радуюсь, если это такъ.

Но обычно осмотръ города дѣлается на скорую руку, съ путеводителемъ въ рукахъ. Главная улица... Соборъ... Лучшія зданія...

Помню, случилось мнѣ встрѣтить одного англичанина на Камѣ. Онъ ѣхалъ съ Урала и везъ съ собой множество образчиковъ рудъ, камней, шлаковъ, стружекъ стальныхъ и мѣдныхъ, фотографій и рисунковъ съ природы.

— Вы художникъ? — спрашивали его.

— Нѣтъ, я не занимаюсь никакой профессіей.

— Но зачѣмъ же вы везете съ собой эту дрянь.

— Я изучаю страну.

На пристаняхъ онъ покупалъ все, что было характерно для той или иной мѣстности. Мѣстные промыслы зналъ въ совершенствѣ, но былъ очень благодаренъ за мои указанія... Собиралъ на берегу цвѣтные камешки-галочки, обточенные волной и выкинутые на несокъ.

— Онъ — сумасшедшій! — смѣялись на пароходѣ.

— Англичанинъ, — снисходительно пожимали плечами другіе.

«Ми не любопытны», — совершенно справедливо замѣтилъ Гончаровъ.

Мало ли москвичей, не бывавшихъ въ Грановитой палатѣ?

«Велико незнанье Россіи посреди Россіи»...

Давно написаны эти слова, а приложимы они къ намъ и въ на-

стоящее время... Нѣтъ города, гдѣ не было бы чего-нибудь любопытнаго, гдѣ старожилы не рассказали бы чего-нибудь не попавшаго въ путеводители и другія изданія; повсюду найдется много характернаго и пезнакомаго, только нужно сумѣть его найти, и тогда путешествіе будетъ интересно и поучительно.

Но возвращаюсь къ Перми.

По набережной отъ пристаней и вокзала вы подымаетесь въ гору.

Справа отъ васъ у подножья нагорнаго берега, на которомъ расположена Пермь, бичевникъ съ пристанями, слѣва зданія Управленія Пермской желѣзной дороги и выемка для желѣзнодорожнаго полотна съ переброшеннымъ черезъ нее мостомъ-улицей. Миновавши мостъ, вы проходите мимо красивѣйшаго зданія въ городѣ — дома Мѣшкова *), расположеннаго на самомъ видномъ мѣстѣ и привлекающаго невольное вниманіе каждаго, побывавшаго въ Перми. Далѣе, слѣва на углу Обвинской и Набережной — почта и телеграфъ. Домъ казарменнаго типа и желтой окраски, но на мѣстѣ этого зданія до пожара Перми въ 1842 году былъ домъ, гдѣ жилъ сосланный въ 1812 году въ Пермь Сперанскій.

Далѣе по набережной, напротивъ почты, разбитъ садъ, носящій среди обывателей названіе «Козьяго загона».

— Почему это? — спрашиваю я у одного скуластаго пермяка.

— Потому, что мы нашихъ супружницъ сюда для прохлады по вечерамъ загоняемъ.

Этотъ отрывокъ взять мною изъ книги Вас. Ив. Немировича-Данченки — «Кама и Уралъ». Не описывая Перми детально, путешественникъ сдѣлалъ нѣсколько набросковъ фізіономіи города, не скажу, чтобы привлекательной и вѣрной. Правда, авторъ былъ въ Перми въ 1876 году, а Пермь развивается не по днямъ, а по часамъ, но и для того времени, по рассказамъ сторожиловъ, краски черзчуръ сгущены

И пермяки не остались въ долгу передъ беллетристомъ: при его разспросахъ ему давали самыя невѣрныя свѣдѣнія. Скуластый пермякъ (Немировичъ-Данченко счелъ ихъ, типичныхъ финновъ — типомъ сибиряка), если только онъ, дѣйствительно, отвѣтилъ словами, приведенными мною выше, прямо дать нелѣзную и плоскую остроуту, которой никто въ Перми не повторить.

— Козь и загоняли, потому что ихъ много здѣсь было у первыхъ жителей Перми, — отвѣтятъ вамъ.

А въ лѣтописи города Перми, составленной историкомъ края Дмитриевымъ, вы найдете даже историческую справку о садикѣ:

«9-го марта полученъ достопамятный манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ Пермь манифестъ доставленъ особо командированнымъ свиты Его Величества генералъ-майоромъ кн. Багратіономъ. Пермское городское общество въ знакъ признательности добромъ вѣстнику князю Багратіону постановило назвать его именемъ площадку для прогулокъ на берегу рѣки Камы».

*) Домъ Мѣшкова строилъ извѣстный въ Перми архитекторъ А. Б. Турчевичъ.

Пермь.

Видъ съ восточной стороны.

Пермь.

Котласская линия ж. д. у города.

Названіе, впрочемъ, не привилось, какъ не прививается и современное — «Набережный садъ», красующееся на вывѣскѣ при входѣ.

Внутри сада прекрасные цвѣтники, фонтаны, много скамеечекъ для публики, по вечерамъ собирающейся полюбоваться красавицей-рѣкой. Приходить сюда, впрочемъ, публика попроще: интеллигенція ходитъ на пароходы и въ загородный садъ общественнаго собранія.

А видъ изъ Набережнаго сада красивый на рѣдкость. Далеко, далеко, насколько хватитъ глазъ, словно безбрежное море, уходятъ лѣса Оханскаго уѣзда на противоположномъ берегу и, кажется, нѣтъ конца этому темно-зеленому лѣсистому простору... Вдоль берега рядъ домиковъ — Закамскій поселокъ, сливающийся съ Верхней Курьей, — дачныя мѣста пермяковъ, на горизонтѣ слѣва — кружево желѣзнодорожнаго моста, справа — парходилья пристани и вдаль, окутанная клубами чернаго дыма, — Мотовплиха... Внизу на Камѣ множество лодокъ, барокъ, баржъ, иногда буксирный пароходъ пройдетъ или пассажирскій. Встрѣчать его всегда сходитя множество пермяковъ, и любопытство обывателей часто дѣлаетъ пребыванье на пароходѣ неприятнымъ...

Въ полугорѣ подъ Набережнымъ садомъ проложено полотно желѣзной дороги и проходъ дневнаго поѣзда также вызываетъ любопытство садовой публики: если въ этотъ моментъ смотрѣть снизу отъ переѣзда — шлагбаума вверхъ на «Козій загогъ», то можно увидѣть поверхъ забора, окружающаго садъ, «живую изгородь» изъ обывательскихъ головъ. Иногда машинисты обдають эти головы клубами дыма, по прокоченные зѣваки только выругаются, и снова при свѣткѣ паровоза бросаются смотрѣть на поѣздъ.

Изъ воротъ Набережнаго сада мы выходимъ на Сибирскую улицу. — Нашъ Невскій проспектъ, — говорятъ пермяки.

Впрочемъ, прилегающій къ набережной кварталъ не отличается красотой и изяществомъ построекъ и даже не напоминаетъ главную улицу города.

На углу Сибирской и Петропавловской улицъ находится зданіе городской управы; верхній этажъ занятъ общественнымъ собраніемъ. Въ домѣ же городского общества помѣщается городская бібліотека, достаточно богатая для такого города, какъ Пермь (45 тысячъ томовъ).

На противоположномъ углу — мужская гимназія: зданіе общеказарменнаго типа, мрачное, тѣсное и темное внутри. Теперь сдѣланы большія окна и неприятная желтая окраска стѣнъ замѣнена ласкающей взглядъ сиреневой, но несмотря на модный цвѣтъ внутренность учебнаго заведенія не стала пригляднѣе: потолки попрежнему низки, классы тѣсны, корридоры нижняго этажа напоминаютъ погребъ свонми сводами.

Рядомъ съ гимназіей на Сибирской улицѣ — казначейство, выходящее угломъ на Покровскую улицу, и здѣсь зимою наибольшее оживленіе по всей улицѣ. Отъ шести часовъ вечера и до восьми густая толпа двигается сплошнымъ потокомъ на протяженіи двухъ кварталовъ, отъ казначейства до дома губернатора, и пробиться черезъ нее не представляется никакой возможности. На этомъ же протяженіи двухъ кварталовъ находятся лучшіе магазины, по красивыхъ зданій

Пермь.

Сибирская улица.

Пермь.

Часовня св. Стефана и Кафедральный собор.

на Сибирской нѣтъ, если не считать вновь перестроеннаго дома губернатора, выходящаго на Екатерининскую улицу.

На послѣдней, вѣдалеко отъ дома губернатора, находится домъ Любимовой, построенный А. Б. Турчевичемъ, но менѣе эффектный, чѣмъ домъ Мѣшкова благодаря садовой рѣшеткѣ, закрывающей его съ улицы.

Кварталомъ дальше отъ дома губернатора на Сибирской улицѣ находится Благородное собраніе, — домъ съ колоннами и фронтономъ греческаго стила, а влѣво отъ собранія на Воскресенской площади находится Воскресенская церковь и реальное училище.

Церковь во имя св. Воскресенія — первый по времени памятникъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Закладка церкви состоялась въ 1864 году, и большая половина средствъ на постройку составила изъ добровольныхъ пожертвованій крестьянъ.

Сибирская улица заканчивается заставой — двумя обелисками съ орлами наверху. Дальше идетъ Сибирскій трактъ, но городъ настолько разросся, что застава оказалась въ центрѣ и до конца Старой слободки, начинающейся за заставой, разстояніе едва ли не большее, чѣмъ отъ послѣдней до Камы. На Сибирскомъ трактѣ интересны пересыльный замокъ съ его рвами и башнями, преобразованный теперь, съ упраздненіемъ знаменитой «Владимірки», въ арестантское исправительное отдѣленіе, и помѣщающееся напротивъ замка училище слѣпыхъ дѣтей.

Справа отъ сибирской заставы пачинается «бульваръ», березовая аллея, нѣкогда соединившая Сибирскій трактъ съ Казанскимъ, и два прилегающихъ къ бульвару сада: ботаническій, гдѣ собраны (къ сожалѣнію, — не систематично) представители мѣстной и сибирской флоры, и садъ Общественнаго собранія, въ просторѣчій — «садъ за бульваромъ», — любимое мѣсто прогулки пермяковъ. Здѣсь съ перваго мая по сентябрь играетъ оркестръ (теперь военный, но прежде бывали недурные симфоническіе) и подъ звуки его гуляютъ обыватели исключительно по главной аллѣе на пространствѣ 200 сажень. Толпа ефренская, безцвѣтная и невеселая: въ хмурой Перми на гуляньѣ всѣ словно несутъ неприятную обязанность и даже смѣхъ звучитъ какъ-то дѣланно, искусственно.

Казанская застава, съ такими же обелисками, какъ и Сибирская, стоитъ на трактѣ, ведущемъ въ Казань. Лѣтъ тридцать съ небольшимъ этотъ трактъ зимой представлялъ единственный путь изъ далекой Перми въ Москву.

Неподалеку отъ Казанской заставы — земская больница, названная Александровскою въ память проѣзда Императора Александра I черезъ Пермь въ 1824 году. Больничныя зданія занимаютъ цѣлый кварталъ. Главный корпусъ находится во дворѣ среди лиственницъ, фасадомъ къ обширной площади передъ заставой. Отъ этой площади начинается Красноуфимская улица, бойкая, торговая и оживленная, соединяющая два базара — Сѣнной рынокъ съ Чернымъ. На Сѣнномъ рынкѣ находятся щепные ряды и толчокъ. Тутъ же подлѣ ограды Единовѣрческой церкви торгуютъ кустари телѣгами, ходами, вѣялками и боронами. Образцы работъ кустарей Юговскаго завода (въ 30 верстахъ отъ Перми) находятся на этой же площади въ особомъ павильонѣ.

Миновавъ Черный рынокъ, гдѣ торгуютъ съѣстными припасами, бакалейей, галантерейными и мануфактурными товарами, и, поднявшись на гору къ контрольной палатѣ, мы выйдемъ на Монастырскую улицу, гдѣ интересна по своей архитектурѣ очень изящная мечеть. Взявши отъ контрольной палаты направо, мы пройдемъ мимо духовной семинаріи (большого, неуклюжаго зданія, едва ли не болѣе мрачнаго внутри, чѣмъ мужская гимназія) и выходимъ на Соборную площадь къ кафедральному собору.

Прежде всего въ соборѣ поражаетъ его высокая колокольня. Но по проекту она должна была быть еще выше на цѣлый ярусъ. Храмъ раздѣленъ на двѣ половины: зимній соборъ во имя св. Стефана Великопермскаго и лѣтній — Преображенскій. Въ лѣтнемъ соборѣ иконостасъ Пыскорскаго монастыря, о которомъ я уже упоминалъ, по иконы въ немъ не Строгановскія: по свидѣтельству одного изъ бытописателей Перми, Смышляева *), иконы написаны въ 1762 г. академикомъ Базилевскимъ. Въ соборѣ хранятся знамена ополченія 1812 года.

Иконостасъ зимняго собора изъ разноцвѣтнаго мрамора. Заказанный пермскимъ вице-губернаторомъ Борноволокковымъ для церкви въ его имѣніи, иконостасъ, въ виду отдачи заказчика за лихоимство подъ судъ, былъ взятъ въ казну и предложенъ для Казанскаго собора въ Петербургѣ, но Императоръ Александръ I по ходатайству президента Академіи Художествъ Строганова пожертвовалъ иконостасъ пермскому собору. Щедрый даръ Государя былъ дополненъ пожертвованными Строгановымъ иконами работы Угрюмова, Боровиковскаго, Витберга и Егорова, но во время реставрацій и чистокъ иконостаса по работамъ знаменитыхъ художниковъ пробѣжали рѣзвыя кисти пермскихъ маляровъ, и произведенія искусства, «исправленные и дополненные», половину утратили свою цѣнность.

Отъ Соборной площади спускается подъ гору широкая улица съ линовой алеей посрединѣ, официально Кунгурская улица, но названіе это пермяками не усвоено и замѣнено «Проспектомъ» или «Широкимъ проулкомъ».

Готовъ поручиться, что ни одинъ извозчикъ въ Перми не повезетъ васъ на Кунгурскую улицу.

— Нѣту такой! — сурово скажетъ онъ, поглядѣвши на васъ съ высоты козель.

Пройдя два квартала и миновавъ пересѣкающую «Проспектъ» Торговую улицу — центръ торговой жизни города, но мало интересную для обозрѣвателя, мы выйдемъ къ часовнѣ св. Стефана Великопермскаго.

Хотя самъ св. Стефанъ и не былъ въ предѣлахъ Пермской губерніи, а подвизался въ Усть-Сысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ нынѣшней Вологодской губерніи по рѣкамъ Вычегдѣ, Лузѣ, Сысолѣ и Выму, Пермь не можетъ не чтить памяти его, какъ своего апостола и просвѣтителя: дѣятельность учениковъ св. Стефана, уже описанная мною ранѣе, озарила при св. Іонѣ свѣтомъ Христова ученія Пермь Великую — Чердынь. Св. Стефанъ далъ зырянамъ богослужб-

*) Изъ прошлаго. О старыхъ временахъ и людяхъ.

ныя книги на ихъ родномъ языкѣ, близкомъ къ пермскому, и потому новобращенные пермяки легко усваивали молитвы и пѣнопѣнія при богослуженіи, что, конечно, весьма облегчало проповѣдь просвѣтителямъ края.

«И попове его, — пишетъ Епифаній Премудрый, составившій житіе св. Стефана Великопермскаго: — Пермскимъ языкомъ служажу обѣдню, заутреню же и вечерню, и канонархи его по пермскимъ книгамъ канонархаша, пѣвцы же всякое пѣніе Пермски возглашаху*)».

Св. Стефанъ былъ родомъ изъ Устюга Великаго; по свидѣтельству Епифанія — «сынъ пѣкоаго христолюбца, мужа вѣрна-христианина именемъ Симеона, единого отъ клириковъ великія соборныя церкви святыя Богородицы, иже на Устюзѣ». Такъ какъ городъ велъ мѣшную торговлю съ зырянскими зырянами, то св. Стефанъ имѣлъ возможность говорить съ послѣдними и научиться ихъ языку. Ознакомившись съ вѣровалями зырянъ, бывшихъ язычниками, онъ задумалъ привести ко Христу населеніе обширнаго края и для подготовки къ мисіонерской дѣятельности ушелъ въ Ростовъ Великій (теперь уѣздный городъ Ярославской губерніи) и поступилъ въ Григорьевскій монастырь, бывшій въ то время лучшей богословской школой на Руси.

«И изучился самъ языку пермскому и грамоту нову пермску сложи и азбуки незнаемы счини, и книги русскія на пермскій языкъ преведе, преложи и пренесе»...

Сорока лѣтъ, въ санѣ іеромонаха, съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, горячей вѣрой въ Бога, Помощника и Покровителя, появился св. Стефанъ на Вычегдѣ въ Котласѣ, въ 60 верстахъ отъ Устюга Великаго, своей родины. Онъ шелъ одинъ съ живымъ убѣдительнымъ словомъ на устахъ къ тысячамъ язычниковъ и его горячая, убѣдительная проповѣдь сразу же обратила ко Христу сердца многихъ туземцевъ. Успѣхъ первой проповѣди окрылилъ св. Стефана, и онъ пошелъ на Вычегду въ селеніе Усть-Вымъ, гдѣ стояла «Прокудливая (капризная) береза» отвѣчавшая скрипѣньемъ на предлагаемые вопросы, какъ Додонскій дубъ въ древней Греціи. Срубивъ березу и посрамивъ жреца и князька зырянскаго Нама, мѣшавшаго проповѣди св. Стефана, но отказавшагося идти въ огонь и воду для выясненія истины вѣры, св. Стефанъ крестилъ зырянъ и поставилъ въ Усть-Вымѣ три церкви.

Рукоположенный во епископа Пермскаго святитель долго и много работалъ надъ устройствомъ своей епархіи и былъ защитникомъ зырянъ отъ новгородской вольницы — ушкунниковъ, вятичей и вогуль, съ одной стороны, и отъ притѣсеній и поборовъ московскихъ сборщиковъ податей, — съ другой.

18 лѣтъ неустанно потрудился святитель на своемъ посту, но умеръ онъ въ Москвѣ, куда былъ вызванъ для участія въ церковномъ соборѣ въ 1396 году. Мощи его почиваютъ у Спаса на Бору, святительскій посохъ находится въ пермскомъ кафедральномъ соборѣ.

Въ 1896 г. Пермь торжественно праздновала 500-лѣтіе со дня кон-

*) Архимандритъ Макарій. „Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, еп. Пермскаго“.

чины своего апостола и былъ поднять вопросъ о перенесеніи св. мощей его въ Пермь. Возбуждались ходатайства объ этомъ и въ послѣдующіе годы, но ходатайство удовлетворено не было.

Часовня св. Стефана Великопермскаго заложена была въ 1882 г. Построена она на средства «Общества къ поддержанію чистоты нравовъ въ народѣ по духу православной Церкви», организованнаго протоіереемъ о. Евгениемъ Поповымъ, но просуществовавшаго сравнительно недолго. Въ настоящее время въ часовнѣ ведутся духовно-нравственные бесѣды.

Повернувши палѣво отъ часовни по Петропавловской улицѣ къ Сибирекой, мы дойдемъ до невзрачнаго дома, гдѣ помѣщается Научно-Промышленный музей. Но если зданіе музея снаружи не богато, то богатство коллекцій музея (145 коллекцій и 16435 предметовъ въ девяти отдѣлахъ) удовлетворитъ самаго взыскательнаго обозрѣвателя. Можно безъ преувеличенія сказать, что музей собралъ въ своихъ стѣнахъ все, что только можно было достать изъ предметовъ, относящихся къ Пермскому краю и пермской старинѣ.

Въ музей устраниваются чтенія, собирающія большое число слушателей, члены музея работаютъ не покладая рукъ, и исключительно благодаря ихъ энергіи музей за 19 лѣтъ своего существованія достигъ блестящихъ результатовъ въ своей культурно-просвѣтительной дѣятельности: отношеніе города и земства къ музею довольно безразличное, чтобы не сказать больше...

Идя далѣе по Петропавловской улицѣ мимо управы и мужской гимназій пересѣкаемъ Сибирскую улицу и выходимъ къ Театральному саду, лучшему изъ городскихъ садовъ въ Перми (не считая загороднаго сада — «за бульваромъ»). Здѣсь разбиты прекрасные цвѣтн. кн. бьетъ фонтанъ съ живой рыбой въ бассейнѣ, два раза въ недѣлю играетъ духовой оркестръ.

Въ подковѣ, образуемой садомъ, находится городской театръ.

«Въ городѣ, несмотря на то, что есть деревянный театръ, строится громадный каменный», — писалъ Немровичъ-Данченко въ 1876 году.

— Хотѣть въ столицу, — хвастаются пермяки.

«Мнѣ только непонятно, на какую публичку разсчитывается строитель? Развѣ купцы съ собой стануть козловъ брать, — другое дѣло».

А въ 1906 году пермяки рѣшили на строителя:

— Не могли театра выстроить побольше.

Пермь — городъ музыкальный: здѣсь дѣлать и любятъ хорошую оперу, здѣсь имѣется Отдѣленіе Императорскаго Музыкальнаго общества. Филармоническое общество, Музыкальный кружокъ.

— Оборъ въ Пермь не повезешь, — еще недавно говорили антрепренеры передъ сезономъ въ Перми: — Ихъ тамъ дирекція набаловала...

И дѣйствительно, «время дирекцій», когда театромъ управляла выборная думой коммисія изъ лицъ, преданныхъ дѣлу и знавшихъ его, до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминается какъ пермякамъ, такъ и артистами, служившими тогда въ Перми.

— Составчики были! — съ восторгомъ говорятъ первые. — Нѣсколько лѣтъ опера была и артисты одни лучше другихъ.

— До послѣдней копейки получили все въ сезонѣ, — съ удовольствіемъ вспоминаютъ жрецы искусства. — Полнымъ рублемъ платили и безъ задержки...

За театромъ — женская гимназія: большое зданіе въ русскомъ стилѣ съ свѣтлыми классами, паркетными полами и большимъ актовымъ заломъ въ два свѣта. Красивая церковь женской гимназіи выходитъ на Обвинскую улицу и хорошо видна съ набережной отъ почты.

Идя дальше по Петропавловской улицѣ, мы пройдемъ мимо епархіальнаго училища, которое теперь не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться. Правда, выстроено большое зданіе рядомъ (со стороны Соликамской улицы), но «за скудостію средствъ» оно не закончено постройкой, и когда закончится — неизвѣстно.

Петропавловская улица упирается въ Петропавловскую площадь, гдѣ находится старѣйшая церковь въ Перми — Петропавловскій соборъ. Когда-то здѣсь былъ центръ города и потому я позволю себѣ привести нѣсколько историческихъ свѣдѣній о Перми.

«Лѣта отъ сотворенія міра 7231, отъ воплощенія же Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1723, по открытіи въ здѣшнихъ мѣстахъ мѣдныхъ рудъ начать строить мѣдноплавильный заводъ по имянному повелѣнію Великаго Государя Императора Петра Перваго бывшимъ тогда въ Екатеринбургѣ главнымъ Сибирскихъ казенныхъ заводовъ правителемъ, генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ Вильгельмомъ Ивановичемъ Дегеннинымъ (де-Геннинъ)», — сообщаетъ пермскій лѣтописецъ о. Гавріилъ Саножниковъ. — «Прежде же того на семь мѣстѣ былъ дѣсъ, почти никѣмъ не обитаемъ, въ которомъ тогда нерѣдко укрывались разбойники, которые производили различные грабежи, какъ плывущимъ то вверхъ, то внизъ по Камѣ, такъ и подлѣ оной лѣшешествующимъ. А хотя и была деревня-однодворка господъ Строгановыхъ, называемая Брюшникиной (Брюханова — по другимъ источникамъ), но оная отстояла отъ устья рѣчки Ягошихи болѣе версты».

«Въ слѣдующемъ 1724 году заводъ приведенъ въ совершенное дѣйствіе. По умноженіи въ ономъ жителей въ томъ же году заложена церковь деревянная во имя святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. въ честь тезоименитства Императора Петра Великаго.

Въ 1739 г. былъ пожалованъ Ягошихинскій заводъ Императрицей Елисаветой Петровной канцлеру графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову во владѣніе».

7-го ноября 1775 г. былъ данъ манифестъ «Учрежденія о губерніяхъ», начало административной реформы Екатерины II и приступили къ постройкѣ новыхъ городовъ. Командированный на Каму князь Мещерскій указалъ на Ягошихинскій заводъ, какъ удобный административный центръ, и въ 1781 г. здѣсь былъ торжественно открытъ городъ, названный Пермью и пожалованъ городу гербъ — «На красномъ полѣ бѣлый медвѣдь; на спинѣ его евангеліе въ золотомъ окладѣ и серебряный крестъ».

Такимъ образомъ Пермь всего 130 лѣтъ и, глядя на теперешнюю Пермь, трудно представить себѣ городъ такимъ, каковъ онъ былъ до пожара 1842 года или даже въ 1876 г. по описанію Немировича-Данченка.

Правда, на окраинахъ существуютъ до сихъ поръ незамощенные улицы и деревянные тротуары (особенность вѣсѣхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ городовъ), городъ лѣтомъ страдаетъ отъ пыли, но, съ другой стороны, Пермь прекрасно распланирована, превосходно освѣщена электричествомъ, имѣетъ водопроводъ (какъ послѣдній, такъ и электричество въ рукахъ города), подумываютъ о трамваѣ и канализацин.

Въ городѣ — 3 мужскихъ гимназій, 4 женскихъ, реальное училище, желѣзнодорожное, женское епархіальное, духовное училище, семинарія, нѣсколько прогимназій и начальныхъ училищъ — всего 49 учебныхъ заведеній. Мечтаеть Пермь и о высшемъ учебномъ заведеніи — политехникумѣ, но у нея здѣсь имѣется опасный конкурентъ въ лицѣ Екатеринбургѣ.

— Приѣзжайте черезъ десять лѣтъ, такъ Перми не узнаете, — съ гордостью заявляютъ пермяки.

И глядя, какъ быстро растетъ и развивается городъ, невольно въришь этому и желаешь успѣха энергичнымъ пермякамъ.

6. Пермскій пушечный заводъ.

Быть въ Перми и не осмотрѣть Мотовилихинскаго завода, то же, что въ Астрахани не видѣть рыбныхъ промысловъ, въ Курскѣ — фруктовыхъ садовъ, въ Крыму — виноградниковъ.

Проускъ на заводъ сравнительно свободный, по особому разрѣшенію, выдаваемому въ конторѣ, сообщеніе удобное и недорогое (по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ 5 копеекъ), осмотръ интересенъ и не для военныхъ, такъ какъ помимо своей прямой специальности — орудій и снарядовъ, — заводъ принимаетъ и другіе заказы: спайку колоколовъ электричествомъ, отливку машинныхъ частей, паровыхъ валовъ и проч.

Въ Мотовилиху можно попасть тремя путями: пароходомъ, по желѣзной дорогѣ и на лошадахъ, или пѣшкомъ (до завода 4—5 верстъ).

Пароходъ маленький, неуклюжій, обычно перегружается публикой до крайнихъ предѣловъ. Когда эта переполненная народомъ посудина слѣдуетъ по рѣкѣ вдоль берега, — смотрѣть страшно...

Впрочемъ, ѣздившіе одобряютъ:

— Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ... А что насчетъ опасности ежели, такъ за этимъ слѣдять: какъ къ одному борту шибко (очень) много народу насядетъ, такъ сейчасъ ихъ на другое мѣсто и погонять... Пароходъ опять и выправится.

Путь по желѣзной дорогѣ очень однообразенъ, но онъ по времени непродолжителенъ и предпочитается не располагающими свободнымъ временемъ. Тѣмъ же, кому не жаль лишняго часа или двухъ, всего лучше отправиться черезъ деревню Горки по Соликамскому тракту. Быть можетъ, этотъ путь утомительнѣе, но онъ гораздо живописнѣе.

Отъ Петропавловскаго собора вы направляетесь черезъ площадь

«Разгуляй», остатокъ былого Егошихинскаго мѣдноплавильнаго завода, по дорогѣ къ старому кладбищу мимо тюрьмы. Оставивъ за собой городъ, спускаетесь по Соликамскому тракту къ рѣкѣ Егошихѣ и, переѣхавши ее по мосту, начинаете подыматься на высокую гору. Дорога, прекрасное шоссе, идетъ вверхъ винтомъ по склонамъ горы, и съ вершины послѣдней, доминирующей надъ городомъ, вы видите всю Пермь съ ея церквами, массой зданій, множествомъ садовъ, слободами и предместьями, окаймленными темной рамой хвойныхъ лѣсовъ, гдѣ теряется Сибирскій трактъ, и широкой Камой съ многочисленными судами у пристаней, и ажурнымъ силуэтомъ желѣзнодорожнаго моста вдали. За Горками трактъ идетъ среди полей до деревни Дальнихъ Горокъ, откуда начинается спускъ къ Камѣ. Перейдя желѣзнодорожный путь, трактъ выходитъ на берегъ Камы и вы ѣдете между полотномъ желѣзной дороги и заборомъ пушечныхъ заводовъ, огораживающимъ мѣсто дровяныхъ складовъ. Здѣсь васъ несомнѣнно заинтересуетъ высокая красная платформа подъ навѣсомъ на берегу Камы.

— Проба, — лаконически пояснять вамъ.

Здѣсь испытывается годность орудія передъ приемщиками. Полигонъ находится на противоположномъ (Оханскомъ) берегу, и снарядъ летитъ черезъ Каму. Полигонъ тщательно огороженъ и охраняется на время испытанія. Повсюду вывѣшиваются флаги, предупреждающіе о началѣ стрѣльбы. Каноада бываегъ слышна въ Перми и выстрѣлы очень смущаютъ своей неожиданностью лпцъ, недавно пріѣхавшихъ въ Пермь.

Вы проѣзжаете мимо ряда заводскихъ зданій и здѣсь ваше вниманіе несомнѣнно привлечетъ большое зданіе съ башней подъ шатровой, пирамидальной крышей. Это кузнечно-молотовая пушечныхъ заводовъ, гдѣ помѣщается самый большой молотъ не только Пермскихъ пушечныхъ заводовъ, но и первый въ Россіи по величинѣ.

Вы получаете въ управленіи заводами пропускъ и выходите на заводскій дворъ съ множествомъ строеній, дымящихся трубъ, кузницъ, печей. Откуда-то доносятся глухіе удары молотовъ, гдѣ-то пылятъ паровики, слышенъ лязгъ желѣза. Во все стороны по двору, словно змѣи, пробѣжали рельсы дорогъ, и по нимъ медленно передвигаются перегруженные вагонетки. Лошади въ запряжкѣ прекрасно выглядятъ: тяжеловозы, иной разъ полуардены, въ хорошемъ тѣлѣ и видимо превосходно содержатся.

— Слѣпнуть онѣ у насъ, — жалуются служащіе: — отъ печей или отъ раскаленнаго желѣза, но только долго не выдерживаютъ.

— Можетъ быть, отъ тяжелой работы?

— Нѣтъ, работа не тяжела: вѣдь вагонъ лишь съ мѣста взять трудно, а потомъ онъ пойдетъ. А желѣзо и чугуны при бѣломъ каленіи портятъ вообще глаза. У насъ рабочіе въ нѣкоторыхъ цехахъ цвѣтныя стекла носятъ, а подъ конецъ и у нихъ зрѣніе никуда не годится... Рабочему приходится инвалидомъ на весь остатокъ дней быть, а слѣпые кони работаютъ не хуже зрячихъ: дорогу они запоминаютъ прекрасно и около печей не пугаются...

Осмотръ завода обычно начинается съ чугунно-стально-п мѣднолитейнаго цеха. Въ первомъ изъ нихъ три отражательныхъ печи и восемь вагранокъ, но онѣ никогда не дѣйствуютъ все вмѣстѣ, а лишь

Мотовилихинскій
пушечный заводъ.

С. Мотовилиха
близъ Перми.

Управленіе, музей и библіотека пермскихъ пушечныхъ
заводовъ въ Мотовилихѣ.

въ случаѣ особо большой работы на заводѣ. Обычно работаетъ одна вагранка, выплавляющая въ сутки до 500 пудовъ чугуна. Работаютъ здѣсь на антрацитѣ, при чемъ пудомъ топлива проплавляется 6—7 пудовъ металла. Отражательныя печи (двѣ на 600 пудовъ металла и одна на тысячу пудовъ) работаютъ на дровахъ. На одной куб. сажени дровъ плавится 250—300 пудовъ чугуна; угаръ металла (потеря его при выплавкѣ) 12½ фунтовъ на пудъ.

Воздухъ для дутья въ вагранки и печи доставляется особыми воздуходувными цилиндрами, въ помощь которымъ ставится особый вентиляторъ системы Шилопосова.

Послѣдній, бывшій мастеромъ пермскихъ пушечныхъ заводовъ, одинъ изъ многочисленныхъ русскихъ самородковъ, изобрѣтатель остроумнѣйшихъ приборовъ, оригинальныхъ станковъ и машинъ. Подъ наблюдениемъ Шилопосова на верфи Мотовилихи былъ выстроенъ въ 1886 году для Лунегова пароходъ «Гражданинъ» съ колесомъ сзади, по типу только что пущенныхъ тогда на Волгу пароходовъ Зевеке. Шилопосовъ же построилъ и плавучую лѣсопилку, приводившуюся въ движеніе естественнымъ теченіемъ рѣки. Судьба изобрѣтеній Шилопосова — обычная судьба русскихъ изобрѣтеній: они не получили распространенія, изобрѣтатель умеръ, и о немъ забыли... Когда одно изъ его изобрѣтеній появится у насъ, какъ продуктъ заграничнаго мышленія, быть можетъ, кто-нибудь и вспомнитъ объ родномъ изобрѣтателѣ, да и то вѣроятно ли...

«Мы не любопытны»...

Мѣдно-литейный цехъ — невеликъ, и находится въ пристройкѣ къ чугуно-литейной. Мѣдь плавится въ тигельныхъ горнахъ на нефти. Ставится по два тигля, вмѣстимостью по три пуда каждый, процессъ плавки длится 2 часа съ небольшимъ, всего выплавляется 18—20 пудовъ въ день.

— Вспомогательный цехъ, — объясняютъ вамъ: — Намъ много мѣди не нужно.

Зато сталелитейный цехъ — центръ всего плавильнаго производства: здѣсь зарождаются тѣ предназначенныя къ истребленію человѣка человѣкомъ орудія, сооруженію которыхъ главнымъ образомъ и посвящена вся дѣятельность завода. Сталь для отливки готовится или въ печахъ Мартэна, или въ тигельныхъ печахъ Сименса, благодаря чему сталь раздѣляется на мартеновскую и тигельную.

Отливку пушечныхъ болванокъ мнѣ ни разу видѣть не пришлось и поэтому я беру описаніе этого интереснаго момента зарожденія орудія изъ «Отчета о поѣздкѣ министра земледѣлія и гос. имущества Ермолова на Уралѣ» П. А. Вологодина.

«Процессъ отливки пушечныхъ болванокъ въ буквальномъ смыслѣ — феерія. Дѣйствіе происходитъ въ верхнемъ этажѣ литейной башни. Въ переднемъ концѣ фабрики открывается круглое отверстіе въ полу, какъ бы конецъ трубы: это верхній конецъ формы, въ которой должна отлиться болванка, т. е. цѣлый стальной чурбанъ, веретенообразно утолщенный къ одному концу. Форма въ вертикальномъ положеніи находится подъ поломъ. Она нагрѣта. Далѣе идутъ ряды печей. Видны только раскаленные заслонки... Но вотъ, все готово. Къ отверстию формы

становится инженеръ, завѣдующій фабрикой и мастеръ. Дальше—около сотни рабочихъ парами, одна за другой, держать наготовѣ желѣзныя носилки для тиглей. Одна за другой открываются заслонки печей, вынимаются до бѣла раскаленные тигли. Посильщики чуть не бѣгомъ, пара за парой бѣгутъ съ ними къ отверстию формы, въ которую и выливаютъ огненно-жидкій металлъ. Изъ формы взвивается пламя. Отъ печей, ослѣпительно-блестящей расплавленной стали и отъ раскаленныхъ тиглей вся фабрика кажется въ пламени. Кипучая огненная работа продолжается до тѣхъ поръ, пока форма не будетъ налита до-верху».

Охлажденная и вынутая изъ формы болванка по конно-желѣзной дорогѣ доставляется въ кузнечно-молотовый цехъ, или большую молотовую, едва ли не одно изъ самыхъ грандіозныхъ сооруженій на заводѣ, гдѣ помѣщается главная достопримѣчательность Пермскихъ пушечныхъ заводовъ—50-титонный (3.100 пудовъ) молотъ.

— Такихъ молотовъ во всемъ мірѣ больше пяти не насчитаете,— съ гордостью говорятъ вамъ служащіе на заводѣ.

Въ Россіи это единственный паровой молотъ въ 50 тоннъ: одинаковаго вѣса молотъ Обуховскаго завода разобрать и замѣнить гидравлическимъ прессомъ.

Пермскій молотъ поставленъ первымъ начальникомъ и строителемъ Пермскихъ пушечныхъ заводовъ Н. В. Воронцовымъ (впоследствии бывшимъ директоромъ горнаго института), талантливымъ инженеромъ и недюжиннымъ математикомъ. Имѣя лишь простыхъ мастеровъ и рабочихъ, онъ не задумался у себя на заводѣ отлить чугунный стулъ подъ наковальню въ 40 тыс. пудовъ, поставилъ его на грандіозный фундаментъ изъ бутовыхъ камней, огромныхъ глыбъ въ 2,000 пудовъ вѣсомъ каждая, закончилъ остальные сооруженія и сразу же, безъ предварительныхъ испытаній, началъ ковку казенной части 11-дюймоваго орудія.

Результаты получились блестящіе, и торжество математики и строительной техники было полное. А еще отраднѣе было сознаніе, что вся работа была сдѣлана русскимъ инженеромъ при помощи русскихъ рабочихъ и все было выполнено на мѣстѣ, въ Россіи, на далекомъ Уралѣ, считавшемся чуть не краемъ свѣта, въ той самой Перми, гдѣ пьяные обыватели, по описанію Немировича-Данченко, первобытными людьми себя воображали и въ одной квартирѣ маститаго беллетриста укусили за ногу.

Молотъ куетъ орудійные стволы, кольца, снаряды. Огромныя, раскаленные до-бѣла болванки вздрагиваютъ подъ его ударами и какъ будто глухо стонутъ. Снопъ золотыхъ искръ огненнымъ фейерверкомъ взлетаютъ вверхъ при каждомъ ударѣ, стѣны башни содрожаются и кажется земля уходитъ изъ-подъ ногъ... У молота 24 человекъ рабочихъ въ смѣнѣ. Какими пигмеями кажутся они передъ этимъ гигантомъ и какъ ловко и быстро работаютъ они вокругъ!

Послѣ этого колосса остальные три молота—двѣнадцати-, восьми- и пятитонный*), кажутся уже незначительными и удары ихъ не производятъ особеннаго впечатлѣнія. Такъ, подлѣ храма Христа Спасе-

*) 744 пуда, 496 п. и 310 пудовъ.

теля въ Москвѣ выйдитъ маленькая приходская церковь близъ Каменнаго моста.

Меньшіе молоты исполняютъ болѣе мелкія работы, изъ которыхъ особенно интересна разубка мартеновскихъ болванокъ, до смѣшного напоминающая колку сахара.

Закалочная фабрика — длинная зала, гдѣ въ одномъ концѣ стоитъ большая облицованная желѣзомъ печь, а передъ ней бассейнъ съ желѣзными стѣнками, наполненный льнянымъ масломъ. Раскаленное въ печи орудіе, при помощи крана, движущагося по рельсамъ подъ потолкомъ, выводится изъ печи и погружается въ масло, гдѣ и остается до полного охлажденія. Аналогичнымъ образомъ производится и закалка снарядовъ въ снарядо-закалочной фабрицѣ.

Цехи — токарный, снарядный, слесарный и орудійный показываютъ постепенное превращеніе грубо-выкованнаго стального чурбана въ блестящее орудіе. Здѣсь пушки сверлятся, обтачиваются, полируются, наръзываются... Это самый большой отдѣлъ заводовъ и входитъ въ детальныя описанія въ краткомъ очеркѣ почти невозможно, тѣмъ болѣе, что отдѣлъ этотъ специальный. Въ этомъ цехѣ занято 1,500 рабочихъ и протяженіе всѣхъ галлерей равняется одной верстѣ. Всѣ работы совершаются машинами и рабочіе только слѣдятъ за правильностью ихъ хода и подливаютъ масла. Въ залахъ тихо, только свистать сверла, гудятъ шкивы и колеса приводовъ, тянутся стружки, визжатъ напильники.

Словно тысячи пчелъ на пасѣкѣ гудятъ въ ясный лѣтній полдень...

Послѣ орудійныхъ фабрикъ можно пройти на заброшенную верфь. Теперь судостроеніе оставлено, но прежде Мотовилиха исполняла заказы многихъ пароходовладѣльцевъ: помимо упомянутаго мною «Гражданина» здѣсь были построены глгпгтъ — буксирный пароходъ «Редеда, кн. Косеогскій», съ машиной въ 500 номинальныхъ силъ, по силѣ и размѣрамъ не имѣвшій соперниковъ на Волгѣ, «Медвѣдь» — первый опытъ замѣны системы Компаундъ машиною тройного расширенія, наконецъ, два пассажирскихъ парохода «Бояринъ» и «Боярыня» для общества «По Волгѣ».

Въ заключеніе осмотримъ наиболѣе интересный цехъ — электрической, обязанный своимъ существованіемъ Н. Г. Славянову, изобрѣтателю электрическаго плавленія металловъ, что дало возможность заводамъ производить починку и поправку самыхъ разнообразныхъ предметовъ — частей паровыхъ машинъ, испорченныхъ маховиковъ, сбитыхъ зубцовъ колесъ, разбитыхъ колоколовъ.

Не могу ни привести описанія, какъ былъ починенъ первый колоколь по способу Славянова въ Мотовилхѣ 18-го февраля 1893 г. *).

«Разбитый колоколь былъ привезенъ въ Мотовилиху изъ Уинскаго завода, Осиенскаго уѣзда, вѣсомъ въ 48 пудовъ, отлитый въ 1815 году и треснувшій въ 1878 году. Колоколь имѣлъ трещину, проходившую отъ края до ушей въ видѣ буквы S. Трещина эта была разрублена въ видѣ канала около $\frac{3}{4}$ дюйма шириною и разрубленный каналъ раздѣленъ на части пробками изъ прессованнаго кокса. Предъ операціей

*) П. А. Вологдинъ. Объ электрическомъ сплавленіи металловъ по способу г. Славянова.

залитый колоколъ былъ нагрѣтъ довольно сильно, но не до краснаго каленія, разожженнымъ кругомъ него углемъ. Когда описаннымъ образомъ колоколъ былъ подготовленъ къ операціи, его соединили помощью изолированнаго проводника-провода съ динамо-машинной. Такимъ образомъ, колоколъ явился однимъ электродомъ, другимъ же былъ вставленный въ паяльникъ стержень изъ однороднаго съ колоколомъ металла. При приближеніи стержня къ трещинамъ колокола мгновенно вспыхивала ослѣпительная звѣзда вольтовой дуги, при чемъ плавился не только конецъ стержня, но и стѣнки трещины... Вся операція продолжалась не болѣе трехъ часовъ, вечеромъ 18-го февраля.

На другой день, 19-го февраля, колоколъ былъ поднятъ на кранъ. Торжественна, достойна поэтическаго пера Шиллера, была картина, когда отъ удара молотомъ колоколъ издалъ совершенно чистый, какъ новый, звукъ. Находившіеся при этомъ привезшіе колоколъ мужики-уинцы сняли шапки и оскѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, а одинъ изъ нихъ, почтенный старецъ, едва ли не одногодокъ съ колоколомъ, восторженно произнесъ:

— Батюшка ты нашъ! Пятнадцать лѣтъ твоего голосу не слышали и опять запѣлъ, какъ новенькій!

Трогательна была благодарность этихъ мужиковъ виновнику возрожденія 78-лѣтняго старца-колокола Н. Г. Славянову. Да и было за что: за переливку этого колокола на заводъ Бакулева въ г. Слободскомъ (ближе нѣтъ заводовъ) просили 400 рублей, а въ Мотовилыхъ имъ это стоило всего сто рублей».

Вслѣдъ за первымъ колоколомъ исправлены были десятки другихъ изъ Пермской, Вятской, Уфимской и даже Казанской губерній. И загудѣли призывнымъ благовѣстомъ на старыхъ колокольныхъ эти колокола въ родной глуши, созывая, какъ и прежде, прихожанъ на молитву, и не одинъ человекъ помянулъ добромъ изобрѣтателя-инженера, давшаго возможность бѣднымъ людямъ въ далекихъ заброшенныхъ углахъ возстановить убогіе колокола бѣдныхъ церквей за незначительную, сравнительно, плату.

При началѣ спайки въ цехъ вамъ даютъ деревянную дощечку съ краснымъ стекломъ, предупреждая, что свѣтъ слишкомъ силенъ для невооруженнаго глаза. Предназначенный для спайки предметъ помещается на особыхъ подставкахъ въ специальную печку изъ трехъ стѣнокъ — покоемъ. Рабочіе надѣваютъ красные очки и включают штепсель. Вспыхиваетъ бѣлое пламя, перебѣгающее по краямъ излома, слышно какое-то шипѣнье. Вся операція кончается очень быстро, даже жаль, что такъ быстро кончается.

Неменѣе важно для металлургическаго производства изобрѣтеніе Славянова въ примѣненіи къ уплотненію отливокъ, т.е. избѣжаніе пустотъ, раковинъ и другихъ пороковъ отлитыхъ металловъ путемъ прилива жидкаго металла, заполняющаго эти пустоты.

Къ сожалѣнію, подробности этого въ высшей степени интереснаго способа — предметъ слишкомъ специальный и, не будучи въ немъ компетентнымъ, я не берусь передать его читателю.

Электротехническимъ отдѣломъ обозрѣніе Мотовилхинскаго завода обычно заканчивается.

А. Маккъ.

НА ПОРОГЪ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

XX *).

Вѣра Семеновна сидѣла въ кабинетѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ. въ креслѣ, и читала Дюма.

Послышался легкій стукъ въ дверь.

— Кто здѣсь? — по-французски спросила Лутовинова.

— Это я, Вѣра Семеновна. Можно войти? — раздался вкрадчивый голосъ Дорогиной.

Генеральша сдѣлала невольную гримасу и не сразу отвѣтила. Она не любила, когда прерывали чтеніе на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Вамъ очень надо? — спросила Лутовинова.

— Да, ваше превосходительство.

Титулованіе и какой-то особенный, подчеркивающій тонъ гувернантки обратили на себя вниманіе Лутовиновой.

— Войдите, — сказала она, кладя книгу на столъ.

— Простите, что я беспокою васъ, — промолвила Лія Федоровна, останавливаясь у кресла генеральши: — но то, что заставило меня нарушить ваше занятіе, на мой взглядъ, слишкомъ важно...

— Что такое? — перебила Лутовинова.

*) См. май—іюнь, стр. 44.

Она встревожилась и не знала, что подумать. У нея вдругъ мелькнула мысль, что внучекъ расшибся.

— Съ Димой несчастье? Да? Не скрывайте, говорите скорѣе! — воскликнула она, блѣднѣя.

— О, нѣтъ, успокойтесь, Бога ради! — отвѣтила гувернантка: — Дима еще не вернулся, и лошадь у него настолько смирна, что бояться нечего.

— Въ чемъ же дѣло? — спросила Лутовинова уже болѣе спокойно, хотя все еще съ нѣкоторой тревогой въ голо-сѣ. — Да, сядьте, пожалуйста, что же вы стоите, — добавила она, указывая гувернанткѣ на стулъ вблизи себя.

Дорогина сѣла.

— Въ чемъ же дѣло? Если бы сейчасъ, за нѣсколько минутъ до васъ, не приходила Маша отъ Нади за «Revue des deux mondes», то я бы подумала, что случилось что-нибудь съ ней!

Дорогина молчала, глядя на генеральшу и какъ-бы со-ображая, съ чего удобнѣе начать.

— Надѣюсь, ваше превосходительство... — заговорила она.

— Ахъ, оставьте пожалуйста, это титулованіе... Сами вы сказали: важное дѣло... Такъ не тяните... Что такое?

— Простите меня, но я должна сказать... Это нужно... Я позволяю надѣяться, что вы успѣли убѣдиться въ моей преданности вамъ и въ томъ, что все, касающееся васъ, я близко принимаю къ сердцу.

— Да, я знаю и очень благодарна... Я цѣню ваше участие... Но что же такое... Вы мучаете меня, милая Лія Федоровна, — нетерпѣливо произнесла Лутовинова.

— Вотъ прочтите! — сказала Дорогина и, доставъ изъ кармана письмо Ландовскаго, протянула его генеральшѣ.

— Что это? — удивилась та.

— Это письмо къ Ломакину отъ его товарища!

— Къ Ломакину? Письмо? Но зачѣмъ оно мнѣ? — про-молвила генеральша, вспыхнувъ. — Я, Лія Федоровна, не при-выкла читать чужихъ писемъ. И какъ оно попало къ вамъ?

Она устремила пыливый взглядъ на гувернантку.

Дорогина хотѣла сказать, что нашла письмо въ кор-ридорѣ. Она такъ и рѣшила въ своей комнатѣ, но теперь, сидя уже въ кабинетѣ Лутовиной, вдругъ сообразила, что выдумка никуда не годится. «А если генеральша захочетъ оставить у себя письмо? Что тогда?»

И она рѣшилась дѣйствовать прямо.

— Я взяла у него изъ стола! — твердо промолвила Дорогина, съ сознаниемъ своей правоты, и чуть не вызывающе посмотрѣла на генеральшу.

— Вы... изъ стола? — точно не вѣря своимъ ушамъ, спросила Лутовинова.

— Да, изъ стола.

— Но вѣдь это...

Въ тонѣ Лутовиновой послышалась обидная для дѣвушки нота.

— Вѣдь это... некрасиво, Лія Федоровна... Неужели вы не понимаете? — докончила генеральша, и съ невольнымъ чувствомъ гадливости посмотрѣла на нее.

— Какъ понимать, Вѣра Семеновна, — возразила Дорогина, подавляя въ себѣ оскорбленное чувство. — Если бы я сдѣлала это изъ любопытства... да... но я...

— Что бы ни руководило вами, фактъ все-таки остается фактомъ, — перебила Лутовинова. — Но зачѣмъ же вы принесли его мнѣ? — прибавила она презрительнымъ тономъ.

— Потому, что оно васъ касается... Потому, что некрасивый поступокъ, какъ вамъ угодно было выразиться, я сдѣлала ради васъ, спасая вашу крестницу. И, простите меня, я не думала, что заслужу отъ васъ только эти обидные слова. Я надѣялась, что вы поймете мое чувство...

Голосъ дѣвушки задрожалъ и слезы показались на глазахъ.

Генеральша была всегда расположена къ Дорогиной, вѣрила въ ея преданность. Ей стало не то жаль дѣвушки, не то стыдно за ту обиду, какую она нанесла ей. «Вѣдь очень вѣроятно, что она поступила такъ ради меня...» И въ глазахъ Лутовиновой даже самый поступокъ гувернантки какъ бы потерялъ уже половину своей некрасивости, а упоминаніе о Надѣ встревожило ее.

— Я не хотѣла васъ оскорбить, Лія Федоровна, — сказала Вѣра Семеновна, какъ бы извиняясь, но съ достоинствомъ. — Повторяю, я очень благодарна вамъ... Но при чемъ тутъ Надя?

— Вы поймете все изъ письма, — сказала Дорогина.

Лутовиновой претило читать письмо, добытое такимъ путемъ («Вѣдь я дѣлаюсь соучастницей», — подумала она), но другое чувство побѣдило, и она, послѣ недолгаго колеба-

нія, взяла изъ рукъ гувернантки письмо. По мѣрѣ того, какъ она читала, выраженіе ея лица мѣнялось. Она за-была о своемъ достоинствѣ, о щепетильности, и вся была охвачена тѣмъ возмущеннымъ чувствомъ, какое породило въ ней письмо Ландовскаго.

Дорогина слѣдила за выраженіемъ лица генеральши, и зло-радная улыбка змѣилась на ея тонкихъ губахъ. Но, когда Лутовинова кончила письмо и подняла глаза на Дороги-ну, она уже болѣе не улыбалась, и на ея лицѣ, въ гла-захъ, видѣлась одна грусть, или, вѣрнѣе, то же возму-щеніе. какимъ была преисполнена генеральша.

Секунду длилось молчаніе.

— Значить... у нихъ все кончено... Они объяснились?— промолвила, наконецъ, Лутовинова.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

— И она его... любитъ?

— Это тоже внѣ сомнѣнія.

-- Но... какъ же... Какъ же мы не замѣтили? Помните, я спрашивала васъ... и вы... сказали, что «едва ли»!..

— Что дѣлать, всегда хочется думать лучше о людяхъ.

— Это ужасно. Это... даже непонятно! — проговорила ге-неральша. — Что она въ немъ могла найти? Положимъ, онъ недуренъ, или, скорѣе, симпатиченъ... Но вѣдь... это же...

Она пожала плечами, какъ бы не находя надлежащаго вы-раженія.

— У любви свои законы, Вѣра Семеновна, — не то на-смѣшливо, не то грустно произнесла Дорогина. — Онъ уменъ, надо сказать правду... А Надежда Кронидовна еще такъ неопытна... Ее нельзя винить!

— О, разумѣется, онъ виноватъ! — воскликнула генераль-ша. — Но... и она... Однако, гдѣ же они могли видѣться?.. Кажется, за послѣднее время...

— Я имѣю основаніе предполагать, Вѣра Семеновна, что онъ посѣщалъ Надежду Кронидовну въ ея комнатѣ, когда всѣ ложились спать!

— Позвольте, Лія Ѳедоровна!.. Вы уже, кажется, пере-шли границы... въ вашемъ усердіи! Я не позволю клеветать на Надю...

И Лутовинова вся побагровѣла при этихъ словахъ.

— Я знаю, что вы въ правѣ такъ огнестись къ моимъ

словамъ, — сдержанно промолвила дѣвушка. — Все-таки это правда, и я повторяю ее!.. Но я опять скажу: Надежда Кронидовна совсѣмъ ребенокъ, и ее нельзя винить... Она увлеклась и не сообразила, что это... неудобно...

— Но... но...

Лутовинова никакъ не могла выговорить той фразы, которая вертѣлась у нея на языкѣ. Дорогина поняла ее.

— Ломакинъ—честный человекъ... И это—еще счастье Надежды Кронидовны!

— Вы увѣрены? Да?—вырвалось у Лутовиновой, благодарной гувернанткѣ за то, что та догадалась избавить ее отъ тяжелаго вопроса.

— Да, увѣрена! Онъ, конечно, серьезно любитъ Надежду Кронидовну и намѣренъ жениться.

— Нѣтъ, онъ все-таки негодяй!—воскликнула Лутовинова:—увлечь дѣвушку... видѣться тайкомъ... Можетъ быть, уже онъ уговорилъ ее бѣжать... Но куда... на что? Нищій!.. Вѣдь не рассчитываетъ же онъ, что я дамъ что-нибудь Надѣ, если она выйдетъ за него? Ахъ, Боже мой, —воскликнула Лутовинова, хватаясь за голову:—я бы знала, что сдѣлать, но какъ же... какъ же Дима? Скоро экзамены!.. И такъ онъ отсталъ...

— Отправьте Надежду Кронидовну, — посоветовала гувернантка.

— Куда!.. И что же это? Нѣтъ, я не могу его видѣть больше. Это возмутительно! Я откажу...

— Въ такомъ случаѣ позвольте посоветовать вамъ...

— Что?

— Вы знаете учителя Михаила Ивановича Полякова?

— Это учитель гимназій?

— Да.

— Ну, и что же?

— Переговорите съ нимъ. Онъ берется готовить къ гимназій.

— Боже мой, но вѣдь когда же?

— Видите... Онъ беретъ пятьсотъ-шестьсотъ рублей и... гарантируетъ пріемъ! Понимаете «гарантируетъ»? Это дорого, но..

— Ахъ, что дорого!.. Если ужъ надо... Да правда ли?

— Я знаю навѣрное.

— Но какъ же сдѣлать? Кто поѣдетъ?

— Позвольте мнѣ съѣздить. Я устрою.

— Ахъ, пожалуйста! Я очень благодарна вамъ!

И она протянула было руку Дорогиной, но вдругъ отдернула ее, смутилась сама своего поступка и промолвила, вставая:

— Я очень, очень благодарна вамъ. Это надо какъ можно скорѣе же. Вы съѣздите, а я... Я устрою все здѣсь сама. Возьмите же письмо, — прибавила она, передавая его Дорогиной, — и положите, пока онъ еще не вернулся. И прошу васъ ни однимъ словомъ не дать понять ему, что мы знаемъ... читали. Это, какъ хотите, все-таки некрасиво... А я найду предлогъ... Конечно, ни слова Надѣ.

Она поклонилась, отпуская этимъ Дорогину.

Дѣвушка отвѣтила почтительнымъ поклономъ и вышла.

Вѣра Семеновна посмотрѣла ей вслѣдъ и подумала:

«Преданная дѣвушка... И не знай я этого... пожалуй, можно было бы подумать, что она старается не совсѣмъ безкорыстно!»

И вдругъ у нея явился вопросъ:

«А если и дѣйствительно такъ: не безкорыстно хлопочетъ она, а потому, что... сама любить Ломакина?»

И губы Мутвиновой сложились въ пренебрежительную улыбку.

«Что же... Ихъ пара: только она очень некрасива, вотъ ея несчастье!»

XXI.

Къ чаю не вышла ни Надя, ни генеральша, у которой вдругъ сдѣлалась мигрень.

Ломакинъ выпилъ стаканъ чаю и ушелъ къ себѣ. Отъ ужина онъ отказался. Онъ почувствовалъ, что «повѣяло натянутостью». «Что такое? Узнали что-нибудь? — задавалъ онъ самъ себѣ вопросъ. — Ахъ, скорѣе бы шло время... Сдалъ бы экзамень этотъ идиотъ, и уѣхалъ бы я въ Петербургъ... Что-нибудь да устрою тамъ». У Ломакина была начата повѣсть, и онъ хотѣлъ ее кончить къ отъѣзду, но теперь совсѣмъ не могъ писать... Ужъ нѣсколько дней онъ почти ни однимъ словомъ не перекинулся съ На-

дей. А тутъ она заболѣла и два дня совсѣмъ не выходила изъ своей комнаты. Ломакинъ и тревожился, и скучалъ, и не зналъ, какъ передать ей письмо, которое носилъ эти дни въ карманѣ. За это время онъ окончательно возненавидѣлъ своего ученика, который продолжалъ шпионить за нимъ.

Вошла Маша съ кувшиномъ воды.

— Что, Надежда Кронидовна очень больна? — не утерпѣвъ, обратился къ ней молодой человѣкъ.

— Не то, чтобы... а, нѣтъ-нѣтъ, и приляжетъ... и скучныя такія...

Она едва замѣтно улыбнулась.

Черезъ нѣсколько минутъ она снова пришла съ бутылкой фруктовой воды и съ блюдечкомъ варенья.

— Унесите, я не хочу! — промолвилъ Ломакинъ.

Маша удивленно посмотрѣла на него.

— Можетъ быть, нужно что-нибудь передать барышнѣ? — спросила она, останавливаясь въ дверяхъ.

«Развѣ передать Надѣ письмо! — промелькнула у него мысль. — Она, кажется, хорошая дѣвушка».

И онъ сдѣлалъ было движеніе рукой, чтобы вынуть изъ кармана письмо.

«Нѣтъ, — передумалъ онъ: — нельзя... Всѣ онѣ хороши... Кто ее знаетъ, а если она подкуплена Дорогиной?»

И онъ въ первый разъ раздраженно отвѣтилъ Машѣ:

— Что мнѣ передавать Надеждѣ Кронидовнѣ! Скажите, что я желаю ей скорѣе выздоровѣть.

— Хорошо-съ, — отвѣтила дѣвушка и вышла.

«А вѣдь, можетъ быть, и передала бы, — пожалѣлъ Ломакинъ по ея уходѣ. — Нѣтъ, лучше, что не далъ... Спокойнѣе».

Онъ машинально надѣлъ шляпу и вышелъ въ садъ.

Ночь была тихая, теплая. На темномъ небѣ ярко горѣли звѣзды. Молодой человѣкъ прошелся по дорожкѣ, вернулся назадъ и посмотрѣлъ на окно Надиной комнаты. Оно было открыто. Изъ-подъ тонкой, не доходящей до низу шторы, свѣтъ узкой полосой ложился на землю. «Да чего же легче — взять и бросить письмо въ окно! — сообразилъ Всеволодъ Прокловичъ. И какъ это онъ не догадался раньше. — Да шпионы эти мѣшали все, — злобно подумалъ онъ. —

Но теперь нѣтъ никого. Только опять штора мѣшаетъ, да и Надя: можно испугать. Если бы она выглянула...»

Онъ опустился на скамью вблизи и сталъ наблюдать за окномъ. Прошло около четверти часа, но штора не поднималась. «А все-таки выглянетъ, если будетъ закрывать окно», — рѣшилъ Ломакинъ и остался дожидаться.

Мысли одна за другой проносились въ его головѣ.

То онъ вспоминалъ свои разговоры съ Надей, то размышлялъ о будущемъ. Увѣренность въ любви дѣвушки смѣнялась сомнѣниемъ, боязнью, что она его разлюбитъ, когда онъ уйдетъ.

Кто устоитъ противъ разлуки—
Соблазна новой красоты!—

вспомнились ему вдругъ стихи изъ «Демона». А самъ онъ? Развѣ онъ не можетъ увлечься? О, никогда! Онъ чувствовалъ, что никого и никогда больше не полюбитъ. Но она... Она, конечно, искренно любитъ теперь, но она молода... Останется одна, — долго ли убѣдить, уговорить, а то и заставить...

Какъ же быть? Что дѣлать? Надо непременно переписываться. Онъ оставитъ ей адресъ Ландовскаго, чтобы она могла писать ему. А какъ же она будетъ получать письма?

Вдругъ на шторѣ образовался силуэтъ Нади, и черезъ минуту ея рука протянулась за штору, чтобы закрыть окно.

Молодой человекъ подбѣжалъ къ окну и окликнулъ:

— Надежда Кронидовна!

Рука снова быстро скрылась, но черезъ секунду Надя выглянула въ окно.

— Это я, — сказалъ Ломакинъ и кинулъ въ окно письмо.

Невдалекѣ слышались чьи-то шаги. Окно захлопнулось, а Ломакинъ быстро исчезъ въ темнотѣ. Онъ направился въ глубь сада и долго-долго ходилъ взадъ и впередъ по пустыннымъ аллеямъ.

Ночь спалъ онъ крѣпко и проснулся, когда уже было около десяти часовъ.

Онъ позвонилъ Машу, которая всегда подавала ему умываться.

— А барышня уѣхала! — доложила она съ своей обычной улыбкой.

— Какъ? Куда? — воскликнулъ Всеволодъ Прокловичъ, поднимая на горничную мокрое лицо.

— Къ Чудновымъ, кажется.

— Зачѣмъ же?

— Не знаю-съ.

— И... надолго?

— Тоже не знаю-съ. Кажется, до завтра, навѣрное не могу сказать! А вамъ не принести ли чаю сюда? — прибавила она, ставя кувшинъ на полъ.

— Да, хорошо, принесите! — машинально отвѣтилъ молодой человѣкъ, пораженный внезапнымъ отъѣздомъ Нади.

«Что это значить? Уѣхала — зачѣмъ? Вчера была еще больна и вдругъ сегодня уѣхала такую рань!»

Онъ терялся въ догадкахъ.

Маша принесла чай, но Всеволодъ Прокловичъ не тронулся до него. Черезъ полчаса его позвали къ Лутовиновой.

«Это еще зачѣмъ?»

И вдругъ ему сдѣлалось ясно, почему уѣхала Надя.

Онъ усмѣхнулся не то грустно, не то радуясь развязкѣ, и отправился къ Лутовиновой.

— Вамъ угодно было видѣть меня? — промолвилъ онъ, входя въ кабинетъ и дѣлая легкій поклонъ Вѣрѣ Семёновнѣ.

— Да! Садитесь, пожалуйста, — промолвила та любезно, но холодно.

Онъ сѣлъ, ожидая, что она скажетъ. Лутовиновой, видимо, было нѣсколько трудно начать, и она промедлила съ минутой, оправляя ленты фишю.

— Я хочу поблагодарить васъ, Всеволодъ Прокловичъ, за Диму. Заниматься старательнѣе, чѣмъ вы — едва ли можно. Но... я согласна съ вами теперь, я убѣдилась сама, что онъ лѣнивъ и едва ли будетъ въ силахъ сдать экзамень...

Она взглянула на Ломакина, какъ бы ожидая что-нибудь услышать отъ него, но молодой человѣкъ молчалъ. Лутовинова продолжала:

— Времени осталось очень мало... А мнѣ хочется непремѣнно, чтобы онъ поступилъ. Мнѣ совѣтуютъ обратиться къ одному учителю въ городѣ, который приготовляетъ съ

гарантией... Конечно, это... вы понимаете... немножко отдаётъ взяткой, но... Что дѣлать!.. если иначе нельзя... И вотъ приходится...

— Понимаю,— перебилъ Ломакинъ, вспыхнувъ:—я вамъ больше не нуженъ, и вы отказываете мнѣ?

— Я очень благодарна вамъ, Всеволодъ Прокловичъ, и если Дима сколько-нибудь успѣлъ, такъ онъ обязанъ этимъ только вашему старанію... И мнѣ очень жалко...

Въ Ломакинѣ вдругъ проснулся тотъ *плебей*, которому чужда тонкая политика аристократической среды.

— Къ чему эти сладкіе гарниры, ваше превосходительство?— промолвилъ онъ съ ироніей въ голосѣ:— вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь... Не нуженъ я вамъ, ну, и конечно.

И онъ поднялся со стула.

— Но вы не безпокойтесь, — сказала Лутовинова, отчасти радуясь такому обороту объясненія, хотя въ то же время и возмущаясь рѣзкостью учителя:— вы не теряете отъ этого ничего и что слѣдуетъ...

Ломакинъ перемѣнился въ лицѣ.

— Позвольте, ваше превосходительство, — перебилъ онъ ее, и голосъ задрожалъ отъ обиды:— вы вольны отказать, но прежде, чѣмъ бросить подачку, вамъ слѣдовало бы спросить: примутъ ли ее отъ васъ?

Генеральша никакъ не ожидала этого.

— Но вѣдь я... я нарушаю условіе, monsieur Ломакинъ!— воскликнула она, уже не скрывая своего возмущенія.

— Да, вы, — произнесъ онъ:— и я даже знаю причину, вслѣдствіе которой вы мнѣ отказываете!

Онъ засмѣялся.

— Тѣмъ хуже для васъ! — сказала Лутовинова. — Я не хотѣла говорить вамъ это... Я рассчитывала на вашу деликатность, но...

— Вы хотите, чтобы я сегодня же уѣхалъ?— перебилъ Ломакинъ.

— Я буду вамъ очень благодарна!

— Хорошо-съ!

Онъ поклонился и вышелъ изъ комнаты.

«Боже!.. Да онъ... онъ... И Надя могла его полюбить!»— съ ужасомъ подумала Вѣра Семеновна, продолжая гля-

дѣтъ на дверь, словно ожидая, что молодой человѣкъ вернется и скажетъ ей еще что-нибудь болѣе грубое.

Вечеромъ въ этотъ же день Ломакинъ уѣхалъ.

Дорогина не вышла проститься съ нимъ. Она не рѣшилась на это. Она стояла у окна своей комнаты и глядѣла, какъ онъ садился въ экипажъ, какъ укладывали его вещи. Она видѣла, что онъ былъ блѣденъ, и ей показалось даже, что глаза его красны. Плотнo сжавъ губы, она смотрѣла на дворъ, и взглядъ ея выражалъ торжество. Но когда зазвенѣлъ колокольчикъ, и лошади тронулись, она вдругъ поблѣднѣла, и у ней словно что-то оторвалось отъ сердца. Она поняла, что далеко зашла въ своей мести.

Шатаясь, добралась она до постели, упала головой въ подушку и зарыдала.

XXII.

Надя уже хотѣла ложиться, когда Ломакинъ неожиданно бросилъ ей въ окно письмо. Дѣвушка очень обрадовалась. Ее томило невольное заключеніе, и она скучала, не встрѣчаясь съ учителемъ. Если ей нельзя было говорить при другихъ, о чемъ хотѣлось, то все же она перекидывалась съ нимъ нѣсколькими фразами, обмѣнивалась поклонами, взглядами и улыбками. Это былъ своего рода языкъ, и языкъ очень интересный для дѣвушки, которой доставляло нѣкоторое удовольствіе даже самое стѣсненіе, вносившее въ отношенія къ любимому человѣку что-то незаурядное, волнующее, какъ и ночное свиданіе, напоминавшее ей страницы изъ прочитанныхъ романовъ. Но оставаться въ комнатѣ одной, лежать въ постели, совсѣмъ не видѣть Ломакина, — все это было скучно и сильно надоѣло ей. И вдругъ письмо... Она была рада ему и тому, что оно попало такимъ необыкновеннымъ путемъ. Письмо — ласковое, нѣжное, страстное — очень взволновало Надю. Она не обратила особеннаго вниманія на его дѣловую сторону, и на тѣ планы, которые развивалъ Ломакинъ относительно Петербурга. «Я увѣренъ, что пріятель поможетъ мнѣ найти занятія», — писалъ, между прочимъ, Всеволодъ Прокловичъ. «Какъ это хорошо, какой онъ добрый и славный», — подумала дѣвушка о Ландовскомъ, не останавливаясь больше

на этомъ; вся отдавшись сладкимъ грезамъ; упиваясь поэзіей, которая преобладала въ восторженномъ письмѣ молодого человѣка.

Уже раздѣвшись, лежа въ постели, она долго еще думала по поводу письма и заснула далеко за полночь.

Она сладко спала и видѣла какой-то чудный сонъ, какъ вдругъ почувствовала, что ее будятъ.

«Не можетъ быть, я только что вѣдь легла»,—бессознательно во снѣ подумала она, но ее продолжали будить. Она открыла глаза—у постели стояла Маша.

— Вставайте, барышня, вставайте, уже лошадей запрягаютъ... Вхвать надо!

— Куда вхвать? Кому?—произнесла Надя.

— Вы поѣдете, барышня, къ Чудновымъ... Ужъ и Маруша ждетъ васъ (такъ звали горничную генеральши).

Надѣ пришлось встать. Маша, спѣшно, помогла ей одѣться и принесла какао. Дѣвушка на-скоро выпила его. Она была удивлена и не могла понять, что такое случилось; зачѣмъ ее подняли такъ рано и везутъ къ Чудновымъ. И къ чему? Что дѣлать у нихъ? Ей они не особенно нравятся.

Она уже была совсѣмъ одѣта; когда ее позвала къ себѣ Лутовинова. Наканунѣ поздно, почти уже къ ночи, Лутовинова получила записку отъ Чудновой, просившей на другой день, какъ можно раньше, прислать ей важные документы по имѣнію, которые лежали у Вѣры Семеновны. Лутовинова, не знавшая, подѣ какимъ предлогомъ удалить Надю на весь день; чрезвычайно обрадовалась письму приятельницы: лучшаго предлога нельзя было и найти.

Лутовинова встрѣтила крестницу необыкновенно ласково.

— Не выспалась, моя птичка? Рано тебя разбудили?—нѣжно спросила она, крѣпко цѣлуя дѣвушку.

— Да, маман. Я совсѣмъ еще сплю.

— Бѣдняжка! Я вижу... Но надо, голубка! Ты совсѣмъ здорова?

— Совсѣмъ, маман!

— Ну, слава Богу! Вотъ что, ma petite, окажи мнѣ услугу, съѣзди къ Чудновой. Я вчера получила письмо... Ты спала уже... Надо передать вотъ эти документы. — Вѣра Семеновна указала на пакетъ, лежавшій на столѣ передъ

ней. — Они настолько важны, мой дружокъ, что я не могу ихъ никому поручить, даже Лін Фодоровнѣ я боюсь... Все-таки чужой человѣкъ... Кто знаетъ. Видишь, какую важную миссію я на тебя возлагаю. Поѣзжай же голубушка, — добавила она. — Если бы не это, я ни за что не рѣшилась бы такъ рано разбудить тебя. Ужъ прости меня, дружокъ.

Она притянула дѣвушку къ себѣ, поцѣловала ее въ лобъ и, подавая ей пакетъ, сказала:

— Съ Богомъ! Смотри же, осторожнѣе... Въ твоихъ рукахъ—судьба всѣхъ Чудновыхъ. Ты поѣдешь съ Мареушей, это все-таки удобнѣе!

Порученіе, данное Надѣ, льстило ея самолюбію, и, не догадываясь о другомъ, дѣйствительномъ мотивѣ, заставившемъ Лутовинову послать ее къ Чудновымъ, дѣвушка поѣхала довольная и веселая. Самая поѣздка за семнадцать верстъ въ удобной коляскѣ ей нравилась. Если Чудновыхъ она не любила, то все же и не питала къ нимъ никакого непріязненнаго чувства.

Она думала провести у нихъ только день, но вышло иначе: у Чудновыхъ гостила Катя Ирбанская, еще одна барышня и какой-то композиторъ, написавшій всего три-четыре вальса, но считавшій себя «извѣстностью». Однако, онъ былъ недуренъ собой, прекрасно игралъ на рояли и оказался очень интереснымъ кавалеромъ. Катю Ирбанскую Надя любила больше всѣхъ знакомыхъ и, когда она присоединилась къ просьбамъ Чудновыхъ, Надя сдалась и осталась почевать. Мареуша уѣхала, а Надя прожила не день и не два, а цѣлыхъ пять дней. Отѣздъ откладывался подъ разными предлогами. Надѣ не было скучно, но все-таки на пятый день она заявила настойчиво о своемъ желаніи уѣхать домой. Общество и остроумные рассказы гостя и даже его игра ей уже надоѣли; сами Чудновы совсѣмъ мало ее интересовали. Она скучала по дому, ей захотѣлось увидѣться съ Ломакинымъ, котораго она не видала такъ долго. Ее не стали удерживать.

Надя вернулась въ Лутовиновку веселая, нѣсколько обновленная поѣздкой. Она почувствовала потребность подѣлиться впечатлѣніями, и всю дорогу думала о томъ, какъ бы наединѣ поговорить съ Ломакинымъ.

— Загостились, барышня, загостились, — встрѣтила ее выбѣжавшая на крыльцо Маша. — А безъ васъ тутъ...

— Что такое?—воскликнула дѣвушка, и сердце ея вдругъ упало отъ предчувствія чего-то ужаснаго.

— Барчукъ съ мамзелью въ городъ уѣхали къ новому учителю.

— А Ломакинъ?

— Въ одинъ день съ вами и они уѣхали...

— Куда? Надолго ли?

— Да совѣмъ, надо полагать... Отказали имъ барышня...

XXIII.

Надя, узнавъ о внезапномъ отъѣздѣ Ломакина, вдругъ поблѣднѣла и, какъ бы боясь упасть, схватилась рукой за горничную.

— Что это вы, барышня... Али ножки отсидѣли? Или нездоровится? — промолвила Мама участливо, но не безъ лукавой улыбки.

Надя ничего не отвѣтила, сдѣлала надъ собой усиліе и поспѣшно прошла въ свою комнату.

— Оставьте меня... Я немножко отдохну, — сказала она Машѣ, отдавая ей пальто со шляпкой, и заперла дверь на крючокъ.

Она бросилась на постель, и обильныя слезы побѣжали у нея изъ глазъ. Дѣвушка ни о чемъ не думала, не могла думать; она только почувствовала щемящую боль, которая пригнетала ее, мѣшала всякимъ думамъ, и разрѣшилась слезами.

Она пролежала такъ вплоть до чая и охотно бы не вышла къ нему, но это было неудобно. Она не хотѣла, чтобы Вѣра Семеновна узнала объ ея горѣ, о томъ, что она плакала. Да и надо же было передать отвѣтъ Чудновой и сказать вообще о томъ, какъ она исполнила порученіе.

Надя освѣжилась холодной водой, переодѣлась и вышла въ столовую. Лутовинова уже сидѣла тамъ. Она хорошо поняла, отчего дѣвушка не явилась къ ней сейчасъ, какъ пріѣхала, а, взглянувъ на ея лицо, сразу догадалась, что она плакала. Но Лутовинова ни однимъ намекомъ не дала понять крестницѣ о своей догадкѣ. Вѣра Семеновна съ ласковой улыбкой встрѣтила Надю, подошедшую поцѣловать

у ней руку, и предупредила дѣвушку, цѣлуя ее въ голову:

— Отдохнула, та petite? Я уже и не тревожила тебя,— догадалась, что устала... Еще бы... Наши дороги... Ну, что, голубка, весело было тамъ?

— Ничего, тамап, весело. Вамъ кланяются Магдалина Григорьевна, Саша и Капочка. За документы благодарять...

— Все, значить, исполнила? Ну, спасибо, милуша!

Экономка, которая разливала чай вмѣсто Дорогиной, подала Надѣ ея маленькую, изящную фарфоровую чашечку.

— У Чудновыхъ гости, кажется? — освѣдомилась Вѣра Семеновна.

— Да, знакомые...

— Кто-то изъ Петербурга?

— Композиторъ одинъ.

— Интересный, веселый?

— Да, ничего интересный... Прекрасно играетъ... остроумный.

— Да? Ну, я очень рада, что ты хоть немножко развлеклась, а то все одна, да одна. Надо будетъ еще съѣздить къ кому-нибудь... А вотъ зимой и въ городъ переѣдемъ... Ты, навѣрно, та petite, уже соскучилась по танцамъ... Не такъ ли, признайся? Вѣдь ты порядочная попрыгушка!

— Я люблю танцы, тамап! — равнодушно отвѣтила дѣвушка.

— Ужъ знаю, знаю! И зачѣмъ ты такъ небрежно, словно стыдишься признаться?.. Молоденькой дѣвушкѣ свойственно любить танцы, веселье... Это намъ, старикамъ, покой нуженъ.

Она продолжала шутливо разговаривать съ Надеей, ни словомъ не упоминая объ отъѣздѣ учителя. „Еще успѣю,“ рѣшила она, „да и неловко при экономкѣ... Вдругъ еще Надя расплатится“...

Надя выпила чашку и отодвинула ее.

— Не хочешь больше?

— Нѣтъ, тамап, не хочу.

— И я тоже. Убирайте, Настасья Сидоровна. Не выйдемъ ли мы съ тобой въ садъ?—обратилась она къ крестницѣ, вставая. — Вечеръ прелестный... Пойдемъ, мой дружокъ!

Надя молча поднялась съ мѣста и вышла за Вѣрой Семеновной на балконъ.

— Уже недолго стоять такой погодѣ, — промолвила Лутовинова, спускаясь медленно съ крыльца: — скоро начнутся холодные, сырые вечера... Надо пользоваться послѣдними днями... Я и то говорила Ліи Ѳедоровнѣ... Ахъ, да, милуша, я и забыла совсѣмъ тебѣ сказать: она уѣхала въ городъ съ Димой. Надо, чтобы онъ поступилъ. А тамъ одинъ учитель гимназіи берется... Да-а... И Всеволодъ Прокловичъ уѣхалъ... Въ одинъ день съ тобой... Я не торопила его, могъ оставаться до конца лѣта, но онъ засиѣшилъ самъ... Въ Петербургъ ему надо, что-ли... Онъ славный человѣкъ, я имъ была очень довольна, но... я боялась за Диму... Вдругъ не выдержать...

Онѣ шли по аллеѣ рядомъ, Вѣра Семеновна взглянула мелькомъ на Надю; та шла, опустивъ голову, видимо, стараясь скрыть свое волненіе.

Вѣра Семеновна продолжала еще говорить что-то, но дѣвушка молчала. Она боялась не выдержать и заплакать.

— Тебѣ, пожалуй, будетъ немного скучно... Ты, кажется, привыкла къ его обществу? — проговорила Вѣра Семеновна.

Это было неосторожностью съ ея стороны.

Надя ничего не отвѣтила, но когда Вѣра Семеновна взглянула на дѣвушку, то увидала, что у той по лицу капились слезы.

— Милуша, что съ тобой?

— Ничего, татап, — произнесла Надя, глотая слезы.

— Отчего ты плачешь? Что съ тобой?

Лутовинова обняла ее, подвела къ скамейкѣ, посадила ее и сѣла сама рядомъ.

— О чемъ ты плачешь? — повторила она, ласково заглядывая въ глаза дѣвушки. — Неужели о томъ, что уѣхалъ Всеволодъ Прокловичъ? Скажи мнѣ...

Дѣвушка ничего не отвѣтила, она была не въ силахъ говорить. При послѣднихъ словахъ Вѣры Семеновны слезы еще обильнѣе побѣжали у ней изъ глазъ.

— Надюша, — произнесла Лутовинова, беря дѣвушку за руку: — да что съ тобой, Бога ради?.. Ужели.. ужели ты.. увлеклась имъ? Не можетъ этого быть? Я не хочу вѣрить. Это было бы, прости меня, просто безуміе! Что можетъ тебѣ дать такая любовь, кромѣ мукъ и разочарованій? Вѣдь не замужъ за него ты думала выйти?

Надя продолжала молчать.

— Ахъ, Надя! Да скажи мнѣ что-нибудь... Что же ты молчишь?—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ воскликнула Лутовинова.

— Что же мнѣ сказать, таман,—едва слышно проговорила дѣвушка.

— Какъ что? Неужели ты его любишь?

— Да,—еще тише произнесла Надя и закрыла лицо платкомъ.

— Опомнись, что ты! Да развѣ... онъ можетъ быть твоимъ мужемъ? Онъ—нищій, ему самому нечѣмъ жить... Съ мѣста на мѣсто—какая это семейная жизнь? Вѣдь не хочешь же ты жить такъ, какъ нашъ кучеръ Макаръ: онъ здѣсь, жена—въ другомъ мѣстѣ.

— Онъ будетъ служить!—промолвила Надя.

— Гдѣ? Развѣ онъ уже говорилъ? Объяснился онъ тебѣ? И вы... уговорились?

Надя опять промолчала.

— Да говори же, если я спрашиваю? Это не вздоръ уже!—строго произнесла Лутовинова.

«Да, говорилъ»,—хотѣла сказать дѣвушка, но не сказала этого и промолвила только:

— Нѣтъ, ничего не говорилъ... но...

— И не могъ ничего сказать! Я его считаю все-таки честнымъ человѣкомъ и увѣрена, что онъ не станетъ увлекать дѣвушку, обманывать ее обѣщаніями чего-то въ будущемъ, когда это будущее ему самому неизвѣстно. Полно, Дина,—уже гораздо ласковѣе заговорила Лутовинова:—все это пустяки, и ты нисколько его не любишь, просто ребяческое увлеченье! Были вы постоянно близко, вмѣстѣ, оба молоды... вотъ и все. Ты обсудишь спокойно и поймешь сама, что ошиблась. Онъ, конечно, умный человѣкъ, но... онъ совсѣмъ дурно воспитанъ: у него ни манеръ, ни знанія приличій, ты ему не годишься! Ему надо студентку, дѣвушку совсѣмъ другого типа...

— Онъ противъ нихъ!—вырвалось у Нади.

— Да?

Вѣра Семеновна пожала плечами.

— Все-таки ты... ему не пара. Онъ—бирюкъ, а ты—свѣтская дѣвушка. Ты съ нимъ соскучилась бы черезъ мѣ-

„МАЛЕНЬКІЙ СВѢТОЧЪ“

№ 3.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

1913.

къ „СВѢТОЧУ и ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ“.

А. Н. К.

Первопрестольникъ Россійскій

МИТРОПОЛИТЪ ПЕТРЪ.

Сказаніе о великомъ свѣточѣ
земли Русской.

ДВА ЖУРНАЛА ЗА 4 РУБЛЯ.

4 р.
съ пер.
и дост.

Участвуютъ извѣстные писатели и ученые.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
— **7-й г.** — **НА** — **ИЗДАНИЯ 1913 г.** —
ежемѣсячный иллюстрир. научно-литературный журналъ

4 р.
съ пер.
и дост.

СВѢТОЧЪ

И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

по программѣ обычной для ежемѣсячниковъ, съ особымъ отдѣломъ „На помощь Семьѣ и Школѣ“ и отдѣлы. **ЖУРНАЛОМЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ „Маленькій Свѣточъ“.**

Подписчики 1913 года получаютъ:

- 12** №№ иллюстрир. журнала „Свѣточъ и Дневникъ Писателя“ и какъ бесплатныя приложенія:
6 №№ журнала для дѣтей „Маленькій Свѣточъ“.
8 Элегій въ прозѣ подъ назв. „Лирическіе аккорды“, изящно изд. на хор. бум.

- 1** книгу „ТРЕХСОТЛѢТІЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ“. Строго подобр. текстъ со многими иллюстраціями.
1 книгу „МОЛИТВЕННИКЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ“. Иллюстр. чтеніе объ о. Иоаннѣ Кронштадтскомъ. (Его жизнь и значеніе для Русской Церкви и народа.)

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой **4 руб.** безъ доставки **3 р. 60 к.**
и перес. по Имперіи

РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **2 руб. 50 коп.**, къ 1-му марта **1 руб. 50 коп.**

На полгода **2 рубля.**

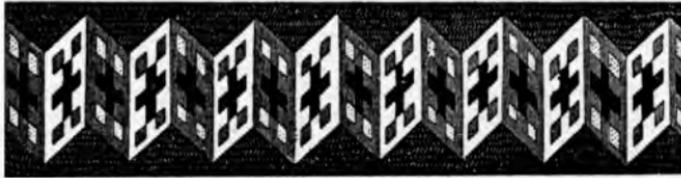
За границу только на годъ **6 р. 50 к.**

Москва, Тверская, д. гр. Олсуфьевой. Редакція и Контора „Свѣточа и Дневника Писателя“.

**Св. Петръ,
митрополитръ Всероссійскій.**

(См. съ иконы.)

Первопрестольникъ Россійскій Митрополитъ Петръ.

Слишкомъ пять вѣковъ тому назадъ, земля Русская испытывала страшное бѣдствіе — татарское иго. Несмѣтная дикія полчища нахлынули изъ Азии, подобно бурному потоку, грозными волнами захлестнули наше отечество. Русь, раздѣленная между многими князьями, не оказала врагу сильнаго сопротивленія, потому что несогласные правители ея дѣйствовали каждый особнякомъ. Дружины княжескія одна за другой были сломлены татарами, князья или убиты, или взяты въ плѣнъ, а народъ обложенъ тяжкими поборами. Многіе города и селенія сожжены, православные храмы разрушены, жители разорены. Стоны и плачь обездоленныхъ огласили родную землю изъ края въ край. Цѣлыя двѣсти лѣтъ изнемогали мы подъ бременемъ тяжкаго ига.

Въ это страшное время въ Волинской области жило одно набожное семейство, состоявшее изъ мужа и жены. Общія невзгоды не только не пошатнули ихъ вѣры, но укрѣпили еще болѣе въ благочестіи. Они усердно молили Бога о томъ, чтобы Онъ облегчилъ страданія дорогой родины, и по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ подвизались въ дѣлахъ милосердія. Однажды добрая женщина, готовясь сдѣлаться матерью, увидала во снѣ, на разсвѣтѣ воскреснаго дня, что будто держитъ въ рукахъ барашка. у котораго посреди роговъ выросло прекрасное дерево, покры-

тое листьями, цвѣтами и разными плодами.. Сверху до низу оно было убрано горящими свѣчами, распространявшими благоуханіе.

Она тотчасъ пробудилась и рассказала свой сонъ. Окружающіе предсказали, что родившійся отъ нея получитъ большое значеніе, слава его распространится, и что вообще на долю родителей выпадаетъ большое благо. Послѣдніе несказанно обрадовались и съ надеждами встрѣтили появившагося на свѣтъ младенца. Этотъ ребенокъ и былъ Петръ.

Мальчикъ сталъ расти и укрѣпляться, окруженный заботами.

Когда ему исполнилось семь лѣтъ, его стали обучать грамотѣ. Онъ оказался прилежнымъ и старательнымъ, но совсѣмъ мало способнымъ. Наука положительно не давалась ему, и родители приходили отъ этого въ отчаяніе.

Ребенокъ плакалъ и молился. Вдругъ онъ видитъ надежды во снѣ, что къ нему подходитъ неизвѣстный человекъ въ святительскихъ одеждахъ и говоритъ:

— Разинь ротъ, дитя.

Петръ исполнилъ.

Явившійся коснулся рукой его языка и затѣмъ благословилъ.

Тотчасъ же мальчикъ почувствовалъ во рту необычайную пріятность.

Проснувшись, онъ съ любопытствомъ осмотрѣлся вокругъ, думая, что все это произошло наяву, но никого нигдѣ не было и лишь сердце ребенка радостно билось въ груди.

Съ этихъ поръ ученіе пошло успѣшно, а черезъ нѣкоторое время мальчикъ далеко уже опередилъ своихъ сверстниковъ. Особенности успѣхи онъ выказалъ при изученіи священнаго писанія.

Онъ любилъ уходить въ рошу, садъ, или лѣсъ и тамъ, сидя подъ деревомъ, съ взорами, устремленными въ ла-

зурную синеву небснаго свода, подолгу мечтать въ тиши уединенія. Въ его воображеніи возставали и манили къ себѣ чистотою и нравственною силою могучіе образы суровыхъ подвижниковъ. Задумываясь надъ великимъ смысломъ прочитаннаго, онъ захотѣлъ и самъ подвиговъ иноческой жизни. Съ теченіемъ времени это желаніе не только не исчезло, но превратилось въ непреодолимую жажду. Когда ему исполнилось двадцать лѣтъ отъ роду, Петръ отправился въ одинъ изъ ближайшихъ къ мѣсту его рожденія монастырей.

Игуменъ встрѣтилъ ласково, долго бесѣдовалъ и затѣмъ принялъ его въ число братіи.

Не легко непривычному человѣку исполнять тяжелос монастырское послушаніе. Такъ было и Петру, несмотря на то, что онъ былъ молодъ и здоровъ. Ему дали самыя трудныя и грязныя работы: онъ кололъ дрова, носилъ въ поварню воду, мылъ для братіи бѣлье, исполняя свои обязанности старательно и ни однимъ словомъ никогда не обнаруживая неудовольствія.

Вскорѣ всѣ полюбили новаго инока за его кроткій нравъ и доброту.

Несмотря на то, что у него было очень много дѣла, Петръ находилъ еще время посѣщать храмъ. Съ первымъ ударомъ колокола уже видѣли его благоговѣнно входящаго въ церковь, которую онъ оставлялъ позже всѣхъ. И вообще онъ отличался тѣмъ, что относился къ себѣ чрезвычайно строго; такъ напримѣръ, несмотря ни на какую усталость, онъ не позволялъ себѣ даже прислониться къ стѣнѣ, или облокотиться въ храмѣ, внимательно слѣдя за ходомъ богослуженія и уносясь мечтою высоко отъ всего земного.

Игуменъ отмѣтилъ благочестиваго инока и поставилъ его сначала въ дьяконы, а черезъ нѣсколько времени и въ пресвитеры.

Теперь онъ былъ избавленъ отъ тяжелой черной ра-

боты, и у него явился досугъ. Но и его Петръ не желалъ употребить на отдыхъ, а принялся за изученіе иконописи. Немало положилъ онъ на это дѣло трудовъ и старанія, прежде чѣмъ усовершенствовался въ немъ. Изучивъ живопись, онъ написалъ икону Владимірской Божіей Матери, съ которой и явился къ святителю, архіерею Максиму, чтобы принять отъ него благословеніе.

Послѣ этого онъ удалился въ одно пустынное мѣсто въ глухомъ лѣсу, на рѣкѣ Ратѣ (гдѣ теперь монастырь Дворцы); здѣсь онъ приступилъ къ постройкѣ церкви во имя Спаса нашего Иисуса Христа; при этомъ повелъ самый суровый образъ жизни, какой, по его мнѣнію, подобалъ отшельнику.

Вскорѣ слухъ о его подвигахъ распространился по окрестности и къ нему со всѣхъ сторонъ началъ стекаться народъ.

Петръ принималъ всѣхъ одинаково ласково, не уставая бесѣдовать и просвѣщать; удрученныхъ скорбію утѣшалъ и ободрялъ совѣтами, помогалъ нуждающимся, при чемъ не рѣдко отдавалъ имъ свои послѣднія одежды; заблуждающихся наставлялъ на путь истинный; одержимыхъ грѣхами съ кротостью и терпѣніемъ исправлялъ. Никто не уходилъ отъ него, не получивъ нравственнаго обновленія и ободренія.

Вскорѣ Петръ сталъ извѣстенъ по всей русской землѣ и самъ великій князь явился почтить его. При видѣ святой жизни отшельника, князь проникся глубокимъ къ нему уваженіемъ и сталъ подолгу бесѣдовать съ нимъ, внимая его наставленіямъ.

Въ то время скончался Владимірскій святитель Максимъ, извѣстный своей праведной жизнью и добродѣтелями.

Народъ оицакивалъ любимаго пастыря. Надо было найти достойнаго ему преемника. Выборъ великаго князя палъ прямо на Петра, котораго онъ и сталъ уговаривать ѣхать къ патриарху въ Константинополь.

Тогда русскіе святители ставились Константинопольскими патріархами.

Скромный отшельникъ, однако отказался отъ такой высокой чести.

Но еще ранѣ приглашенія Петра, одинъ игумень — Геронтій, вздумалъ самовольно занять святительскую кафедру. Взявши одежду, утварь и пастырскій жезлъ св. Максима, Геронтій отправился въ Царьградъ (такъ русскіе называли Константинополь).

Самоуправство и дерзость игумена, безъ приглашенія и избранія отправившагося захватить непринадлежавшій ему санъ, возбудили къ нему всеобщее недоброжелательство.

Возмущенный Волинскій князь осадилъ Петра неотступными просьбами о томъ, чтобы престолъ Кіевскій былъ занятъ непременно имъ.

Петръ наконецъ, выразилъ свое согласіе и отправился въ далекій путь.

Между тѣмъ Геронтію надо было плыть по морю. Поднялась страшная буря и надолго задержала его на берегу. Но затѣмъ, едва онъ пустился въ море, какъ увидѣлъ во снѣ Божію Матерь, которая сказала ему: „Напрасно ты, старецъ, трудишься! Святительскій санъ, котораго ты ищешь, не взойдетъ на тебя; на престолъ возведенъ будетъ написавшій Меня, Петръ, игумень Ратскій, служитель Сына Моего и Бога, и Мой. Онъ хорошо упасетъ людей, для спасенія которыхъ Сынъ Мой, Христосъ Господь, пролилъ кровь Свою, богоудно поживетъ и въ старости, радуясь добре, придетъ къ Владычицѣ всѣхъ“.

Геронтій пробудился въ ужасѣ и тотчасъ же о видѣнномъ разсказалъ окружающимъ.

И всѣ поняли, что старанія его не увѣнчаются успѣхомъ.

Игумень хотѣлъ уже послѣ этого возвратиться, но потому рѣшилъ отвезти патріарху захваченныя съ собой вещи.

Патріархомъ въ Царьградѣ былъ въ то время старецъ Аѳанасій, извѣстный своей высокоправедной жизнью. Онъ совершалъ богослуженіе въ Софійскомъ соборѣ, когда грѣхавшій Петръ вошелъ туда.

Патріархъ понялъ духомъ причину его появленія и пророчески воскликнулъ:

— Повелѣніемъ Божіимъ пришелъ къ намъ дивный мужъ, который благодатію Божіею упасетъ ввѣренное ему стадо.

Онъ съ радостію благословилъ прибывшаго.

На созванномъ священномъ соборѣ были рассмотрѣны документы, привезенные Петромъ съ собою. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, всѣ присутствующіе единодушно признали его вполнѣ достойнымъ занять великій постъ.

Вскорѣ совершилось и посвященіе, при чемъ лицо Петра такъ озарилось, что бывшіе въ храмѣ невольно замѣчали: „въ самомъ дѣлѣ человекъ этотъ посланъ отъ Бога“.

Тогда явился съ повинною и Геронтій. Не утаивъ ничего, онъ разказалъ обо всемъ случившемся съ нимъ въ дорогѣ.

Патріархъ принялъ отъ него ризы съ иконою и вручилъ ихъ Петру, который сдѣлался митрополитомъ не одной только южной, но и всей Россіи. Вернувшись изъ Константинополя, св. Петръ поселился въ Кіевѣ.

Въ скоромъ времени въ татарской ордѣ, послѣ смерти стараго хана, принималъ управленіе новый ханъ Узбекъ. Русскіе князья, въ знакъ покорности, должны были явиться привѣтствовать его. Великій князь Михаилъ Ярославичъ уговорилъ отправиться вмѣстѣ съ собой и святаго Петра. Въ 1313 году они собрались въ далекій путь. Узбекъ, наслышавшійся о добродѣтельной жизни Петра, принялъ его съ высокой честью и подтвердилъ ярлыками (т. е. грамотами) всѣ льготы, предоставленныя прежними ханами русской митрополіи.

Этими ярлыками запрещалась баскакамъ, т. е. татарскимъ данщикамъ, таможникамъ и другимъ сборщикамъ, взимать дань съ церковнаго имущества и вообще всего духовенства. Зато митрополиту вмѣнялось въ обязанность молиться за хана, его семью и царство.

Устроивъ такимъ образомъ дѣла, князь со святителемъ возвратились назадъ.

Теперь для митрополита открылось широкое поприще пастырскаго служенія, и онъ явился самымъ ревностнымъ поборникомъ Церкви Христовой, неутомимо объѣзжая епархіи, словомъ и примѣромъ наставляя всѣхъ въ благочестіи. Это было необходимо потому, что многіе не выдерживали страданій и падали духомъ, ослабѣвая въ вѣрѣ. Для укрѣпленія вѣрующихъ и какъ знакъ благоволенія Божія къ св. Петру, было явленіе Божіей Матери на Толгѣ въ 1314 году.

Вмѣстѣ со славой о высокихъ добродѣтеляхъ Петра, утверждалось и его могущество. Оно породило противъ святителя зависть и злобу. У него явились враги, которые стали искать его гибели, и написали на него доносъ патриарху.

Епископъ тверской, Андрей, сынъ литовскаго князя Герденя, оклеветалъ праведнаго въ безвѣрїи.

Св. Аоанасій не повѣрилъ обвиненіямъ и нѣкоторое время колебался принять мѣры; но онъ побоялся, что козни будутъ расти все болѣе и болѣе противъ его ставленника, а потому онъ потребовалъ, чтобы св. Петръ всенародно защитилъ себя передъ судомъ собора и возстановилъ свою невинность. Св. Петръ сильно огорчился, но со смиреніемъ принялъ Божеское испытаніе. Соборъ былъ назначенъ въ г. Переяславль-Залѣсскомъ. На него съѣхались многіе епископы, игумены, священники, князья и бояре. Андрей тверской подобралъ себѣ партію и заранѣе торжествовалъ гибель св. Петра.

Патриаршій клирикъ прочелъ доносъ, посланный Аоанасію.

Въ первую минуту всѣ были поражены дерзостью ложныхъ извѣтовъ и безмолвствовали. Но когда сообщники Андрея присоединили свой голосъ къ обвиненію, то сочувствующие св. Петру горячо выступили на его защиту, но св. Петръ оставался спокоенъ и мужественъ.

Онъ поднялся со своего мѣста и простеръ впередъ руку, давая знать, что онъ желаетъ говорить.

Всѣ взоры обратились на его величавую фигуру, полную высокаго достоинства.

Наступила мгновенная тишина, въ которой зазвучалъ его ясный и твердый голосъ:

— Я не лучше пророка Іоны. Если ради меня такое волненіе, то извергните меня изъ среды себя!

Слова его были покрыты шумомъ голосовъ. Вскорѣ клевета была опровергнута, защитники правды восторжествовали, и епископъ Андрей былъ посрамленъ, подвергшись укоризнамъ и поношеніямъ.

Св. Петръ выказалъ при этомъ истинно - христіанское милосердіе, принявъ врага подъ свою защиту. Обратившись къ Андрею, онъ только сказалъ въ заключеніе:

— Миръ тебѣ, чадо! Не ты виновенъ въ семъ, но древній завистникъ рода человѣческаго—дьяволъ. Отнынѣ блюдиися лжи, а прошедшее да проститъ тебѣ Богъ!

Епископъ Андрей оставилъ собраніе въ великомъ униженіи.

Святитель же Петръ, преподавъ остальнымъ свое благословеніе, съ честью вернулся на занимаемую имъ митрополию каедрю.

Слава его съ тѣхъ поръ возросла еще больше.

Давно уже владимірскій князь, Іоаннъ Даниловичъ Калита (т.-е. мѣшокъ съ деньгами, прозванный такъ за свою бережливость и за то еще, что за нимъ носили мѣшокъ съ деньгами, изъ котораго онъ одѣлялъ нищихъ), упрашивалъ святителя перенести каедрю митрополиі во Владиміръ, но св. Петръ медлилъ.

Наконецъ онъ собрался въ путь.

Князь съ почтеніемъ встрѣтилъ митрополита и вскорѣ всей душой полюбилъ избранника Божія. Привязался къ нему и св. Петръ. Дстойный архипастырь въ лицѣ великаго князя нашелъ вѣрнаго сына Церкви Христовой. Безъ совѣта своего духовнаго отца, Іоаннъ Даниловичъ не начиналъ никакого дѣла. Самое переселеніе въ Москву (тогда еще незначительный городокъ) совершилось не иначе, какъ съ благословенія Петра, который провидѣлъ духомъ будущее могущество Москвы въ исторической судьбѣ Россіи.

Такимъ образомъ получила свое начало Москва — митрополія; хотя митрополиты попрежнему продолжали именоваться „киевскими и всея Россіи“ и лишь со святаго митрополита Іоны получили названіе „московскихъ и всея Россіи“. Святителю Петру такъ понравилось новое мѣсто, что онъ рѣшилъ навсегда остаться въ немъ.

Каменныхъ строеній въ Москвѣ въ то время было очень мало, даже храмы всѣ были деревянные.

На мѣстѣ нынѣшняго Успенскаго собора (въ Кремль), въ которомъ теперь коронуются русскіе монархи, Іоаннъ Калита построилъ небольшую деревянную церковь во имя поклоненія честнымъ веригамъ св. апостола Петра. Это было сдѣлано княземъ въ память усмиренія имъ псковитянъ по молитвамъ митрополита Петра.

Впослѣдствіи Калита велѣлъ сломать церковь и на мѣстѣ ея воздвигъ болѣе обширный храмъ Успенія Божіей Матери. На этомъ настанналъ святитель, пророчески предсказывая князю:

— Если послушаешь меня, сынъ мой, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ болѣе другихъ князей и твой градъ будетъ славенъ между другими городами. Святители будутъ жить въ немъ, и Богъ прославится въ немъ.

Закладка собора произошла въ августѣ 1326 г. Работа быстро начала подвигаться, но св. Петру не удалось до-

жить до освященія собора. Святитель былъ въ то время уже старъ и, чувствуя приближеніе смерти, сталъ готовить себѣ въ храмѣ могилу подлѣ жертвенника. Онъ самъ носилъ для этого кирпичи и выкладывалъ ими яму.

Незадолго до его кончины, Іоаннъ Даниловичъ видѣлъ странный сонъ: ему представилась высокая гора, покрытая снѣгомъ, который потомъ быстро исчезъ.

Онъ сообщилъ объ этомъ святителю. Послѣдній молвилъ:

— Высокая гора — ты князь, а снѣгъ — я, смиренный, который скоро долженъ будетъ выйти изъ этой жизни.

Почувствовавъ скорѣ, что часъ его насталъ, Петръ отправился въ храмъ, гдѣ и совершилъ Божественную службу. Затѣмъ онъ причастился св. Таинъ и въ веселіи сердечномъ и умиленіи возвратился домой. Потомъ, призвавъ къ себѣ причтъ, долго бесѣдовалъ и, послѣ обстоятельнаго поученія, благословивъ, отпустилъ.

Скорбная вѣсть быстро облетѣла гороль.

Къ отходящему архипастырю собрались толпы народа, для котораго онъ былъ истиннымъ отцомъ и защитникомъ. Св. Петръ никого не оставилъ своимъ вниманіемъ и роздалъ нуждающимся щедрую милостыню.

Глубокая печаль овладѣла народомъ: всѣ хорошо сознавали, что въ его лицѣ теряютъ такого пастыря, который всегда готовъ былъ положить душу за свои овцы...

Великаго князя въ это время не было въ Москвѣ. Митрополитъ пригласилъ къ себѣ градоначальника Протасія и сказалъ ему: „Чадо! вотъ, я отхожу отъ жизни, оставляю сыну моему возлюбленному, князю Іоанну и сѣмени его, до вѣка милость, миръ и благословеніе отъ Бога“.

Выразивъ ему и другія свои пожеланія, святитель вручилъ градоначальнику вклады на построение церквей и, благословивъ, отпустилъ. Затѣмъ св. Петръ началъ пѣть вечерню, во время которой и испустилъ духъ свой.

Получивъ печальную вѣсть, князь, въ великой скорби о понесенной утратѣ, поторопился вернуться въ Москву.

Всѣ знавшіе митрополита собрались между тѣмъ у смертнаго одра подвижника и окружили его плачемъ и рыданіями.

И князь не могъ удержать невольныхъ слезъ. Онъ пожелалъ достойнымъ образомъ почтить своего высокаго руководителя и молитвенника и лично перенесъ его съ большой пышностью и торжественностью изъ дома въ храмъ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ и толпы народа.

Въ числѣ сопутствовавшихъ находился одинъ невѣрующій. Вдругъ онъ увидѣлъ, что святитель поднялся изъ гроба и началъ благословлять народъ. Невѣрующій раскаялся и рассказалъ всѣмъ тотчасъ же о своемъ видѣніи.

Къ гробу святого Петра стали стекаться убогіе и недужные и получали исцѣленіе. Такъ, одинъ юноша, не владѣвшій руками, получилъ полное укрѣпленіе послѣднихъ, несмотря на то, что прежде не былъ въ состояніи даже поднести ихъ ко рту.

Извѣстны также случаи, что послѣ молитвы у раки святого получали исцѣленія хромыя, глухіе и слѣпые.

Церковь, торжествуя память св. Петра, воспѣваетъ: „Ликуй свѣтло, благославнѣйшій граде Москва, имѣя въ себѣ архіерея Петра, яко зарю солнца, всю Россію чудодѣянніи озаряюща. Той бо немощи врачуетъ, и недуги яко тьму прогонитъ отъ вопіющихъ къ ему: радуйся іерарше Бога вышняго, тобою сія наствѣ твоей содѣлюющаго“.

Умеръ митрополитъ Петръ въ 1326 году, не доживши одного года до освященія Успенскаго храма, которос было совершено въ 1327 году епископомъ ростовскимъ Прохоромъ. Слишкомъ тридцать лѣтъ спустя послѣ его смерти другой святитель московскій Алексій былъ позванъ въ татарскую Орду для исцѣленія жены хана Джанибека, по

имени Тайдулы. Она лежала больная и слѣпая уже три года и по ея просьбѣ явилось въ Москву къ великому князю посольство отъ хана.

Святитель смутился, такъ какъ изъ Орды рѣдко кто возвращался невредимымъ. Поэтому онъ отправился въ Успенскій соборъ совершить молебствіе и испросить себѣ благословеніе въ страшный путь.

Поставивъ незажженную свѣчу къ ракъ св. Петра, онъ вознесъ ему усердныя моленія.

„Если ты благословишь мой путь, владыко,—говорилъ онъ,—то пусть свѣча зажжется сама собою. Это будетъ для меня благодатнымъ знаменіемъ. Въ противномъ случаѣ мнѣ нечего будетъ ожидать удачи!“

Внезапно, на глазахъ у всѣхъ, свѣча запылала яркимъ свѣтомъ.

Митрополитъ палъ на колѣни и, со слезами на глазахъ, вознесъ горячую благодарность чудотворцу. Затѣмъ онъ раздѣлилъ свѣчу на части, роздалъ народу, оставивъ кусочекъ и себѣ, и вмѣстѣ съ освященной водой, смѣло и увѣренно отправился въ Орду. Тамъ онъ отслужилъ у больной молебень, окропивъ ее святой водой, въ которую обмакнулъ чудесную свѣчу, и Тайдула прозрѣла.

Память о великомъ чудотворцѣ и до сихъ поръ свѣжа въ сердцахъ людей; онъ какъ бы продолжаетъ жить среди своего народа, и толпы чтущихъ его имя ежедневно смѣняютъ одна другую у его священной раки.

Спустя 146 лѣтъ послѣ смерти святителя Петра, воздвигнутый имъ храмъ Успенія Богоматери, по причинѣ ветхости и тѣсноты былъ разобранъ и заложенъ новый. Когда приступили къ постройкѣ, то мощи св. Петра найдены нетлѣнными, и на время передѣлки храма были перенесены въ церковь Іоанна Лѣствичника. Для постройки собора былъ выписанъ итальянскій мастеръ—Аристотель Фіоравенти, который заимствовалъ планъ у Владимірскаго храма Богоматери. Когда соборъ былъ оконченъ, мощи

торжественно препроводили обратно. Это происходило въ 1479 году при великомъ князѣ Іоаннѣ III и митрополитѣ Геронтіи.

Перенесеніе сопровождалось неописаннымъ великолѣпіемъ. Блескъ безчисленныхъ свѣчей, горѣвшихъ передъ гробомъ святого Петра, уподоблялся сіянію звѣздъ. Народъ день и ночь стекался къ угоднику.

Память кончины св. Петра празднуется церковью 21-го декабря, а перенесеніе мошей его 24-го августа. Покоятся они въ богатой серебряной рацѣ въ придѣлѣ апп. Петра и Павла. Возлѣ мошей св. Петра хранится его шапка; пастырскій жезлъ и доселѣ стоитъ при патриаршемъ мѣстѣ въ Успенскомъ соборѣ, а въ патриаршей ризницѣ находятся его святительскія облаченія: саккосъ, епитрахиль и панегія, которые были употребляемы имъ при богослуженіи.

Существуетъ преданіе, что святыя мощи Петра со временъ царя Іоанна Васильевича Грознаго были закрыты и запечатаны благочестивой супругой его Анастасіей по особенному явленію ей во снѣ самого чудотворца.

Цѣлыя сто лѣтъ оставались онѣ закрытыми.

Послѣ же нашествія французовъ въ 1812 году и разграбленія ими Москвы, Успенскій соборъ былъ снова исправленъ и отдѣланъ. Мощи св. Петра найдены открытыми, но совершенно невредимыми.

Тогда, по распоряженію св. Правительствующаго Синода всероссійскаго, въ 1813 году, въ день освященія придѣла св. апостоловъ Петра и Павла, утверждено торжественное открытіе мошей святителя Петра. Послѣ того онѣ уже болѣе не закрывались.

А. Н. К.

„Маленькій Свѣточъ“ № 3.

Безплатное приложеніе къ журн. „Свѣточъ и Дневникъ Писателя“
за 1913-й годъ.

Успенский Соборъ, гдѣ по-
коятся святыя мощи мит-
рополита Петра.

Сочиненія АННЫ ДОГАНОВИЧЪ:

Для дѣтей.

- Въ родномъ гнѣздѣ. Изъ семейной хроники. Ц. 75 к.
- Вомиа - дуракъ. Разсказъ. Изданіе шестое. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
- Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчель. Изданіе третье. М. 1906 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.
- Старые и малые. Разсказы для дѣтей школьнаго возраста. Изданіе третье. Съ портретомъ автора. М. 1907 г. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.
- Печальникъ земли Русской. Историческая повѣсть. Для семейнаго и школьнаго чтенія. Изданіе четвертое. М. 1908 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.
- Ермакъ, покоритель Сибири. Для школьнаго и народнаго чтенія. Изд. третье. Ц. 15 к.
- Любимчикъ. Исторія одного попугая. Разсказъ для дѣтей. Изданіе 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.
- Вася-Горбунъ. Разсказъ для дѣтей. Изданіе второе. М. 1910 г. Ц. 15 к. въ папкѣ 25 к.
- Дѣдъ Игнатъ. Разсказъ. Для школьнаго и семейнаго чтенія. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.
- Маша. Повѣсть. (А. Догановичъ и А. Круглова.) Изданіе третье. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к.
- Васильки. Разсказъ для дѣтей. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.
- Отзывчивыя сердца. Разсказы для дѣтей. Ц. 40 к.
- Пѣсенка маятника и другіе разсказы. Ц. 40 к.
- Гроза. Разсказъ. Ц. 2 к.

Для взрослыхъ.

- Три. — Очерки. — Ц. 40 к.
- Наканунъ службы. Изъ записокъ фельдшерицы. Ц. 1 р.
- Библейскія женщины. — Съ 12 иллюстр. Ц. 50 к.

ЧИТАТЕЛИ
„МАЛЕНЬКАГО СВѢТОЧА“

въ 1913 году

ПОЛУЧАТЬ СЛѢД. 6 ВЫПУСКОВЪ:

- I. НА БАЛКАНАХЪ.— Очерки природы, быта и борьбы за свободу.
- II. ДРЕВНЕЕ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ.— Мифологическія легенды.
- III. ВСЯКЪ СВОЮ СЛУЖБУ ПРАВИТЬ.— Повѣсть о слѣпой дѣвушкѣ.
- IV. ВЪ ЦАРСТВѢ ЛЬДОВЪ.— (Природа и люди.) Очерки и рассказы.
- V. ВЪ КРУГУ ДѢТЕЙ. — Бесѣды, сказки, игры и забавы.
- VI. ПЕРВОПРЕСТОЛЬНИКЪ РОССІЙСКІЙ — МИТРОПОЛИТЬ ПЕТРЪ.— Сказаніе о великомъ свѣточѣ земли Русской.

сяць... Да что... Не будемъ и говорить объ этомъ, дружокъ. Я увѣрена, что все у тебя скоро пройдетъ, потому что и нѣтъ ничего.

Она умолкла, какъ бы охваченная какой-то думой.

— Маман, — произнесла тихо Надя.

— Что, ma petite? — очнувшись, спросила Лутовинова.

— А если бы...

Дѣвушка остановилась на мгновенье.

— Если бы онъ получилъ мѣсто... устроился... и... сдѣлалъ предложеніе? Неужели бы вы ни за что не согласились?

И она устремила на Лутовинову взглядъ, полный тревоги.

— Да, я бы не согласилась, — проговорила генеральша, дѣлая удареніе на словѣ «я». — Но, — прибавила она сухо: — ты вольна дѣлать, что хочешь. Если тебѣ все равно, одобряю я или нѣтъ, если я для тебѣ ничего не значу, можешь поступать, какъ хочешь! Но тогда, конечно, и я считаю себя чужой. И ты не можешь рассчитывать на мою... помощь! Ты знаешь, я тебя люблю, какъ дочь, и все, все готова сдѣлать для твоего счастья, но благословить на гибель и устраивать ее, конечно, не буду и не хочу!..

Дѣвушка поднялась со скамейки.

— Куда ты это? — удивилась Лутовинова.

— Я пойду къ себѣ, маман... Мнѣ тяжело... мнѣ...

Рыданія помѣшали ей кончить, и она чуть не бѣгомъ направилась къ дому.

Лутовинова проводила ее долгимъ и грустнымъ взглядомъ.

— Ужели такъ серьезно? — проговорила она вслухъ: — неужели она такъ сильно любить его?

Вѣра Семеновна задумалась.

— Не можетъ быть, — спустя минуту произнесла она: — не можетъ быть... Все это увлеченіе только... И должно пройти!

Она глубоко вздохнула, встала и медленно направилась изъ сада.

А. Кругловъ.

(Опытъ выясненія основныхъ идей и чертъ русской мысли.)

II. Философія усилія личности *).

(Ученіе П. Е. Астафьева.)

II.

Свобода воли. Оптимизмъ и пессимизмъ. Интеллектъ и чувство—воля.
Любовь. Женщина.

Мы излагаемъ ученіе Петра Евгеньевича Астафьева въ порядкѣ, общепринятомъ при изложеніи философскихъ системъ. Сначала нами была выяснена гносеологія—ученіе его о познаніи какъ о слитомъ съ жизнью, затѣмъ метафизика—его ученіе о личности, какъ основѣ всего сущаго, наконецъ, — космологія—его общее міропониманіе, а именно,—построеніе имъ всего міра изъ переживаній личности. Теперь, какъ это естественно и общепринято, слѣдуетъ переходъ къ этикѣ и далѣе ко всѣмъ вообще прикладнымъ практическимъ выводамъ изъ этого стройнаго и интереснаго ученія. Отчасти всѣ почти выводы уже были изложены при разныхъ отступленіяхъ, что дѣлалось для поясненія нѣкоторыхъ отвлеченныхъ мыслей Астафьева.

При особомъ интересѣ, съ которымъ Астафьевъ относился къ личности и при томъ великомъ значеніи, которое онъ придавалъ ей, — естественно прислушаться прежде всего, какъ мыслить онъ личность въ ея практическихъ дѣйствіяхъ въ мірѣ. Итакъ, — прежде всего, — свободна ли личность въ этихъ дѣйствіяхъ и отвѣтственна ли за совершаемое? Астафьевъ отвѣчаетъ утвердительно на эти вопросы.

Вѣдь, отрицаніе свободы личности, — ерго ея отвѣтственности, выросло изъ общаго современнаго механическаго міровоззрѣнія, имѣющаго дѣло лишь съ даннымъ матеріальнымъ и якобы единственно какъ таковымъ и существующимъ міромъ и «всѣмъ, что въ немъ». Полагаютъ, что въ мірѣ идетъ лишь механическая перетасовка этихъ мертвыхъ элементовъ. II разъ самая лич-

*) См. Май—Іюнь, ст. 68.

ность является такимъ же матеріальнымъ и текучимъ элементомъ, то гдѣ же отвѣтственность?! Вездѣ мыслится лишь слѣпая эволюція, «переходъ» изъ одного состоянія въ другое. На основаніи 'якобы' вполнѣ установленныхъ законовъ сохраненія энергіи и постоянства массы, не допускается въ мірѣ возможности какого-либо *творчества* вновь, а стало-быть и отвѣтственности за это (къ тому же самому ведутъ и законы достаточнаго основанія въ логикѣ и причинности въ физико-химіи).

Надо принять однако во вниманіе, что новѣйшія изслѣдованія ученыхъ по разнымъ областямъ въ жизни въ значительной мѣрѣ уже поколебали эту «установленность» подобныхъ законовъ. Создаются цѣлыя системы философскія, принимающія въ основу отсутствіе такихъ «законовъ» и дающія новыя попытки научнаго міровоззрѣнія. Въ наукѣ и философій происходитъ цѣлый переворотъ.

При допущеніи же постоянной эволюціи мертвыхъ, слѣпыхъ матеріальныхъ элементовъ (напр., атомовъ) въ мірѣ, не можетъ быть нравственности какъ обще-обязательной, всеобщей и единой. Если же вообще о нравственности и можетъ итти рѣчь, то только какъ о вполнѣ совпадающей съ «законами» мертвыхъ массъ. По Спенсеру, въ будущемъ «нравственное поведеніе станетъ просто естественнымъ поведеніемъ». Страшно и подумать, чего только нельзя разумѣть, при желаніи, подъ этимъ «естественнымъ» поведеніемъ?! Спенсеръ же полагалъ, что въ основу будущей системы нравственности слѣдуетъ положить утилитаризмъ (то хорошо, что даетъ болѣеішій перевѣсъ наслажденій).

Но, — говоритъ Астафьевъ, — если бы даже такая безумная схема поведенія была установлена, (а люди къ этому идутъ въ социалистическихъ ученіяхъ)—то кто же или что могло бы вдохнуть стремленіе проводить эту систему въ жизнь? Вѣдь каждая система, какъ таковая, содержитъ и ограниченія для личности. Кто же зажегъ бы святой огонь негодованія и любви, да еще для проведенія такой низменной теоріи? Правда, Контъ надѣялся на блаженное время, когда всѣ согласно будутъ подчиняться по важнѣйшимъ вопросамъ рѣшеніямъ коллегій ученыхъ. Милль же полагалъ, что достаточно лишь установить систему, схему благъ, чтобы ввести ее и въ жизнь. Авторъ настоящей статьи помнитъ выраженіе одной революціонной барышни: «Въ будущемъ нравственность будетъ *впрыскиваться*, какъ мышьякъ». Въ послѣднемъ случаѣ сразу ясно, что свобода воли совершенно не признается. Но и вообще для обоснованія и принятія даже системы нравственности, опирающейся на утилитаризмъ и потому много предоставляющей человѣчеству, недостаточно, конечно, какъ полагаютъ вышеупомянутые мыслители, лишь установленія самой системы.

При невозможности благодаря этому удовлетвориться на практикѣ отсутствіемъ всякаго побужденія для личности слѣдовать

установленной «нравственности», многіе мыслители, отрицая въ сущности свободу и отвѣтственность личности, были принуждены затѣмъ все же признать, хотя и въ обходномъ порядкѣ, свободу воли. Практическія требованія объяснить и оправдать существованіе воспитанія, наказаній и суда привели, еще у Канта, къ признанію *примата* (первенства) практическаго разума, признанію, какъ замѣчали многіе, совершенно не связанному съ разумомъ критическимъ у него же. Но, — говоритъ Астафьевъ, — конечно, нельзя строить зданіе съ крыши. Сперва надо обратиться къ изученію личности и посмотрѣть, не найдемъ ли мы въ ней еще чего-нибудь другого (*Къ вопросу о свободѣ воли*. Оттискъ изъ трудовъ Моск. Психол. Общ. 1899 г.).

Здѣсь, прежде всего, мы сталкиваемся съ *фактомъ сознанія личностью своей свободы*, ergo отвѣтственности, — фактомъ, единогласно признаваемымъ. Однако въ объясненіи происхожденія этого факта и въ провѣркѣ, не ошибается ли личность, ученые расходятся. Астафьевъ сводитъ всѣ выставлявшіяся по этому поводу ученія къ двумъ основнымъ. Первое, — *ученіе трансцендентальной свободы*, — признавая полное господство въ мірѣ причинности и т. п. законовъ, считаетъ необходимымъ для утвержденія нравственной отвѣтственности признать, что личность не ошибается; однако это ученіе полагаетъ, что свобода для личности имѣлась лишь единственный разъ, при самомъ началѣ ея бытія, еще въ мірѣ интеллигибельномъ, т.-е. невидимомъ, а мыслимомъ, въ которомъ раньше была личность. Тамъ, т.-е. при началѣ своего бытія, личность была свободна разъ навсегда опредѣлить направленіе будущей своей дѣятельности, опредѣлить свой характеръ какъ добрый или злой (говоря въ грубыхъ чертахъ). Все же дальнѣйшее существованіе и поведеніе личности уже опредѣлены этимъ первоначальнымъ ея выборомъ и всецѣло подчиняются механическимъ законамъ причинности и т. д.

Второе ученіе, — *детерминизмъ*, т.-е. совершенное отрицаніе свободы воли, — исходя опять-таки изъ незыблемости якобы установленныхъ навсегда наукой законовъ внѣшняго міра, причинности и т. д., полагаетъ, что для обоснованія нравственной отвѣтственности именно и необходимо признать, что личность не выходитъ и не можетъ выходить изъ границъ этихъ законовъ. Иначе-де ея дѣйствія были бы безмысленными, ergo неотвѣтственными. Надо именно признать, что личность дѣйствуетъ всегда въ указанныхъ границахъ, ибо при этомъ только она и можетъ быть разумной, — ergo отвѣтственной. Ученіе странное! — скажемъ отъ себя, чтобы не говорить большаго. Въ сущности детерминизмъ совершенно отрицаетъ не только свободу воли, но и самый субъектъ, какъ живую, самостоятельную личность, такъ какъ не допускаетъ, чтобы личность могла *вырваться* изъ земныхъ цѣпей, ее связывающихъ. Отрицаніе самаго существованія личности этимъ ученіемъ, — говоритъ Астафьевъ, — ясно, такъ какъ свобода воли — душа личности (по его мнѣнію).

Первос ученіе, т. е. трансцендентальной свободы, — въ сущности, также отрицаетъ самое личностъ, ибо, согласно Астафьеву, міръ ви́шній есть реальность и отсутствіе свободы дѣйствій въ немъ для личности, превращаетъ ее въ иллюзію.

Но корень всѣхъ указанныхъ Астафьевымъ заблужденій, повторяемъ, въ признаніи установленности якобы законовъ ви́шняго міра. Странно!—говоритъ Астафьевъ: полагаютъ, что выясивши ссылкой на «установленные» законы ложность сознанія самой личностью ея свободы, тѣмъ самымъ уже рѣшили вопросъ. Не хотятъ посмотрѣть, каково же въ дѣйствительности вліяніе этого хотя бы и «ложнаго» сознанія личности на жизнь. Разберемъ же, гдѣ и когда личность показываетъ и вообще можетъ показать себя свободной.

Прежде всего надо выяснитъ, о какой свободѣ можетъ идти рѣчь. Надо строго различать вопросы о свободѣ *рѣшенія* и *дѣйствія* (напр., собака привязана, но бѣгать можетъ). Нельзя смѣшивать ви́шняго принужденія со внутренними сдержками. Итакъ, — разсуждая о свободѣ воли, надо говорить лишь о свободѣ *рѣшеній*.

Наша воля — основа всего, — повторяетъ Астафьевъ свое уже прежде установленное положеніе (см. часть первую); воля не слагаетъ только данное, а *строитъ изъ себя* новое. При этомъ нельзя, во-первыхъ, понимать личную свободу какъ согласіе съ разумомъ: онъ вѣдь также строится нами. Нельзя, во-вторыхъ, волю представлять только хотящей: она способна, кромѣ желаній, и на усилія, она состоитъ изъ нихъ. Воля не эпифеноменъ (не спутникъ) переживаній, а участникъ въ нихъ и участникъ дѣятельный. Правда, она не можетъ создать сразу новую энергію, но она свободна привести въ дѣйствіе уже имѣющіеся запасы ея, можетъ перевести потенціальную энергію въ кинетическую и различнымъ образомъ скомбинировать направленіе этихъ силъ.

«Вѣдь усиліе, пока оно остается усиліемъ, утверждается не опредѣленнымъ, неотмѣнно даннымъ ему отвѣтъ состояніемъ, но тѣмъ состояніемъ, которое вызвано его же собственнымъ актомъ: его энергія и направленіе опредѣлены для него поэтому *не раньше* этого акта, но тѣмъ состояніемъ, которое этотъ актъ самъ производитъ». (А. И. Веденскій. Оттискъ изъ Богосл. Вѣстн. 1863 г., № 6. — *И. Е. Астафьевъ*.) Усиліе — *телеологическое* начало жизни сознанія; наша душа въ особомъ (внутреннемъ) отношеніи къ созданнымъ ею же цѣлямъ.

Мы видимъ, какъ просто и ясно основное пониманіе личности у Астафьева разрѣшаетъ вопросъ прикладной морали. Усиліе есть *фактъ*, а не требованіе этики, ви́шней къ нему. Личностъ сама опредѣляетъ свое поведеніе согласно сознаваемымъ ею законамъ нравственности, сознавая въ то же время полную свободу своихъ рѣшеній.

Конечно, упомянутые *законы нравственности* ничего обща-

го не имѣють съ «естественной нравственностью» Спенсера. Астафьевъ разумѣетъ эти законы нравственности, какъ установленные Богомъ, высшую цѣнность и высшее значеніе которыхъ личность сознаетъ и, при желаніи, подчиняется имъ. Этотъ вопросъ о «Божіей правдѣ» будетъ разсмотрѣнъ нами, когда мы послѣдуемъ за нашимъ мыслителемъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ жизни. Сейчасъ же, слѣдуя установленному уже порядку, вернемся опять къ жизни личности.

Итакъ, — что же можетъ получить человѣкъ въ результатѣ всѣхъ своихъ «усилій», своего слѣдованія законамъ нравственности, своего, такъ сказать, аскетизма? Не есть ли и такъ уже жизнь сама по себѣ одно сплошное страданіе! А тутъ еще «нормы», воздѣйствующія на наше поведеніе, да еще ставимыя нами же самими (*самопринужденіе*), вслѣдствіе нашего сознанія необходимости подчинить свои порывы иному Закону!

Астафьевъ опровергаетъ такой пессимизмъ (*Чувство, какъ нравственное начало*. (Психолог. очеркъ.) Москва, — 1886 г.). Для рѣшенія этого вопроса Астафьевъ разбирается въ основныхъ элементахъ души человѣческой. Посмотримъ же и мы, какіе элементы въ ней онъ находилъ. Это важно, такъ какъ показываетъ намъ весь душевный матеріалъ, находящійся въ распоряженіи нашихъ «усилій».

Современная научная психологія, какъ утверждаетъ и самъ Астафьевъ, отказалась приписывать первичность и придавать, вообще, главное значеніе какому-либо одному элементу души человѣка (волѣ, чувству или интеллекту), принимая смѣшанность всѣхъ этихъ трехъ элементовъ въ каждомъ переживаніи. Нѣтъ состояній безразличныхъ логически, этически, эстетически и т. д. Вѣдь только при выдѣленіи отдѣльныхъ этихъ элементовъ изъ состава переживаній нашихъ, мы найдемъ ихъ лишенными всего пріятнаго и тягостными поэтому.

«Конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что выдѣливъ, напри- мѣръ, изъ чувства половой или родительской любви, какъ это дѣлають пессимисты (Гартманъ), всѣ эпические, эстетические и т. п. моменты, мы должны будемъ признать это чувство какимъ-то недоразумѣніемъ, заблужденіемъ, страданіемъ, лишеннымъ всякой цѣнности, какъ это пессимисты и дѣлають...» «Разсуждать такъ, какъ это дѣлають пессимисты, такъ же нетрудно, какъ, напри- м., доказать, что въ комнатѣ темно, потушивъ въ ней предварительно всѣ огни...» Нельзя однако отрывать другъ отъ друга «вопросъ о цѣнности акта или состоянія сознанія, — логической, нравственной, эстетической и религиозной, съ одной стороны, и вопросъ цѣнности эвдемонологической съ другой, тогда какъ *первая непременно порождаетъ* и послѣднюю, вслѣдствіе ихъ неразрывной связи въ *единомъ* актѣ психическаго усилія, сознанія бытія». (А. И. Введенскій—указанная выше статья.)

Астафьевъ приводитъ лишь слѣдующее различіе основныхъ элементовъ душевнаго строя у человѣка: интеллектъ — объекти-

вень; чувство — субъективно; воля же не обладает односторонностью ни того, ни другого. *Чувство обратно пропорционально состояніямъ интеллекта и прямо пропорционально волевымъ напряженіямъ.* Согласіе чувства и воли въ ихъ противоположности состояніямъ интеллекта видно въ слѣдующемъ: 1) *По памяти* можно возстановить переживаніе интеллекта, но не чувства-воли. 2) *Отъ продолжительности* ощущенія впечатлѣнія и представленія (акты интеллекта) не нарастаютъ въ силѣ (красный цвѣтъ не становится краснѣе). Переживанія же чувства, наоборотъ, усиливаются отъ продолжительности, по крайней мѣрѣ въ теченіе долгаго времени, — конечно, благодаря волѣ, лежащей въ основѣ, главнымъ образомъ, не интеллектуальныхъ состояній. 3) *При сосредоточеніи вниманія* представленія, относящіяся къ области интеллекта, выясняются, а состоянія чувства-воли блѣднѣютъ и убиваются. Вѣчная драма всякихъ Гамлетовъ въ томъ, что ихъ разсудокъ, анализирующій все, лишаетъ ихъ всего цѣннаго въ жизни.

Слѣдуетъ замѣтить, что данная характеристика противоположности состояній чувства-воли и состояній интеллекта не дѣлается совершенно объективно. Астафьевъ постоянно во всемъ присутствуетъ самъ своими чувствами и волей при самыхъ отвлеченныхъ переживаніяхъ, какъ это и слѣдуетъ, согласно его системѣ, дѣлать. Чувству-волѣ онъ и отдаетъ преимущество передъ интеллектомъ. Хотя, такимъ образомъ, онъ неправъ съ формальной стороны, онъ тѣмъ не менѣе вполне правъ со своей оригинальной основной точки зрѣнія, — предпочтенія *цѣнностей*, создающихся переживаніями чувства-воли, а не сухими выкладками нашего интеллекта.

Слѣдующими чертами опредѣляетъ онъ еще дальше преимущества чувства-воли. Эти состоянія нельзя передать: они — глубоко индивидуальны; одно чувство захватываетъ насъ вполне, нормально исключая другое; каждое чувство сопровождается и мускульными движеніями. При опредѣленности объекта, на который направлено чувство, оно немного требуетъ затратить энергій, но постоянно ищетъ себѣ своего «предмета». Да и самый предметъ — то, т. е. объектъ, мы начинаемъ цѣнить, только видя входящую изъ насъ энергію, отлагающуюся на этомъ предметѣ, который при этомъ становится какъ бы частью насъ самихъ. Для цѣнности предмета необходимо также, чтобы наше чувство къ нему было соединено съ ощущеніями страданія или наслажденія. Важна и роль фантазій въ ростѣ чувства.

Отсюда, отъ этихъ вопросовъ и отъ намѣтившихся уже отчасти выводовъ относительно внутренней жизни человѣка (именно — особой цѣнности переживаній чувства-воли) уже ясенъ переходъ къ слѣдующему важнѣйшему въ жизни вопросу, вопросу о любви, о мужчинахъ и женщинахъ въ частности. Правильное разрѣшеніе этого вопроса выяснитъ намъ природу даннаго чувства, нормальныя отношенія мужчины къ женщинѣ и обратно, дастъ

фундаментъ для построения идеала семьи, этого прототипа всѣхъ человѣческихъ группировокъ. Не забудемъ, что въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ Астафьевъ опирается на основное свое ученіе о личности, какъ основѣ всего. Ея переживанія, только что очерченныя, создаютъ весь тотъ міръ, въ коемъ она живетъ. Итакъ, какова же личность въ одномъ изъ важнѣйшихъ чувствъ, въ любви? а что это за чувство, сплачивающее людей въ союзы разнаго рода, все болѣе и болѣе широкіе: діады, тріады... міриады и т. д.? (О болѣе широкихъ группировкахъ можетъ идти рѣчь только по выясненіи основной, т.-е. семьи.)

Человѣкъ любить не за прекраснѣйшія качества, констатируетъ Астафьевъ, такъ какъ всегда бываютъ лица и съ еще болѣе прекрасными качествами, чѣмъ данный объектъ или «предметъ». Необходимое условіе любви, какъ это опять устанавливаетъ Астафьевъ, — *неравенство*: сильный любитъ слабого и обратно. То же и въ дружбѣ. Этимъ выясняется основное свойство любви вообще. Это — *жертва*. Жертва приносится любящимъ и тогда, когда онъ любитъ болѣе сильнаго, вообще выше стоящаго, такъ какъ любящій влагаетъ весь запасъ своихъ чувствъ на то, чтобы еще выше поднять любимаго на пьедесталъ, идеализируетъ его. Вспомнимъ прекрасную характеристику любви у Апостола Павла: «Любовь долго терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестанетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится». (Перв. послан. къ Коринтянамъ; гл. XIII; ст. 4—8.)

Согласно съ этой несравненной характеристикой любви и Астафьевъ говоритъ, что любовь часто не прекращается, а усиливается даже отъ пренебреженія любящаго; это особенно бываетъ у слабыхъ натуръ. Любовь «шитаются» слабостями, замѣченными въ любимомъ человѣкѣ, не погасаетъ отъ этого, а усиливается: «ше по хорошу милъ, а по милу хорошъ». Чѣмъ больше вложено думъ, чувства, вообще внутренней духовной энергии и силъ на любимый «предметъ», тѣмъ онъ дороже. Мать больше любитъ годового ребенка, чѣмъ новорожденнаго. Раненый солдатъ больше любитъ отечество, чѣмъ только что взятый по набору рекрутъ. Такимъ образомъ, не въ наслажденіяхъ, не въ пользѣ, не въ удобствахъ источникъ любви, а въ *страданіяхъ*. (Если позволено будетъ, вспомнимъ «жестокіе» романы о страданіяхъ отъ «тирана» души.) Мы любимъ отъ полноты своей души, силами, требующими приложенія, отъ готовности къ дѣйствіямъ, «жертвамъ». Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи мы видимъ, какъ причудливо и пластично въ то же время мысль нашего философа, почерпающаго свое одушевленіе изъ первоосновы русской жизни — Православія, сплетается съ грубоватымъ практицизмомъ

русского человека «здравого смысла», да и практицизмом всей нашей жизни. Астафьевъ опредѣляетъ высшій христіанскій элементъ *жертвы* въ любви, и въ то же время подчеркиваетъ, что наличность, т.-е. простой грубый фактъ избытка силъ направляетъ человека къ исканію, гдѣ приложить свои силы, запасъ любовнаго жара.

Не забудемъ, что эти частныя мысли Астафьева (о любви) связаны съ его общими представленіями о жизни личности, раз-
вертывающейся въ мірѣ своими внутренними силами и создающей себѣ свой театр жизни, свою сферу, а въ данномъ случаѣ— семью, основу всякаго нормальнаго общественнаго строя, ячейку христіанской общественности. Во время любви,— говоритъ Астафьевъ,— человекъ живетъ повышенной жизнью; все накопившееся въ немъ, въ результатъ долгой внутренней работы, приходитъ въ движеніе, ищетъ исхода; открываются такія струны въ душѣ, которыхъ и не подозреваешь. Естественно при этомъ, что человекъ отдаетъ всего себя, и душу и тѣло любимому; ничего зазорнаго нѣтъ въ томъ, что онъ ищетъ поцѣлуевъ, объятий и т. д.; вѣдь человекъ отдается вполне, становится съ любимымъ одной душой, одной плотью. При этомъ у натуръ слабыхъ любовь расходуетъ ихъ силы очень скоро: отсюда — ихъ брюзжаніе, сцены и т. д.; ихъ гнѣвъ—отъ безсилія. Сильныя же натуры въ любви эгоистичны; любовь—*всегда съ ненавистью*, такъ какъ любовь— есть чувство по самой природѣ своей, требующее исключительности. Она можетъ возникнуть по *всякому* поводу (даже изъ самаго противоположнаго чувства). Настолько велика и широка любовь въ зарождеи своемъ и развитіи! Она даже можетъ становиться сильнѣе при отдаленности «предмета». Вообще, достаточно вспомнить, сколько прекрасныхъ фразъ, романовъ, стихотвореній и т. д. создано самыми различными поэтами, освѣщающими это чувство съ самыхъ разныхъ сторонъ и не могущими исчерпать ея широты и глубины. Какъ и все въ нашемъ мірѣ, любовь можетъ проходить, когда чувство развило всѣ свои силы и использовало ихъ, сказало «свое слово». Но можетъ быть это чувство и вѣчнымъ; вообще, окончательнаго опредѣленія ему не можетъ быть дано, при всемъ величии этого чувства. Во всякомъ случаѣ, «слѣдъ» переживаній всегда останется въ душѣ любящаго, хотя бы, напримѣръ, какъ отдѣльная попытка развить себя, свою личность, въ такую-то сферу, — попытку, хотя бы и оставленную или даже брошенную.

Теперь представляется вполне естественнымъ переходъ къ опредѣленію различій въ душевномъ строѣ мужчинъ и женщинъ. Астафьевъ основывается въ данномъ вопросѣ и его рѣшеніи, какъ увидимъ далѣе, на оригинальномъ законѣ «ритма» психической дѣятельности.

Что же собой представляетъ этотъ объектъ любви — женщины? Въ чемъ ея противоположность мужчинъ и чѣмъ, съ другой стороны, онъ является для нея? Астафьевъ посвятилъ большое

исслѣдованіе этому вопросу, видимо отнесясь къ нему съ большою любовью («*Психическій міръ женщины, его особенности—превосходства и недостатки*». Москва. 1899 г.). Данный вопросъ настолько важенъ въ жизни, что позволимъ на пемь остановиться себѣ поподробнѣе. Дѣло касается, вѣдь, половины человѣческаго рода и жизни всего его. Не забудемъ, что вся послѣдующая характеристика женщины связана у Астафьева съ его общими взглядами, съ его особымъ вниманіемъ къ жизни *личности*. Астафьевъ становится на точку зрѣнія вполне безпристрастнаго наблюдателя и анализируетъ съ какимъ-то филиграннымъ совершенствомъ разбираемое. Вообще, прикладные вопросы рѣшаются имъ съ большею отчетливостью. Онъ призываетъ всѣхъ отказаться отъ преувеличенныхъ въ ту или иную сторону опредѣлений женщинъ, допустивъ уже а priori возможность въ ней и достоинствъ и недостатковъ. Прежде всего, онъ полемизируетъ съ различными гг. освободителями женщины, подчеркивая значеніе женщины, главнымъ образомъ, для семьи. «Семья—не ассоціація какихъ-то свободныхъ персонъ,—восклицаетъ онъ. Это—основная ячейка всей общественности. И значеніе женщины здѣсь велико!» Еще Лабулэ сказалъ, что цивилизація измѣряется не тѣмъ, что думаютъ мыслители, а тѣмъ, что думаютъ женщины и что онѣ передаютъ потомству. Странно говорить о «правахъ» женщины. Вѣдь ей никто не мѣшаетъ участвовать въ жизненной конкуренціи. Притомъ же русскіе законы, по крайней мѣрѣ, вполне ограждаютъ права женщинъ въ наследствѣ и т. д. Какого же освобожденія еще желаютъ? Главенство юридическое въ семьѣ, правда, и въ Россіи остается за мужчиной (выборъ мѣста жительства, занятій, способа воспитанія дѣтей), но вѣдь семья, какъ и всякая организація, нуждается въ устроеніи власти внутри себя. А кому неизвѣстно, что на практикѣ у насъ въ 90 случаяхъ изъ 100 женщины всѣмъ верховодятъ въ семьѣ. Относительно же предоставленія женщинамъ правъ государственныхъ, нужно войти въ обсужденіе, болѣе глубокое, всѣхъ свойствъ женщинъ. Надо помнить: *summum ius—summa iniuria*. И почему это всегда говорятъ: *дайте права*—и вы увидите, какъ высоко станетъ женщина. Права не даются—они естественно принадлежатъ или берутся съ боя въ жизни. Филантропія—дѣло искусственное, нежизненное и стало быть отрицательное.

Для опредѣленія же психическаго міра женщины А—въ приводитъ сначала общее свое положеніе, связанное съ его общимъ пониманіемъ жизни «основной личности».—«Чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе отправленія какого-либо организма (какъ у женщинъ)..., тѣмъ большее число измѣненій испытываетъ его внутренняя среда, тѣмъ разнообразнѣе его внутреннія вліянія;» это же обстоятельство «требуетъ и болѣе точности, быстроты этихъ реакцій» и наоборотъ (стр. 34.). Словомъ «что выигрывается въ скорости, то теряется въ силѣ». Это послѣднее надо сказать пре-

жде всего о женщинѣ, объ ея организаціи. Потеря въ силѣ и напряженіи дѣйствій объясняется прежде всего функцией материнства; много силъ уходитъ на зачатіе, ношеніе, рожденіе и кормленіе дѣтей. Это же справедливо и о незамужнихъ, т. к. энергичный процессъ кровотоверенія у нихъ все время идетъ. Остатокъ же силъ распредѣляется на множество мелкихъ, хрупкихъ, точныхъ реакцій на все окружающее, безъ возможности сосредоточиться на чемъ-либо одномъ. Вообще, жизнь организма опредѣляется основнымъ закономъ «психического ритма». Ритмъ дѣйствій прежде всего отличается, и очень своеобразно, жизнь женщины. Женщина впечатлительнѣе, раздражительнонѣе мужчины; смѣна впечатлѣній у нея идетъ быстрѣе; ея внутренняя природа измѣнчива, неустойчива, хрупка; у нея—неудержимая сила немедленно реагировать на все; она меньше можетъ сопротивляться истеріи и проявляетъ все переживаемое въ реакціяхъ двигательнаго характера. Во внѣшнемъ строеніи тѣла для нея характерна большая емкость туловища, приспособленнаго для выпаливанія дѣтей. Зато руки и ноги прикрѣплены уже такъ, что неспособны къ большой работѣ. Центръ тяжести тѣла у нея, вообще, ниже, чѣмъ у мужчины. Поэтому она ведетъ болѣе сидячую жизнь; да и вообще женщина болѣе «ждетъ», чѣмъ сама дѣйствуетъ. Личные вкусы у нея проявляются слабѣе (самка среди животныхъ безусловно наблюдаетъ борьбу самцовъ изъ-за нея, чтобы отдаться побѣдителю.) Зато ея реакціи точны, скоры и неудержимы. Отношеніе ея механической силы къ мужчинѣ, въ среднемъ, 16:26. Но при этомъ она выносливѣе; ея округлыя формы таятъ большой запасъ силъ, и организмъ благодаря этому скорѣе восстанавливается послѣ болѣзней и потрясеній. Она больше любитъ жизнь; самоубійствъ среди женщинъ гораздо меньше, т. к. онѣ могутъ больше вынести. Она инстинктивно бережетъ свою жизнь, избѣгаетъ при этомъ излишествъ. Жизнь женщины въ среднемъ длиннѣе; она больше заботится о здоровьѣ. По отзывамъ врачей, женщины превосходятъ всякую мѣру въ точномъ описаніи своихъ страданій. Онѣ хранятъ жизнь *рода*. И ея жизнь вполне развивается только при отправленіи своего назначенія: физически женщина укрѣпляется сама послѣ рожденія дѣтей.

Психическій міръ женщины состоитъ изъ ряда болѣе цѣльныхъ, чѣмъ у мужчины, переживаній, болѣе яркихъ, эмоциональныхъ т. е. окрашенныхъ чувствомъ, но не связанныхъ въ точные ряды, а конкретныхъ, единичныхъ, практичныхъ и постоянно сопровождающихся жестами. Чувствованія ея, правда, болѣе пассивны, но это же придаетъ имъ болѣшую цѣнность, т. к. болѣе волнуютъ насъ чувства неясныя для насъ. Поэтому женщина вся соткана изъ «настроеній», «желаній». И она любитъ вмѣстѣ съ тѣмъ быструю смѣну этихъ легкихъ и въ то же время глубокихъ (на данныхъ моментъ) переживаній. Отъ повторенія впечатлѣній она уклоняется и потому менѣе под-

вержена скукъ, болѣе жизнерадостна. Правда, ея уклоненія не имѣють активности; воля вообще у нея пассивна и только на отдѣльные моменты проявляетъ себя, особенно когда желательный эффектъ для ея волевыхъ напряженій близокъ, ясенъ, осуществимъ. «Мужчина,—сказалъ еще Лотце,—не прочь предпринять и такія вещи, которымъ рѣшительно не видать конца, если только дѣло идетъ о проведеніи какого-нибудь общаго начала; женщинамъ же необходимо наглядно выставить ожидаемый успѣхъ; онѣ хотятъ почувствовать окончательный видъ того, къ чему должны на послѣдокъ привести (неинтересная для нихъ) тревога дѣятельности». Ихъ умъ полонъ инстинктивной дѣятельности. «Чутьемъ» угадываютъ онѣ многое и часто гораздо лучше мужчинъ. Едва ли есть вообще что-либо въ мірѣ непонятное для ихъ ума, но есть многое, чѣмъ онѣ никогда не привыкнутъ интересоваться. Вундтъ сказалъ: «мужчина хочетъ знать, женщина довольствуется вѣрою, доказательства же *возбуждаютъ даже недоверіе*». Вообще женщина не интересуется строгими выкладками точной мысли, которыя имѣють для ума мужчины свою своеобразную, даже эстетическую, прелесть. *Понять* же любую систему женщина всегда можетъ. Но она интересуется болѣе конкретнымъ. Легуве сказалъ: «женщина изумительно познаетъ людей, но она не знаетъ человѣка (вообще); ничего не ускользаетъ отъ нея въ отдѣльномъ человѣкѣ и почти все темно для нея въ человѣческомъ родѣ». Богатство *безсознательной* внутренней работы въ ней проявляется во мгновенныхъ, быстрыхъ вспышкахъ и отвѣтахъ. Мысль женщинъ полна граціи, точности и непринужденности; все «само собой» выходитъ, а не вымучивается, какъ у мужчинъ. Въ ея умѣ сидятъ готовые логическія послышки, и выводъ каждую минуту готовъ изъ нихъ. Вспомнимъ нѣсколько прекрасныхъ моментовъ въ описаніи женщинъ у Толстого (Война и миръ). Марія Болконская сразу нашлась, какъ вести себя въ присутствіи Николая Ростова, изумивъ непринужденной граціей опытную кокетку гувернатку-француженку. Наташа въ первый же свой выѣздъ на петербургскомъ балу сразу заняла мѣсто «царицы» и плѣнила князя Андрея. Женщина изъ низшаго сословія взятая, способна стать въ любомъ обществѣ, и даже самомъ высшемъ. Вообще, женщины практичнѣе. «Въ чужой странѣ—говоритъ Бокль,—васъ поймутъ прежде всего женщины, угадаютъ ваши желанія, капризы и т. д.» Самой природой своей онѣ предназначены ухаживать за дѣтьми, за стариками, точно угадывать ихъ. Онѣ и сами способны выказать своими сотнями улыбокъ, жестовъ свое настроеніе. Поэтому онѣ и хитрѣе; въ практической жизни онѣ могутъ дешевле купить и способны дороже продать (въ этомъ ихъ уже и хозяйственная цѣнность). У мужчины же—нѣкоторая деревянность мысли. Люди въ отдѣльности для него—ничто. Онъ разлагаетъ ихъ въ своемъ умѣ по ихъ взглядамъ, интересамъ, соціальному положенію, ведетъ имъ, такъ сказать, статистику въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ.

Конечно, это въ высшей степени важно при всякаго рода *профессиональной*, исключительной дѣятельности.

«Итогъ сказаннаго тотъ, что особенности женской мысли и такта имѣютъ особенно существенное значеніе въ тѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, гдѣ требуется вліяніе одного лица на другое, не внѣшнее, но внутреннее, не понудительное, но свободно и сочувственно воспринимаемое, не юридическое, политическое, экономическое или логически-понудительное, но морально-воспитательное» (стр. 78).

Наклонности же мужчины къ рѣзко опредѣленнымъ профессіямъ, въ томъ случаѣ, если не будутъ сдерживаемы смягчающимъ вліяніемъ женской души, поведутъ къ «китаизму», окаменѣнію общества въ разныхъ рамкахъ. Въ современномъ сѣренкомъ, пошломъ по своему внутреннему содержанію, обществѣ только и могъ создаться механический идеалъ фаланстеры и всѣхъ иныхъ подобныхъ социалистическихъ чаяній.

Подготовка женщины къ жизни, ея образованіе должны быть энциклопедическими. Вѣдь главная ея задача—родить и воспитать новое поколѣніе и передать ему начатки всѣхъ знаній. И женщины недосыгаемы въ своей области. Въ біографіи каждаго сколько-нибудь выдающагося человѣка главное значеніе имѣетъ мать. Въ біографіи каждаго забитаго, истомившагося—школа. У постели больного женщина также незамѣнима; для нея нѣтъ болѣзней, а есть *больные*. Кстати: современная медицина все больше приходитъ къ этому же. Образъ «сестры милосердіи», «родной» достаточно уже вознесенъ, чтобы рѣшиться еще прибавлять къ нему что-либо.

Женщина способна при научныхъ занятіяхъ наблюдать, вникать въ себя, но не ставить активно опыты. Особенно хорошо она можетъ популяризовать результаты научныхъ работъ. На точные и долгіе выводы у нея не хватаетъ терпѣнія; она желаетъ сразу все схватить и прежде всего какой-либо практической выводъ. О прошломъ и будущемъ она не беспокоится, устремленная вниманіемъ къ настоящему. Ученые же профессора, всѣмъ извѣстно, какъ разъ наоборотъ—подъ носомъ-то у себя ничего и не видятъ.

Мужчины и самихъ-то себя способны разлагать въ умѣ на составныя части и даютъ часто себѣ правильную оцѣнку. Женщина же никому не позволитъ себя *равнять* съ кѣмъ-бы то ни было. Прудонъ сказалъ: «всякая женщина хочетъ быть исключеніемъ». Это и вполне понятно, если вспомнить исключительный интересъ женщины ко всему индивидуальному—ergo самоцѣнному. Мужчинѣ его способность отвлеченія даетъ возможность дѣйствовать на массы, на отдѣльныя поколѣнія. Онъ способенъ къ юридической, точной, безпристрастной, систематичной мысли, а для женщины важнѣе, чѣмъ отвлеченное право, реальная справедливость. Она оскорбляется, когда отвлеченный законъ беретъ на себя рѣшить участь «цѣлаго» человѣка, и особенно самой же женщины.

Извѣстно, что слѣдователи доходятъ до отчаянія при своихъ точныхъ юридическихъ допросахъ женщинъ. Вѣдь для женщины, важнѣе «вся правда жизни».

Поэтому-то особенно скверными представляются женщины, измѣнившія своей внутренней природѣ, — взявшіяся за юридическую дѣятельность: адвокаты, закладчики, банкиры. Вѣдь и борясь, женщина не разлагаетъ въ умѣ врага, она примѣняетъ въ борьбѣ всю ярость ненависти къ нему, какъ цѣльной личности, и имѣя запасъ точныхъ юридическихъ свѣдѣній и уловокъ, доводитъ соперника до отчаянія. Самыя ужасныя формы принимали поэтому войны религиозныя и національныя лишь благодаря участию женщинъ. Онѣ легко становятся адентками всякаго рода іезуитовъ. Женщины вообще меньше, чѣмъ мужчины, совершаютъ убійствъ, но статистика отмѣчаетъ, что среди этихъ убійствъ гораздо большій процентъ квалифицированныхъ, т.-е. выходящихъ изъ ряда вонъ по своей мучительности и надругательству надъ убиваемымъ. И оскорбить никто такъ не сумѣетъ какъ женщина.

При цѣлости всѣхъ переживаній у женщины, естественно, нѣтъ мѣста тому *раздвоенію*, о которомъ было сказано, что человѣкъ самъ дѣлаетъ, чего не желаетъ. Извѣстно, что многіе мужчины, замѣчательные какъ мыслители, были грубѣйшими развратниками въ то же время. У женщинъ же все въ мѣру. Онѣ—аристократки какъ бы по рожденію (отсюда и обожаніе ихъ мужчинами), ничего грубаго онѣ не сдѣлаютъ, если не увлечены страстью; тогда уже, какъ было только что сказано, онѣ—безопасны. Вообще же онѣ живутъ болѣе ровно и стараются все приводить къ такому же положенію. Благодаря этому своему, онѣ легче свыкаются съ несчастіями; онѣ найдутъ и тутъ выходъ, чѣмъ разнообразить жизнь, придумаютъ даже для этого что-нибудь, если въ наличности этого не имѣется. Отсюда ихъ склонность къ сплетнямъ, сценамъ, капризамъ. Такова—естественная женщина. Но женскія черты остаются и у женщинъ «ученыхъ». Последнія очень притязательны; онѣ не способны къ опредѣленію себя «скромнымъ труженикомъ», какъ бы это и слѣдовало при неспособности къ творчеству, а лишь къ популяризаціи. Мужчины же умѣютъ точно опредѣлять свое общественное положеніе по способностямъ и склонны даже гордиться самоопредѣленіемъ, на примѣръ, какъ скромнаго труженика.

Женщина, умѣя находить въ окружающемъ всегда что-либо полезное, умѣло используя это (что очень дорого въ несчастіи), очень привязана ко всей установившейся «бытовой» сторонѣ жизни. Она же въ значительнѣйшей степени и создаетъ этотъ «бытъ», постоянно во всѣхъ мелочахъ внѣшней обстановки жизни реализуетъ свое внутреннее содержаніе. По обстановкѣ ея комнаты можно судить о ея характерѣ, чего нельзя сказать о мужчинахъ, реализующихъ себя на очень отдаленныя цѣли. Поэтому женщина консервативнѣе мужчины, упорнѣе его держится за установившійся порядокъ. Однако, поэтому же женщина болѣе чутко вос-

принимаетъ фальшивость той или иной обстановки, она способна болѣе страстно (съ любовью и ненавистью) отдаваться «новому», дѣлается яркой адепткой признаннаго ею, и при этомъ выполняетъ свое великое назначеніе—быть дѣйствительнымъ проводникомъ «нового» въ жизнь. Самое отвлеченное положеніе она сумѣетъ реализовать наилучшимъ образомъ въ дѣйствительности. Поэтому-то Лабуль и сказалъ, что культурный уровень страны измѣряется тѣмъ, что думаютъ женщины.

Такъ какъ женщина не любитъ вообще стоять на отвлеченной догмѣ, то она по-своему, чисто-практически, глядитъ и на вопросы высшей морали, если только не охвачена въ данный моментъ особымъ повышеннымъ религіознымъ рвеніемъ. Она, любя, *все прощаетъ*, хотя отчасти и потому, можетъ быть, что проступки противъ нравственности у мужчины не влекутъ непременно, и сразу, распаденія семьи, а послѣднюю, вѣдь, надо ей поддерживать при всякихъ обстоятельствахъ. Будучи хозяйкой въ семьѣ, женщина въ противномъ случаѣ встанетъ за сохраненіе ея самымъ ревностнымъ самоотверженнымъ образомъ. И другой женщиной, хотя и посторонней, она не проститъ проступковъ противъ нравственности, желая поддержать инстинктивно вообще принципъ семьи.

Какъ теперь женщина относится вообще къ успѣхамъ и всякаго рода благамъ жизни? Изъ предыдущаго очерка женскаго характера ясно, что ее не можетъ прельщать, какъ мужчину, загробная слава у отдаленнѣйшихъ поколѣній. Скорѣе маленькіе успѣхи въ окружающемъ, можетъ быть и тѣсномъ міркѣ, но успѣхи видимые, реально-воспринимаемые цѣнятся женщиной. Отсюда ея желаніе плѣнить, покорить къ ногамъ своимъ и т. п.; отсюда—кокетство, желаніе блеснуть, хотя бы и одеждой и брилліантами; отсюда только женщинѣ присущая ревность безъ любви.

И надо сказать, что эта маленькая страсть успѣха влечетъ женщину часто, какъ бабочку на огонь. Считая себя всегда исключеніемъ, женщина способна поддаться и грубой лести. Иногда и чисто-рыцарское отношеніе, обожаніе мужчины приводитъ ее къ самозабвенію. Такъ, женщинамъ-писателямъ вообще симпатизируютъ, раздувая ихъ славу, въ то время какъ многимъ мужчинамъ очень трудно вообще пробить дорогу къ извѣстности. Послѣднее для нихъ отягощается тѣмъ, что они задаются часто очень отдаленными и трудно выполнимыми идеями, и идутъ по своей дорогѣ какъ-то тяжело, деревянно, не желая нисколько считаться съ обстоятельствами. Цѣня же виѣшнее, женщина легко можетъ и ошибиться въ своемъ выборѣ мужчины, поддавшись скорѣе блестящему вертопраху, чѣмъ дѣйствительно достойному, но неуклюжему и скромному человѣку.

Успѣшность занятій самой женщины въ разныхъ областяхъ интеллектуальной жизни очень различна. Такъ какъ къ творчеству женщина неспособна, то послѣ женщины-философокъ остался лишь рядъ блестящихъ анекдотовъ, остроумныхъ замѣчаній больше кри-

тическаго характера (м-мъ Сталь). Въ музыкѣ женщина, неспособная къ творчеству, выдается лишь изумительной способностью популяризаціи исполненія; при томъ же исполненіе ихъ блещетъ не оригинальностью, а тонкостью отдѣлки (Астафьевъ опредѣляетъ это исполненіе, какъ исполненіе «мелкимъ бисеромъ»). Гораздо болѣе выдающимися являются женщины-пѣвицы, но при этомъ потому только, что въ этомъ родѣ искусства гораздо легче можно проявить безсознательно для себя, инстинктивно всю сложную и многоцѣнную внутреннюю работу своей души (въдѣ инструментомъ является свой же собственный голосъ). Въ словесности женщина отличается въ низшихъ ея родахъ (романъ, лирика); но драма, эпосъ, требующіе особенно возвышеннаго строя духа, глубокихъ и трагичныхъ переживаній—для женщины почти закрыты (въдѣ, женщина сама не любитъ ничего ужаснаго, надрывающаго, отвлеченнаго, далеко идущаго).

Вообще для мужчинъ, а они въ большинствѣ склонны къ разнаго рода (иногда—якобы) великимъ заданіямъ, женщины часто вполне заслуженно являются элементомъ, охлаждающимъ ихъ порывы. Сколько разнаго рода подобныхъ «личностей» плачутся горькими слезами, что вотъ-де ихъ баба заѣла, колотовка, своимъ несочувствіемъ, а то бы они широко расправили свои крылья и т. д. Несомнѣнно, конечно, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ женщины правы, и выполненіе ими этого своего охлаждающаго вліянія можно только привѣтствовать. Инстинктивно чувствуя, а иногда и вполне сознательно понимая, женщина, съ другой стороны, цѣнна для мужчины своимъ сочувствіемъ и поддержкой, столь необходимой и для великихъ людей. Не всѣ Сократы, можно смѣло сказать, имѣли супругъ, аргументирующихъ полоскательными чашками противъ отвлеченностей мыслителя. Известны многіе совершенно противоположные примѣры, когда женщина помогаетъ своему мужу въ изслѣдованіяхъ, доводимыхъ ею при томъ до совершенной точности (Кюри-Складовская и др.).

Остается, въ заключеніе, сказать нѣсколько теплыхъ словъ, слѣдуя Астафьеву, относительно домогательствъ сторонниковъ женскаго равноправія (имъ же нѣсть числа) въ дѣлахъ государственныхъ. Все предшествующее изложеніе, совершенно объективно установившее свойства и склонности женскаго характера, даетъ, кажется, достаточно основаній признать, что это—*не сфера женщины*. Далекія задачи, планомѣрно юридически достигаемыя, не плѣняютъ ее. И если женщина почему-либо сама стремится (какъ суфражистка) къ равноправію въ данной области, то только изъ нѣкотораго чувствуемаго ею оскорбленія лишеніемъ правъ (какъ, дѣйствительно, можно и кто посмѣетъ оскорбить женщину!). Это особенно остро ею чувствуется при неудовлетворенности вообще своей жизнью. Нормально же женщина и не интересуется политикой; если же, затронутая лично, и выступить въ этой сферѣ, то внесетъ немедленно всю страстность своего односторонняго увлеченія и во многомъ обостритъ и ухудшитъ положеніе. Зато жен-

щина способна, и очень хорошо, царствовать, стоять во главѣ всей націи; рядъ выдающихся великихъ государынь подтверждаетъ это. И прежде всего это объясняется способностью женщины дѣйствительно «царить», стоять выше всѣхъ, какъ высшая цѣнность. При этомъ же положеніе царствующей особы не требуетъ непременно знанія *спеціальныхъ* областей жизни (отдѣльныхъ функций правленія); достаточно лишь давать руководящій тонъ политикѣ, умѣло приспособляясь къ обстоятельствамъ, инстинктивно понимая, въ чемъ благо въ данномъ случаѣ для родины и всячески поддерживая достойныхъ новаторовъ. Женщины вообще лучше понимаютъ отдѣльныхъ людей и умѣютъ пользоваться ими и подбирать ихъ какъ для салона, такъ и для кабинета министровъ. При этомъ же женщина болѣе мужчины способна быть хранительницей традицій страны и вести поэтому здоровую національную политику. Мужчины же государи, за исключеніемъ выдающихся геніевъ, какъ разъ способны поддаваться мелкимъ интригамъ (часто женщинъ же), и теряютъ поэтому свое руководящее значеніе, особенно при трудныхъ обстоятельствахъ.

Данный (второй) отдѣлъ нашей статьи растянулся очень сильно, но охватилъ лишь практическіе выводы изъ ученія П. Е. Астафьева, касающіеся жизни самой личности. Усиленный интересъ къ жизни личности, характерный для самого Астафьева, подчеркиваетъ самую суть его «философій усилія личности». Въ послѣдующемъ постараемся изложить его практическіе выводы изъ этого ученія, касающіеся дѣлъ болѣе общаго порядка: религіи, національной жизни и т. п.

(До слѣд. книжки.)

С. Матвѣевъ.

* * *

Вѣсныи и грѣшны наши дни,
 Растутъ и множатся пороки,
 Но, какъ и древле, есть они—
 И псалмопѣвцы и пророки,
 Посланники святыхъ Небесъ,
 Несущіе намъ свѣтъ чудесъ
 И благочестія уроки.

К.

ПРЕДАНИЕ О СКАЛѢ СВ. ГЕОРГІЯ.

„Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей“...

Высоко надъ обрывомъ, круто сбѣгающимъ внизъ, стоитъ монастырь.

У подножья его тихо плещутъ зеленовато-лазурныя воды Чернаго моря. Ихъ слабый, однообразный шумъ едва доходить до монастыря.

Это чудное, безбрежное, разстилающееся на необозримое пространство и лежащее внизу, на страшной глубинѣ, море — дивно прекрасно. Оно блещетъ золотомъ и серебромъ. Оно переливается тысячью неуловимыхъ для глаза, но сливающихся въ восхитительную гамму цвѣтовъ и красокъ. Оно чаруетъ своею волшебною прелестью, влечетъ и манитъ къ себѣ.

Невольно замираетъ сердце и кружится голова, когда смотришь на него съ этой страшной высоты, стоя на краю обрыва. Но не можешь отойти, не можешь оторваться отъ созерцанія открывающейся взорамъ великолѣпной картины, полной поэзій и величавой, мощной красоты...

А тамъ, далеко внизу, близъ берега, среди голубыхъ волнъ, одиноко высится скала.

Отсюда, сверху, она кажется небольшимъ, брошеннымъ въ воду камнемъ. Она какъ будто недоступна и необитаема. Но къ ней можно подъѣхать на лодкѣ и по вырубленнымъ въ крутыхъ склонахъ скалы ступенямъ, подняться на ея вершину.

Тамъ, на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ, стоитъ каменный крестъ съ образомъ св. Георгія Побѣдоносца. Онъ поставленъ здѣсь въ память тысячелѣтія существованія монастыря, что вверху, надъ обрывомъ.

Этотъ монастырь называется Георгіевскимъ. А скала съ крестомъ носитъ названіе скалы Явленія св. Георгія.

Съ нею связано слѣдующее преданіе, объясняющее возникновеніе здѣсь монастыря.

Это было въ 891 году по Рождествѣ Христовѣ.

Въ то время на берегахъ Чернаго моря процвѣтали многочисленныя колоніи Грековъ. Утвердившись здѣсь, Греки распространяли христіанство среди коренныхъ обитателей Херсонеса — дикихъ скифовъ и тавровъ. Разрушались повсюду идольскія капища и созидались христіанскіе храмы. Строились города и возникла торговля.

Скала св. Георгія.

Поддерживая торговья сношенія съ родиною, Греки-колонисты совершали частыя путешествія моремъ въ Грецію.

И вотъ однажды страшная буря застигла ихъ во время плаванія по Черному морю.

Была темная, безлунная ночь. Буря ревѣла и бушевала. Грозно вздымались на морѣ высокіе сѣдые валы. Гремѣли раскаты грома. Ослѣпительно сверкающія молніи прорѣзывали ночную тьму.

И при зловѣщемъ блескѣ ихъ, съ ужасомъ увидѣли мореплаватели, что, гонимое волнами, ихъ утлое судно неудержимо несется къ высокому скалистому берегу. Чудовищныхъ размѣровъ скалы и многочисленные выступающіе изъ воды камни, отторгнутые отъ гряды береговыхъ горъ, были на пути ихъ. Неизбѣжная, неминуемая гибель грозила несчастнымъ...

Тогда, бросивъ руль, весла и паруса, и предоставивъ судно на волю бушующихъ стихій, они упали на колѣни и вознесли горячую мольбу о спасеніи святому Побѣдоносцу Георгію.

И святой Великомученикъ услышалъ ихъ предсмертный сердечный вопль.

Въ лучезарномъ сіяніи, при блескѣ молній и раскатахъ грома, среди разъяренныхъ волнъ, Онъ явился имъ на скалѣ недалеко отъ берега.

И мгновенно стихла буря и укротилось волненіе.

Погибавшіе, но чудеснымъ образомъ спасшіеся отъ видимой гибели, Греки пристали къ скалѣ. Взойдя на скалу, они обрѣли на вершинѣ ея икону святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія.

Она находилась какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, утопая въ волнахъ, видѣли они самого Великаго Чудотворца.

Съ благоговѣніемъ и слезами радости и умиленія перевезли Греки чудесно явленную имъ икону на берегъ и здѣсь, въ благодарность за свое спасеніе, близъ того мѣста, гдѣ они погибли, основали храмъ и монастырь.

Первоначально храмъ помѣщался въ пещерѣ, высѣченной въ скалѣ, надъ моремъ. Въ такихъ же пещерахъ жили и первые обитатели монастыря.

Многіе изъ Грековъ, свидѣтели явленнаго чуда, спасшіеся отъ гибели, рѣшили посвятить Господу остатокъ своей жизни и, поселившись при монастырѣ, положили начало монастырскому общежителю.

Такъ былъ основанъ въ 891 году по Рождествѣ Христовѣ существующій и понынѣ Георгіевскій монастырь.

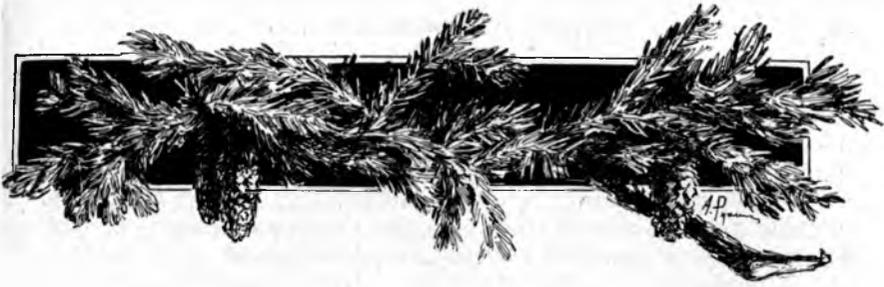
Чудотворная же икона святого Великомученика Георгія Побѣдоносца находилась въ этой обители до 1779 года.

Нынѣ же пребываетъ она въ г. Мариуполѣ.

М. Лысковскій.

23 апрѣля 1913 г.
(день памяти св. Георгія).

ОКОЛО СМЕРТИ.

Разсказъ.

тець Стефанъ умираеть тихо, спокойно, какъ человекъ съ кристально-чистой душой, прожившій честно всю свою долгую и трудовую жизнь. Онъ уже былъ старъ, много переиспыталъ въ жизни — и потому, для всѣхъ почти нежеланная гостя—смерть, вызывала въ немъ странное спокойствіе и сознаніе законной неизбѣжности.

Даже думы о женѣ, о хорошо поставленномъ хозяйствѣ—оставляли въ немъ только что-то въ родѣ утомленія и безразличія, хотя о. Стефанъ отлично зналъ, что его смерть сильнѣе всѣхъ отразится на женѣ. Для нея это поворотное положеніе, въ ея тихой и красивой по своему жизни,—вызываетъ что-то новое и выбьетъ ее изъ колеи; зналъ онъ, что она будетъ горевать и плакать, будетъ также молиться о немъ и ходить къ нему на могилку. Все это ясно сознавалъ о. Стефанъ и потому думалъ о женѣ съ тихой лаской и благодарностью...

Иногда, впрочемъ, въ эту безмятежность врывались стороннія мысли и остро пронизывали ее. Невольно дѣлалось тяжело, больно и какъ-то досадно... О. Стефанъ торопливо гналъ отъ себя эти нежелательныя мысли; но онѣ, какъ нарочно, набѣгали опять, возмущая его предсмертный покой.

Это случалось тогда, когда въ его небольшую спальню являлись родственники.

Молча входили они и сразу, съ некрасивой угодливостью, осаждали цѣлой массой вопросовъ, по большей части о его здоровьи. При этомъ они пытливно всматривались въ его глаза, словно стараясь узнать: а много ли еще проживетъ онъ?

И несмотря на то, что въ душѣ о. Стефана было такъ

предсмертно-свѣтло и мирно — всѣ эти любопытствующіе взгляды и разспросы невольно возбуждали чувство досады и соболѣзнованія къ нимъ. Всѣ они были жалки со своимъ плохо замаскированнымъ сочувствіемъ,

— Ну, какъ ваше здоровье, папенька?.. — съ преувеличенной ласковостью интересовался худощавый зять о. Стефана, о. Кирилль и наклонялся къ его рукѣ.

— Ничего.

— А мы вотъ, все беспокоимся... Жена даже и ночей не спитъ... Какъ-то, говоритъ, папенька... Съѣзди къ нему, узнай о его здоровьи, успокой меня... Ну, я и приѣхалъ...

— Скажи... ничего себѣ... лучше... — коротко уронилъ о. Стефанъ и быстро обвелъ глазами столпившихся родственниковъ. И на комъ только ни останавливался его взглядъ, — всюду встрѣчалъ дѣланное сочувствіе на лицахъ, съ застывшей тревогой въ глазахъ, въ которыхъ, такъ ярко и неприкрыто свѣтился вопросъ: а скоро ли ты умрешь?

Невольно вспыхивало жгучее чувство брезгливости; хотѣлось крикнуть имъ, чтобы они уходили вонъ, что они противны, жалки въ своей неперемонной погонѣ за наслѣдствомъ. Но о. Стефанъ пересиливалъ себя, молча смотрѣлъ на нихъ и, тяжело вздохнувъ, устало закрывалъ глаза.

А они продолжали говорить, наперерывъ стараясь завладѣть его вниманіемъ.

— Вы ужъ извините насъ, папенька... — о. Кирилль замялся, но сейчасъ же оправился и заговорилъ увѣренно и твердо: — что мы беспокоимъ васъ, но все же... намъ хотѣлось бы узнать насчетъ, значить, всего... ну вотъ усадьбы, что ли, дома, обстановки... Вѣдь, какъ это говорится, въ животѣ и смерти Богъ воленъ. Богъ дастъ, конечно, вы выздоровѣете... Но не мѣшаетъ и распорядиться заранее обо всемъ... — вкрадчиво и осторожно выбирая слова, говорилъ онъ и вопросительно поглядывалъ на окружающихъ.

Тѣ дипломатично молчали. Ободренный ихъ молчаніемъ, которымъ ярко подчеркивалось ихъ согласіе, о. Кирилль продолжалъ:

— Такъ... какъ же?.. Маменьку мы, конечно, будемъ почитать. Не жить же ей одной здѣсь. У меня лучше всего, и насчетъ пристрастия тоже.

— Да Марья Васильевна... можетъ и у меня жить... Я одинъ... — вмѣшался толстый дьяконъ Иванъ Семеновичъ, приходившійся племянникомъ о. Стефану.

— Гм... это, какъ она сама захочетъ... Но все-таки... я стою за себя... У меня и уходъ и все прочее... А вы вѣдь одни... — поспѣшилъ вставить о. Кирилль и довольно недружелюбно посмотрѣлъ на дьякона.

Тотъ криво усмѣхнулся, но не пожелалъ безъ боя уступить о. Кириллу.

— Ну, насчетъ, значить, покоя еще посмотримъ, батюшка... У васъ вѣдь есть и маленькія дѣти...

О. Стефанъ устало смотрѣлъ на препиравшихся родственниковъ.

„Господи... и неужели все это изъ-за наслѣдства?“ — скорбно думалъ онъ и печально слушалъ ихъ споръ.

А они горячились, обвиняли въ чемъ-то другъ друга...

И были жалки они въ этотъ моментъ и... противны...

— Вы... погодите... не нужно кричать, не нужно спорить, — не утерпѣвъ, наконецъ, заговорилъ о. Стефанъ... — И зачѣмъ кричать... Вотъ помру... тогда все узнаете... а теперь... оставьте меня... Я утомился...

— Хорошо, хорошо... Папашѣ надо отдохнуть... — заговорилъ о. Кириллъ, выходя слѣдомъ за родственниками.

— А ты, мать, останься, — коротко уронилъ о. Стефанъ — А... хороши?... — проговорилъ онъ и горько улыбнулся. — Не успѣлъ еще помереть, а они ужъ насчетъ наслѣдства хлопчуть... Эхъ... люди, люди! — Изъ груди о. Стефана вырвался сокрушенный вздохъ. — И все это вѣдь изъ-за несчастныхъ денегъ... Эхъ, много, много зла, неправды въ деньгахъ... Да ничего не подблаеть... таковъ созданъ человекъ... — грустно добавилъ онъ, взглянувъ на жену.

А та сидѣла около него, такая маленькая, сморщенная и беззвучно плакала.

И было что-то покорное въ ея слезахъ.

— Не плачь... не надо... Да о чемъ и плакать-то?... О смерти?... Такъ это всеобщій удѣлъ... Вѣдь и ты помрешь... Можетъ быть, сожалеешь о скоромъ концѣ нашей совместной жизни? То объ этомъ, конечно, придется и пожалѣть... Вѣдь безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ вмѣстѣ прожили... Но все же когда-нибудь должна же была оборваться жизнь... Да и не молоды уже мы съ тобой... А смерть, можетъ быть, успокоитъ насъ. Только вотъ одна и забота у меня, какъ-то ты останешься здѣсь безъ меня?

— Какъ я-то останусь? Да все такъ же, какъ и говорила... Конечно, пойду въ монастырь... Тамъ вѣдь такъ тихо, покойно... А насчетъ остальныхъ распоряженій, то сдѣлаю, какъ ты говорилъ... — твердо отвѣтила старушка и поцѣловала о. Стефана.

— Спасибо тебѣ... — коротко уронилъ онъ и закрылъ глаза.

Кругомъ воцарилась тишина; было душно.

— А ты бы открыла окно... Тяжело здѣсь... — вдругъ проговорилъ о. Стефанъ.

Марья Васильевна торопливо подошла къ окну и открыла его. Въ комнату широкой волной ворвался аромат цвѣтущаго сада, донеслись и звонкіе голоса птицъ.

— Какъ хорошо-то!.. — стараясь приподняться на подуш-

кахъ промолвилъ о. Стефанъ и грустно посмотрѣлъ въ открытое окно. — Все-то цвѣтетъ, все-то радуется веснѣ... А какъ хорошо теперь въ саду, въ полѣ!.. И не ушелъ бы!.. Ну, да это впрочемъ... другимъ осталось... Пусть другіе наслаждаются... А мнѣ?.. надо думать о другомъ, чтобы быть подготовленнымъ встрѣтить желанную гостью... смерть... Можетъ быть, ты прочтешь мнѣ Евангеліе?..

— Сейчасъ, сейчасъ...—Старушка достала книгу и начала медленно читать.

О. Стефанъ слушалъ съ закрытыми глазами.

Марья Васильевна окончила чтеніе когда уже стемнѣло.

О. Стефанъ не то спалъ, не то находился въ полузабытїи. Молча посмотрѣла жена на него, перекрестила и вышла изъ комнаты. Сѣрѣли вечернія сумерки, темнѣлъ густой разросшійся садъ и томила тишина.

Въ боковой комнатѣ сидѣли родственники и тихо разговаривали.

Было что-то тяжелое въ ихъ заглушенномъ шопотѣ, который временами росъ, ширился, а затѣмъ вдругъ переходилъ въ напряженное молчаніе.

— Ну, что?.. какъ папенька?..—встрѣтили вопросами вошедшую Марью Васильевну и жадно уставились на нее.

— Не то спать, не то въ забытьи... Да вы бы шли чай пить...

— Куда ужъ тутъ... До чая ли... А, впрочемъ, пойдѣте... Кстати и поговоримъ...—поднимаясь съ дивана сказалъ о. Кириллъ и первый прошелъ въ столовую.

На столѣ уже кипѣлъ самоваръ.

— Мамаша, вы вотъ садитесь-ка сюда... Отдохните... А разливать чай будетъ Семеновна...—суетливо говорилъ о. Кириллъ, придвигая кресло.

— Конечно, надо отдохнуть...—затараторила Семеновна, занимая мѣсто за самоваромъ и со вздохомъ добавила: — Вотъ... живемъ-живемъ, да и померемъ.

— Да,—поспѣшилъ согласиться о. дьяконъ, съ ожесточеніемъ дуя на горячій чай...—Всѣ, какъ говорится, будемъ тамъ... И ты, и я... одинъ удѣлъ... Но чтобы тамъ ни говорили, а все-таки не всякому хочется умирать-то... У одного семья не пристроена, у другого еще что-нибудь найдется... Вотъ о. Стефану другое дѣло... Ни дѣтей... ничего... Жизнь уже прожита... Если и есть какія думы, такъ только о васѣ, тетенька...—обратился онъ къ Марьѣ Васильевнѣ.—Но и то... объ этомъ особенно не приходится думать... И домикъ, и садъ, да я думаю и деньжонки кой-какія останутся... Прожить, слава Богу, можно будетъ... Да и мы не оставимъ... Вотъ, хотя у меня жить можно, а то и у о. Кирилла, — видя неудовольствіе о. Кирилла, поспѣшилъ закончить о. дьяконъ.

— Конечно, и у меня можно жить... Мы рады будем... У насъ и покой и уходъ... А этотъ домикъ, я думаю, можно и продать... онъ совсѣмъ не нуженъ мамашѣ... Да, впрочемъ, папаша должно быть сдѣлалъ какія-нибудь распоряженія насчетъ всего этого?..— обратился къ Марьѣ Васильевнѣ о. Кирилль.

— Завѣщаніе есть...— нехотя уронила Марья Васильевна и тоскливо подумала: „И чего копаются въ душѣ?.. Тутъ и такъ больно и тяжело, а они выпытываютъ, разспрашиваютъ... И все это вѣдь изъ-за наслѣдства... изъ-за денегъ... Охъ, Господи, Господи!.. и когда же кончится эта мука?.. А если бы они знали все, то, конечно, и не приставали бы. Но сейчасъ объ этомъ нельзя и сказать“.

О. Кирилль въ это время спорилъ уже съ Семеновной, доказывая ей что-то насчетъ цѣнности этого дома съ землей; только одинъ дьяконъ продолжалъ пить чай и недовольно хмурился.

Въ комнатахъ еще больше стемнѣло. Въ столовую внесли зажженную лампу.

Марья Васильевна встала и прошла къ о. Стефану.

Но тотъ продолжалъ быть все въ томъ же положеніи; лицо его было спокойно.

Молча постояла попадья и чтобы не возвращаться къ родственникамъ, опустила околомъ постели въ большое кресло.

На душѣ царило какое-то тоскливое смятеніе; набѣгали грустныя мысли. И подѣ влияніемъ царившей тишины Марья Васильевна незамѣтно задремала.

Но сонъ былъ, какъ и во всѣ эти послѣдніе дни, короткій и тревожный.

Просыпаясь, Марья Васильевна торопливо вскакивала и напряженно всматривалась въ неподвижныя черты лица о. Стефана и не находила въ немъ никакой перемѣны.

И попадья опять опускалась въ кресло.

Одна за другой набѣгали тревожныя мысли и болѣзненно сжималось отъ нихъ сердце. Невольно припоминалась вся долгая совмѣстная супружеская жизнь, полная взаимнаго уваженія.

И потому было такъ невыносимо тяжело, когда возникала мрачная мысль о болѣзни мужа и возможной его смерти; и не хотѣлось вѣрить въ это, на что-то смутно надѣялось.

Но не загоралась надежда и потому такъ мрачно было въ истомленной душѣ.

Марья Васильевна плакала. Успокоившись немного, она опять поднималась съ своего мѣста и внимательно смотрѣла на лежащаго мужа.

— Дорогой мой старичокъ!..— тихо шептала она и опять садилась въ кресло.

Подъ самое утро, когда утомленная безсонными ночами, крѣпко спала Марья Васильевна,— умеръ, не приходя въ себя, о. Стефанъ и вѣрнѣе не умеръ, а тихо и незамѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ.

И красиво, съ оттѣнкомъ неземной кротости, было теперь его блѣдное лицо, окаймленное длинной серебрястой бородой.

— Отецъ?.. Отецъ Стефанъ?..— тревожно звала проснувшаяся Марья Васильевна и, дотронувшись до его плеча, вся такъ и вздрогнула.

Жизни не было уже въ остывшемъ тѣлѣ о. Стефана. Вдова зарыдала.

Какъ въ туманѣ прошли похороны, а затѣмъ и все послѣдующее время, вплоть до сорокового дня, когда вскрыли завѣщаніе.

Велико было разочарованіе окружающихъ, когда выяснилось, что все свое имущество и деньги, за исключеніемъ небольшой суммы назначенной женѣ, о. Стефанъ отказалъ на устройство сельской школы.

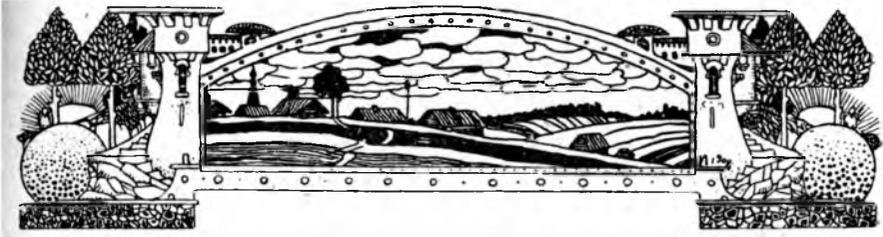
Молча выслушали завѣщаніе родственники и торопливо, почти не попрощавшись съ Марьей Васильевной, разѣхались по домамъ.

Вдова осталась одна въ большомъ домѣ и то, впрочемъ, не на долго.

Не прошло и двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ ее пріютила одна изъ женскихъ обителей.

М. Орѣшниковъ.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КАЛЕЙДОСКОПЪ.

ОЧЕРКИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

III *).

Санъ - Суеи.

Санъ - Суеи — это звучит такъ мелодично, какъ случайный аккордъ клавирина. Здѣсь отдыхалъ и наслаждался великій Фридрихъ, одинъ изъ обаятельнѣйшихъ личностей въ исторіи. Но прежде чѣмъ попасть въ Санъ - Суеи, нужно и должно миновать Потсдамъ. Самый близкій и удобный путь изъ Берлина въ Потсдамъ — желѣзнодорожный. Но я предпочелъ самый далекій и неудобный — на автомобиль и моторной лодкѣ, зато болѣе пріятный и живописный. Изъ Берлина я выѣхалъ рано утромъ, направляясь черезъ тѣнистый Грюневальдъ къ озеру Ванзее.

Въ густомъ лѣсу, прихотливо прорѣзывая листву, лежали на дорогѣ яркіе солнечные блики. Если прибавить къ этому свѣжесть утра, ароматъ травъ и хвои лѣса, то станетъ понятно, почему я выбралъ именно этотъ путь. Автомобиль катится по травѣ, какъ по мягкому коврау. У большого озера Ванзее я расплачиваюсь съ шофферомъ и пересаживаюсь на моторную лодку. Публики въ ослѣпительно - бѣлой и чистой лодкѣ мало. По изящнымъ туалетамъ я узнаю, что мои со- сѣдки справа — парижанки, а слева — америкашки, что видно по величинѣ и количеству ихъ брилліантовъ.

*) См. февраль, стр. 46.

Мужчины болѣе космополитичны—впрочемъ, они вездѣ одинаковы. Свѣжій воздухъ, безоблачное солнечное небо, красивыя дали поверхности озера, легкій и нѣжащій плескъ воды—положительно очаровываютъ. Миръ отдыхаетъ тамъ безмятежно въ этой лучезарной красотѣ юньскаго дня...

Мы проѣзжаемъ мимо острова павлиновъ. Павлиновъ не видно.

— Какъ жаль, что эта красивая птица не можетъ такъ плавать, какъ эти черныя и бѣлыя лебеди вокругъ нашей лодки. Право, это было бы очень эффектно,—мечтаетъ вслухъ одна изъ парижанокъ.

Какъ красиво это большое озеро! Мы такъ довольны, что лодка дѣлаетъ множество поворотовъ, чтобы подольше пробыть на зеркальной глади воды.

На берегу, среди зелени залива, вдругъ появился и исчезъ Бабельсбергъ, выстроенный въ духъ старинныхъ «бурговъ». У самаго Потсдама пейзажи менѣе красивы, хотя и не лишены своей прелести. Силуэтъ города очень стильный и приятно поражаетъ глазъ измѣнчивыми, причудливыми линиями контуровъ. Царившая дотолѣ тишина здѣсь рѣзко нарушается: визгъ, крикъ, смѣхъ, плескъ воды...

Это купается «дѣлая казарма». Это ни мало не шокируетъ дамъ-пассажирокъ, потому что всѣ купающіеся мужчины одѣты въ купальныя костюмы, преимущественно ярко-краснаго цвѣта настурціи.

Сколько радости въ этой массѣ ныряющихъ пловцовъ, сколько бодрости и веселья въ этой непринужденной забавѣ.

Мы у дѣли. Причаливаемъ къ потсдамской пристани.

Большинствомъ голосовъ рѣшено пойти завтракать въ ресторашъ «Шлоссъ-Кенигсбергъ».

На террасѣ ресторана царитъ оживленіе: всѣмъ нравится красивый видъ, открывающійся отсюда.

Прогулка на свѣжемъ воздухѣ вызвала у всѣхъ отличный аппетитъ. Ъли все, что только ни подавали. Становится уже немного жарко, но сильно замороженное шампанское освѣжаетъ весьма недурно.

Его подаютъ почти застывшимъ въ хрустальныхъ золоченыхъ бокалахъ.

Но серебряными вертушками, которыя крутятъ пальцами, моментально оживляютъ огненную влагу, и чокаются ужъ съ запынвившимися бокалами.

Въ самомъ веселомъ настроеніи мы начинаемъ осмотръ потсдамскаго дворца, въ которомъ Фридрихъ Великій проводилъ почти всю зиму, очень рѣдко выѣзжая въ Берлинъ.

Дворецъ съ внѣшней стороны отличается благородной скромностью, но внутри поражаетъ изысканной, художественной обстановкой.

Зáмокъ Санъ-Суси съ террасами.

Не могу скрыть своего восхищенія, которое вызвала во мнѣ колоннада во дворѣ; это одна изъ замѣчательнѣйшихъ по смѣлости трактовки скульптурныхъ композицій, видѣнныхъ когда-либо мною.

Оригинальна и своеобразна серебряная спальня Фридриха Великаго, — она говоритъ о его строго воспитанномъ вкусѣ.

Серебряные амуры на баллюстрадѣ, отдѣляющей спальню отъ кабинета, сдѣланы такъ тонко, что, если бы не были такъ велики, то могли бы служить украшеніемъ на столѣ, на фонѣ серебрянаго сервиза.

Для русскихъ представляетъ большой интересъ портретъ чернокудрой дѣвушки, принцессы Цербеть-Апгальтъ: это наша императрица Екатерина Великая въ молодости.

Скромный портретъ серьезной, чрезвычайно привлекательной дѣвушки въ спальнѣ геніальнаго императора говоритъ какимъ-то пророческимъ языкомъ объ удивительныхъ превратностяхъ судьбы великихъ историческихъ лицъ.

Дворецъ въ Потсдамѣ не настолько великъ, чтобы его осмотрѣть утомилъ.

Съ неослабвающимъ интересомъ мы осматриваемъ комоды и столы, покрытые аметистомъ грандіозные часы «Рококо», подарокъ маркизы Помпадуръ Фридриху; портретъ танцовщицы Барбарини (какъ прекрасны ея глаза!).

Далѣе залъ гобеленовъ—это подарокъ гугенотовъ, которые были вынуждены бѣжать изъ Франціи и нашли гостеприимный кровъ у германскаго императора.

Улыбку вызываетъ комната, въ которой стоитъ странный деревянный приборъ для измѣренія роста гвардейскихъ солдатъ.

Какъ извѣстно, Фридрихъ Великій, а также и его отецъ, увлекались формированіемъ гвардейскихъ полковъ изъ отборныхъ рослыхъ людей.

Я всталъ на приборъ—и, несмотря на то, что я выше средняго роста, я все-таки не подошелъ даже къ минимуму требуемаго измѣренія.

Въ сосѣдней комнатѣ на стѣнѣ виситъ картина, масляными красками, на которой изображена цѣлая рота этихъ невѣроятно большихъ солдатъ.

Осмотрѣвъ потсдамскій музей, большинство публики ѣдетъ на автомобиляхъ въ Санъ-Суси.

Въ тихомъ паркѣ пахнетъ свѣжимъ сѣномъ. Идетъ покосъ. Косари, въ рубахахъ съ разстегнутыми воротами, привѣтливо раскланиваются съ нами.

При видѣ цѣлаго моря розъ, левкоевъ и жасминовъ, распростра-

няющихъ вокругъ опьяняющій аромать, невольно мечтою уносишься изъ прозаической дѣйствительности, и грезится чудная сказка...

Да... красивая, далекая сказка.

Мои спутники сравниваютъ Санъ-Суси съ Версалемъ, съ Трианомъ, — находятъ сходство и разницу.

Санъ-Суси восхитителевъ, какъ вдохновенная импровизація Фридриха Великаго.

Здѣсь только и хочется сладко мечтать, не зная о чемъ...

Вотъ кокетливая комната Вольтера. Великій философъ гостилъ у Великаго Императора какъ другъ.

Библіотека Фридриха—полна одними французскими книгами, и ни одной нѣмецкой. Впрочемъ, какъ извѣстно, этотъ германскій императоръ, въ совершенствѣ владѣвшій французскимъ языкомъ, говорилъ гораздо хуже по-нѣмецки...

Музыкальная комната Санъ-Суси лучше всего свидѣтельствуешь объ эстетическихъ склонностяхъ Великаго Императора.

Въ этой залѣ будто осталась еще аромать прошлаго. Въ ней писать свою знаменитую картину «Flöten Konzert in Sans-Souci» знаменитый художникъ Адольфъ Менцель, влюбленный въ эпоху Фридриха Великаго.

Эта картина неоднократно репродуцировалась въ русскихъ журналахъ. Она изображаетъ залу при освѣщеніи хрустальныхъ люстръ, фантастически отражаемыхъ на зеркальныхъ стѣнахъ и на позолотѣ панно. Въ центрѣ картины сгруппированы музыканты, за юпитрами стоятъ флейтисты, за клавишномъ сидитъ аккомпаниаторъ. Вокругъ нихъ, вдоль стѣны, размѣстились дамы и кавалеры въ пышныхъ атласныхъ робахъ, въ пудренныхъ парикахъ, съ мушками на нарумяненныхъ щекахъ. Блестящая мишура старины схвачена и передана художникомъ удивительно.

Благодаря картинѣ, въ памяти особенно запечатлѣлась именно эта комната, и, прогуливаясь по амфиладѣ другихъ безчисленныхъ залъ, впечатлѣніе отъ нея не разсѣялось. Пройдя весь Санъ-Суси, становитея какъ-будто жаль этой благоухающей прошлой жизни, уютной, аристократичной старины. И къ чувству восхищенія присоединяется легкая грусть...

Сидя въ автомобилѣ на обратномъ пути, я невольно думаю:

Неужели все пережитыя иллюзіи, хрупкія какъ крылья бабочки, какъ счастливые сны—были обманчивы?

Къ сожалѣнію,—это такъ.

Санъ-Суси... это былъ лишь волшебный сонъ! Не знаю, приените ли онъ мнѣ еще когда-нибудь...

Бруно Михельсонъ.

НА ПОМОЩЬ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ.

I.

Семья и школа.

Нашу школу привыкли упрекать въ томъ, что изъ нея выходятъ дряблые, неуравновѣшенные, диллетантски-образованные, оторванные отъ народныхъ идеаловъ интеллигенты. Но виновата ли, однако, школа въ томъ, что наши дѣти выходятъ изъ нея неуравновѣшенными, что за послѣднее время среди молодежи участились случаи самоубійствъ, что юноши и дѣвушки не переживаютъ того романтизма, который свойственъ юности, который въ извѣстный періодъ жизни льетъ свой ласковый, заманчивый свѣтъ не только на отдѣльнаго человѣка, но и на народъ? Больше ея виновато само наше общество, наша русская интеллигентная семья, наша современная литература, виноваты больше отцы. Говорятъ,—школа мало воспитываетъ. Но она не можетъ задаваться специальными цѣлями воспитанія: она прежде всего обучаетъ и научаетъ,—воспитываетъ же семья, а школа только помогаетъ ей въ этомъ.

Взгляните на современное русское общество, на русскую семью, на русскую интеллигенцію: ничего безхарактернѣе и безпринципнѣе вы нигдѣ не найдете. Въ общественной жизни неустойчивость и полная неопредѣленность.

Проживъ много вѣковъ вдали отъ Запада и не подвергаясь непосредственному его воздѣйствію, мы сохранили въ себѣ всѣ типичныя славянскія черты: склонность къ мечтательности, переходящую часто въ фантазерство, горячность и даже страстность въ начинаніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе выдержки и упорства въ работѣ, излишнюю теоретичность и отвлеченность, безъ практической сметки, добродушное, довѣрчивое спокойствіе, отразившееся даже въ языкѣ («авось», «ничего») и дающее возможность вербовать изъ насъ адептовъ какого угодно ученія, какой угодно теоріи. Среди этихъ чертъ многія очень симпатичны—тѣ самыя, которыми обладаетъ въ особенности нашъ простой людъ, и которыя отмѣчены нашими писателями. Но среди хорошаго есть много плохого, и это плохое въ извѣстные періоды беретъ перевѣсъ надъ хорошимъ, проявляясь во всемъ—и въ жизни, и въ работѣ, и въ литературѣ. Наша классическая литература стре-

милась ко благу нашей родины, она старалась воспитывать честныхъ гражданъ — и достигала этой цѣли.

Вотъ отчего прежнія поколѣнія были лучше выпѣвшихъ, вотъ почему люди, выросшіе на плеядѣ писателей отъ Пушкина до Достоевскаго и Писемскаго, далеко лучше современныхъ, ни къ чему не привязавшихся, ничему не поклоняющихся, ничѣмъ не увлекающихся.

Но старые писатели понемногу сдаются нами въ архивъ, какъ любопытный историческій матеріалъ, а на смѣну имъ приходятъ новые люди, воспитывающіе новыя поколѣнія. И вотъ въ этомъ воспитаніи, въ способахъ его, заключается весь секретъ нашей болѣзни. Кто же эти новые писатели? Это либо люди со скуластыми грубыми лицами и съ холоднымъ упрямствомъ во взорѣ, либо люди съ большой психикой, съ большимъ тѣломъ и духомъ. Первые разрушили всѣ иллюзіи, какими жило ранѣе наше общество; вторые открыли ему тайны низменной жизни, животной страсти, грубыхъ наслажденій, но не съ цѣлью оттолкнуть отъ нихъ читателя, а чтобы пріохотить его къ такой жизни. Новое поколѣніе сожгло старые корабли, не построивъ новыхъ, пустилось въ безбрежный океанъ безъ руля и безъ вѣтриль.

Развѣ можно требовать отъ юношей и дѣвушекъ, отъ нашихъ дѣтей идеальныхъ взглядовъ, чистоты душевной, если дѣти въ большинствѣ семей ничего не слышали объ этихъ идеалахъ? Развѣ въ силахъ одна школа бороться съ этимъ зломъ, пока само общество не перевоспитааетъ себя и не придетъ на помощь школѣ?

Въ такомъ перевоспитаніи общества заключается насущнѣйшая задача нашего времени, нуженъ возвратъ къ старымъ богамъ, къ старымъ идеаламъ, къ религіи, къ родинѣ, къ поэзіи, которой такъ много даже въ нашей будничной обстановкѣ, полной труда, страданія и скорби.

В. К—въ.

II.

ИЗЪ ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ.

1.

Воспаленіе слѣпой кишки *).

Человѣческой организмъ поражаетъ насъ, на первый взглядъ, своей виѣшней и внутренней красотой и законченностью; этотъ взглядъ давно уже приобрѣлъ права гражданства и постоянно подтверждается наукой, въ особенности анатоміей и физиологіей, которыя освѣщаютъ строеніе организма и его отдѣльныхъ частей точно такъ же, какъ и ихъ отправленія. Правда, и въ данномъ случаѣ нѣтъ правила безъ исключенія. Но это можетъ быть основано лишь на нашемъ неполномъ еще знакомствѣ съ организмомъ въ его цѣломъ.

*) Оч. д-ра Вааса.

Это исключеніе изъ общаго правила, признающаго человѣческое тѣло высоко организованнымъ и цѣлесообразнымъ по своему устройству въ цѣломъ и отдѣльных частяхъ, составляетъ слѣпая кишка и ея придатокъ, получившій, вслѣдствіе своей формы, названіе червеобразнаго отростка. Эти два органа, повидимому, являются лишними для организма и притомъ далеко не безобидными, такъ какъ заболѣванія въ этой области относятся теперь къ очень частымъ явленіямъ. Потому ли, что прежде эти заболѣванія не діагносцировались съ такой точностью, какъ теперь, или почему-либо другому, но фактъ тотъ, что въ наше время различные воспалительные процессы слѣпой кишки и ея червеобразнаго придатка слишкомъ часто наблюдаются. Въ виду того, что эти болѣзни далеко не всегда протекаютъ благополучно, а часто вызываютъ цѣлый рядъ осложненій, нерѣдко ведущихъ къ гибели организма, врачи направили теперь все свое вниманіе на борьбу съ этимъ зломъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся познакомить читателей съ тѣми взглядами, которые въ настоящее время считаются вполне выясненными и направленными къ борьбѣ съ этими болѣзнями. Этому мы предпошлемъ краткое описаніе анатоміи этихъ органовъ.

Человѣческое тѣло содержитъ четыре полости, въ которыхъ хранятся внутренніе органы, играющіе большую роль въ поддержаніи жизни всего организма. Черепная полость содержитъ центральный органъ нервной системы — мозгъ со всеми его придатками, отходящими нервами и нервными стволами. Въ грудной полости, ограниченной сзади позвоночнымъ столбомъ, а спереди и съ боковъ—двѣнадцатью ребрами, заложены дыхательные органы, сердце, пищеводъ и пр. Въ брюшной полости, передняя и боковыя стѣнки которой покрыты растяжимыми тканями, лежатъ: самая большая изъ всѣхъ железъ организма—печень со всеми ея придатками, почки, селезенка, поджелудочная железа, желудокъ и пр. Въ этой же области пищеводъ соединяется съ верхнимъ отверстіемъ желудка, второе отверстіе котораго прямо переходитъ въ кишечникъ; послѣдній имѣетъ значительное протяженіе и черезъ посредство полости таза заканчивается съ наружной стороны тѣла. Грудная и брюшная полости отдѣляются другъ отъ друга діафрагмой, или такъ-называемой грудобрюшной преградой. Между брюшной полостью и полостью таза нѣтъ рѣзкой границы—поэтому онѣ вмѣстѣ образуютъ самую большую полость, встрѣчающуюся въ человѣческомъ тѣлѣ. Мы не станемъ описывать отдѣльно строеніе и управленія всѣхъ важныхъ для жизни внутреннихъ органовъ, которые находятся въ этихъ полостяхъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко, а остановимся подробно исключительно на интересующихъ насъ органахъ, которымъ мы посвятили настоящій очеркъ. Съ этой цѣлью мы подробно опишемъ лишь ту часть кишечника, которая расположена вправо отъ нижней части этой большой полости.

Весь кишечникъ имѣетъ у различныхъ людей не одинаковую длину; въ общемъ эта длина колеблется отъ шести съ половиной до десяти метровъ. Отдѣльные части его, въ зависимости отъ поперечника, формы и отравленій, носятъ различныя названія. Наиболѣе узкая часть кишечника, и самая длинная, тянется на протяженіи отъ четырехъ до

семи метровъ и называется тонкой кишкой; за нею слѣдуетъ такъ называемая толстая кишка, имѣющая въ длину отъ одного до одного съ четвертью метра, наконецъ, послѣдняя часть кишечника—прямая кишка—имѣетъ въ длину лишь шестнадцать сантиметровъ. Начало толстой кишки—слѣзная кишка—имѣетъ форму закругленнаго мѣшка, который тянется на протяженіи пяти сантиметровъ. Отъ слѣпой кишки книзу отходить такъ называемый червеобразный отростокъ, длина котораго бываетъ очень различна—у нѣкоторыхъ индивидовъ она едва достигаетъ восьми сантиметровъ, у другихъ, наоборотъ, превышаетъ двадцать три сантиметра. При этомъ форма этого отростка не прямая, а витая. Червеобразный отростокъ имѣетъ въ поперечникѣ около пяти миллиметровъ, начало его соединяется съ полостью слѣпой кишки, конечная часть его не имѣетъ отверстія—такое устройство этого, совершенно не нужнаго организму, придатка ведетъ часто къ роковымъ послѣдствіямъ, о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже. Замѣтимъ еще, что въ толстой кишкѣ, въ томъ именно мѣстѣ ея, гдѣ въ нее непосредственно переходитъ тонкая кишка, находится косо расположенная заслонка или клапанъ, благодаря которому предупреждается обратный переходъ содержимаго толстой кишки въ тонкую. Такое устройство имѣетъ также и отрицательную сторону: оно мѣшаетъ содержимому слѣпой кишки передвигаться вверхъ; часто пищевые остатки застреваютъ въ этой части кишечника, разлагаются и, кромѣ того, своимъ давленіемъ обуславливаютъ раздраженіе стѣнокъ его, слѣдствіемъ чего являются различные воспалительные процессы въ этой области.

Въ виду такого устройства, начальная часть толстой кишки представляетъ извѣстную опасность для организма; при этомъ надо еще помнить, что значеніе ея для организма не совсѣмъ еще выяснено, во всякомъ случаѣ особенной пользы она ему не приноситъ; нечего говорить, что еще болѣе ненужнымъ является червеобразный придатокъ, который никакой роли не играетъ въ поддержаніи жизни организма, а только приноситъ ему вредъ. Изученіе слѣпой кишки и червеобразнаго придатка у зародыша и у маленькихъ дѣтей показало, что развитіе этихъ органовъ совершенно своеобразное; это пролило также свѣтъ и на дальнѣйшее развитіе ихъ, и выяснило отчасти, почему эти органы имѣютъ такую именно форму. Оказалось, что ростъ слѣпой кишки въ направленіи сверху внизъ совершается сравнительно довольно поздно; только за мѣсяцъ до рожденія ребенка эта часть кишечника настолько удлиняется, что занимаетъ предназначенное для нея мѣсто, между тѣмъ какъ червеобразный отростокъ у новорожденнаго еще очень мало развитъ; ростъ его начинается лишь впоследствии и подвигается настолько медленно, что завершается лишь къ концу второго года жизни. Въ этомъ возрастѣ червеобразный отростокъ ребенка имѣетъ свою законченную, витую форму и соответственную длину. Этотъ совершенно излишній придатокъ, вслѣдствіе своей значительной длины, не въ состояніи скоро освободить свое содержимое, все равно, представляетъ ли оно слизь, вырабатываемую его внутренней стѣнкой, или вещества, попавшія случайно въ него изъ кишечника. Эти вещества иногда подолгу залеживаются въ немъ и вызываютъ

цѣлый рядъ болѣзненныхъ измѣненій какъ въ придаткѣ, такъ и въ окружающихъ тканяхъ, и если болѣзнь не обнаруживается своевременно и не подвергается правильному лѣченію, гибель всего организма является неизбежной. Итакъ, само устройство — форма и отправленія червеобразнаго отростка — предрасполагають его къ различнаго рода заболѣваніямъ, среди которыхъ воспалительные процессы занимають самое видное мѣсто. Надо замѣтить, что воспаленія въ этой области до сихъ поръ почти не наблюдались у годовалыхъ дѣтей; изрѣдка они поражаютъ уже дѣтей въ возрастѣ отъ 1½ до 2-хъ лѣтъ, въ томъ именно періодѣ, когда завершается ростъ червеобразнаго придатка. Во всякомъ случаѣ, маленькія дѣти даютъ сравнительно небольшой процентъ такихъ заболѣваній.

Что касается процента воспаленій, поражающихъ эту область у людей различныхъ возрастовъ, то до сихъ поръ еще не установлены точныя цифры, несмотря на постоянный ростъ накаплиющагося матеріала.

Патологи-анатомы при вскрытіяхъ довольно часто констатируютъ болѣзненные измѣненія въ червеобразномъ отросткѣ то во внѣшней формѣ его, то во внутреннемъ строеніи. Во всякомъ случаѣ, это наблюденіе не можетъ еще служить точнымъ мѣриломъ того процента заболѣваній, который въ дѣйствительности встрѣчается у живыхъ людей. Въ послѣднія десять лѣтъ замѣчено, что число такихъ заболѣваній значительно увеличилось и, кажется, продолжаетъ прогрессивно возрастать съ каждымъ годомъ. Очень возможно, что въ доброе старое время этотъ отростокъ причинялъ не мало страданій человечеству, но, вслѣдствіе недостаточнаго опыта, эта болѣзнь не узнавалась своевременно. Нѣкоторые врачи, въ особенности представители французской школы, считаютъ воспаленіе слѣпой кишки и ея червеобразнаго отростка эпидемической, инфекціонной болѣзью, обусловленной извѣстными микроорганизмами. Мужчины вдвое чаще заболѣвають такимъ воспаленіемъ, чѣмъ женщины; что касается возраста, то средній наиболѣе располагаетъ къ этой болѣзни, сравнительно меньшій процентъ даетъ ранній и поздній возрастъ.

Если въ наше время причиной воспаленія слѣпой кишки считаютъ микроскопическія существа растительнаго или животнаго происхожденія, то лѣтъ двадцать тому назадъ едва ли не единственной причиной признавалось механическое вліяніе. Постороннія тѣла, случайно попавшія или застрявшія въ этомъ отдѣлѣ кишечника, разсматривались, какъ естественная причина воспалительнаго процесса. И теперь, однако, никто не станетъ отрицать, что возможны и такіе случаи, которые вызываются присутствіемъ этихъ постороннихъ тѣлъ; во всякомъ случаѣ, они являются моментомъ, сильно подготовляющимъ почву для воспаленія. Сравнительно довольно часто приходится наталкиваться на булавки, волосы, виноградныя зернышки, косточки отъ ягодъ и т. п., случайно попавшіе въ червеобразный отростокъ и послужившіе причиной образовавшагося въ немъ воспаленія; часто также встрѣчаются въ немъ желчные камни, небольшіе шарики затвердѣвшаго содержимаго кишечника, глисты и пр. Все это можетъ вызвать воспаленіе

съ нагноеніемъ, при чемъ гной иногда прорывается въ окружающую ткань или въ брюшную полость, вызывая цѣлый рядъ осложненій. Въ послѣднее время найдены были небольшіе осколки эмалированной посуды, которые случайно примѣшались къ пищѣ, съ ней вмѣстѣ попали въ кишечникъ и застряли въ червеобразномъ отросткѣ. Такое видѣреніе посторонняго элемента могло послужить причиной воспаленія въ этой области; насколько это, однако, обосновано, нельзя съ увѣренностью сказать. Большой сравнительно процентъ воспаленій червеобразнаго отростка является слѣдствіемъ распространенія на него инфекціоннаго начала и язвенныхъ образований съ другихъ частей кишечника, тонкой, слѣпой или толстой кишки. Болѣзнетворное начало отсюда переносится въ червеобразный придатокъ и находитъ здѣсь очень благоприятныя условія для своего видѣренія и дальнѣйшаго распространенія. Таковы, въ общемъ, причины, обуславливающія это страданіе, которое въ послѣднее время приняло угрожающіе размѣры. Если болѣзнь эта и представляетъ опасность, то она, во всякомъ случаѣ, не часто имѣетъ фатальный исходъ; то или другое теченіе ея въ сильной степени зависить отъ того, приняты ли были своевременно рациональныя мѣры для успѣшной борьбы съ ней. Значительную роль также играетъ, конечно, и форма болѣзни. Поэтому очень важно при появленіи первыхъ симптомовъ ея пригласить врача—это теперь имѣетъ тѣмъ большее еще значеніе, что при воспаленіяхъ въ этой области часто необходимо прибѣгнуть къ оперативному вмѣшательству.

Чѣмъ своевременноѣ медицинская помощь, тѣмъ легче можно считать на счастливый исходъ. Симптомы воспалительнаго процесса, разыгрывающагося въ слѣпой кишкѣ и червеобразномъ придаткѣ, очень характерны, и поэтому ихъ едва ли можно прозвѣвать: болевья ощущенія, сопровождающія это заболѣваніе, почти всегда начинаются справа, въ нижней сторонѣ живота; параллельно съ этимъ наблюдается повышеніе температуры. Часто даже лицо, непосвященное въ медицину, можетъ разглядѣть и ощупать въ пораженномъ мѣстѣ возвышеніе плотноватой консистенціи, очень болѣзненное при давленіи. При этомъ наблюдаются расстройства въ отравленіяхъ пищеварительныхъ органовъ, запоры, которые, впрочемъ, бывають уже за нѣкоторое время до обнаруженія характерныхъ симптомовъ этого воспаленія. Въ легкихъ случаяхъ рвота можетъ и не быть. Часто, задолго до появленія легкой, катарральной формы заболѣванія слѣпой кишки и червеобразнаго придатка, отъ времени до времени въ этой области ощущаются коликообразныя боли, которыя въ большинствѣ случаевъ довольно скоро проходятъ. Часто теченіе такого заболѣванія бываетъ очень благоприятно, и черезъ извѣстный промежутокъ времени наступаетъ полное выздоровленіе. Однако и въ этомъ случаѣ требуется по меньшей мѣрѣ нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ больной нуждается въ тщательномъ уходѣ и соответственномъ гигиено-дietetическомъ режимѣ. Особенно важенъ послѣдній, такъ какъ погрѣшности въ діетѣ легко могутъ вызвать осложненія и служить причиной печальнаго исхода болѣзни. Особенно слѣдуетъ избѣгать приема слабительныхъ средствъ, къ которымъ въ началѣ болѣзни охотно прибѣгаютъ больные.

Такое лѣчение можетъ повести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ вызываетъ энергичную перистальтику пораженнаго кишечника въ то время, когда требуется абсолютный покой его. Самостоятельное дѣйствіе кишечника, наоборотъ, часто служитъ предвѣстникомъ наступающаго выздоровленія.

Простое катаральное воспаленіе, какъ мы уже замѣтили, въ большинствѣ случаевъ протекаетъ хорошо и рѣдко ведетъ къ тяжелымъ осложненіямъ. Тяжелые случаи воспаленія, имѣющіе съ самаго начала угрожающій характеръ, прежде были совершенно неизвѣстны, но въ наше время они почти не переводятся.

Замѣтимъ еще, что катаральное воспаленіе червеобразнаго придатка часто рецидивируетъ черезъ извѣстные промежутки времени. Иногда оно принимаетъ хроническое теченіе, вызывая иногда тяжелыя обостренія. Бываетъ, что катаральное воспаленіе превращается въ гнойное; тогда гной накапливается въ червеобразномъ отросткѣ, стѣнки котораго часто не выдерживаютъ такого давленія, разрываются въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, и гной выходитъ наружу, скопясь неподалеку отъ слѣпой кишки. Въ такихъ случаяхъ довольно часто требуется оперативное вмѣшательство для того, чтобы дать стоку накопившемуся гною.

Въ тяжелыхъ случаяхъ заболѣваніе иногда начинается такъ же, какъ и при катаральной формѣ—незначительными коликообразными болями вправо, въ нижней части живота, которыя, однако, очень скоро значительно усиливаются. Сильно повышенной температурѣ тѣла обыкновенно предшествуетъ ознобъ. Въ той части живота, гдѣ ощущаются сильныя боли, замѣчается возвышеніе, крайне болѣзненное при давленіи. Рвота и расстройство пищеварительныхъ органовъ дополняютъ картину болѣзни. Такое бурное теченіе болѣзни требуетъ немедленно врачебнаго вмѣшательства. Медлить въ такихъ случаяхъ нельзя, такъ какъ успѣхъ всецѣло зависитъ отъ своевременнаго лѣченія. Въ послѣднее время при такомъ тяжеломъ заболѣваніи рекомендуется оперативное вмѣшательство, т.-е. своевременное удаленіе больного червеобразнаго придатка. Наблюденія показали, что исходъ послѣ такихъ операцій во многихъ случаяхъ благоприятный. Воспаленіе червеобразнаго придатка въ прежнее время не относилось къ области хирургическихъ болѣзней, теперь же хирурги все больше и больше предъявляютъ права на эту болѣзнь, и не безъ основанія, такъ какъ во-время произведенная операція до сихъ поръ спасла немало жизней, которымъ грозила большая опасность. Болѣзнь эта серьезная, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуется немедленный совѣтъ опытнаго врача, благодаря которому легко выяснитъ подходящій для операціи моментъ.

2.

Отравленіе кишечнымъ ядомъ, какъ причина нервныхъ заболѣваній.

Въ „Annales de l'Institut Pasteur“ проф. Мечниковъ вновь возвращается къ вопросу о кишечномъ самоотравленіи.

Какъ извѣстно изъ прежнихъ работъ, во время перевариванія пищи въ

нижнемъ отдѣлѣ кишечника, благодаря присутствію микроорганизмовъ при расщепленіи бѣлковъ образуются индолъ, финоль и ихъ производныя. Постоянное всасыванье ихъ вызываетъ въ организмѣ явленія аутоинтоксикаціи (самоотравленія). Подъ вліяніемъ этихъ ядовъ, по мнѣнію проф. Мечникова, происходитъ усиленное развитіе соединительной ткани, постепенно вытѣсняющей болѣе благородные элементы органовъ. Они вызываютъ измѣненія въ сосудистой системѣ, артеріосклерозъ; они, наконецъ, какъ показали послѣдніе опыты доктора Владычко въ лабораторіи проф. Мечникова, не остаются безъ вліянія и на центральную нервную систему. Опыты производились надъ кроликами и надъ морскими свинками, которымъ послѣдовательно вспрыскивались небольшія дозы упомянутыхъ выше ядовъ. Четыре опытныхъ животныхъ погибли на второй день послѣ перваго вспрыскиванія, у остальныхъ микроскопическое изслѣдованіе мозга обнаружило рѣзкія измѣненія въ клѣткахъ, появленіе вакуолей, отложеніе пигмента, разстройство невроглии, т.е. опять-таки перерожденіе клѣтокъ и вытѣсненіе ихъ менѣе благородной промежуточной тканью. На ряду съ этимъ отмѣчалось и перерожденіе сосудовъ мозга, главнымъ образомъ, капилляровъ и тонкихъ венъ, при чемъ эти измѣненія шли параллельно. Интересны наблюденія проф. Мечникова надъ одной обезьяной *Macacus cynomolgus*, которая послѣ вспрыскиванія паракрезолоа долгое время была совершенно здорова, прибавилась въ вѣсѣ, но черезъ 69 дней погибла безъ опредѣленной причины. Несмотря на кратковременность наблюденія, въ органахъ наблюдалось начало тѣхъ же измѣненій, какъ и въ вышеупомянутыхъ случаяхъ. Изъ всѣхъ этихъ опытовъ ясно, что яды, столь обильно вырабатываемые нашимъ кишечникомъ, въ высшей степени губительно вліяютъ на весь организмъ, не щадя и высшихъ центровъ. Количество ихъ находится въ зависимости отъ флоры кишечника, и можетъ быть болѣе детальное изученіе послѣдней дастъ возможность видоизмѣнять ее тѣмъ или другимъ путемъ. Наблюденія въ этомъ направленіи ведутся въ той же лабораторіи.

III.

Что люди курятъ?

Интересную бесѣду приводитъ сотрудникъ „Утра Россіи“ по поводу выпускаемыхъ на рынокъ дешевыхъ папирсовъ.

Я случайно познакомился съ управляющимъ одной извѣстной въ Москвѣ и во всей Россіи табачной фабрики. Разговорился съ нимъ о выдѣлкѣ папирсовъ, въ особенности дешевыхъ, о продажѣ которыхъ по 6 коп. за 20 штукъ такъ отчаянно рекламируется во всѣхъ газетахъ.

— А вы думаете, что же, на самомъ дѣлѣ вамъ изъ турецкаго табака приготавливаютъ эти папирсы?—улыбнулся управляющій,—да изъ турецкаго табака папирсы-то дешевле, какъ 30 коп. за десятокъ вы нигдѣ не получите!

— А изъ чего же дешевыя папирсы-то дѣлаются?—полюбопытствовалъ я.

— Вы, конечно, замѣтили, что во всѣхъ первоклассныхъ и вообще такъ называемыхъ чистыхъ ресторанахъ официанты съ большою торопливостью вытряхиваютъ ваши пепельницы,—для чистоты, чтобы на скатерть пепель не попалъ,—поясняютъ они. Затѣмъ вы, конечно, если не видали сами, то навѣрное слышали, что въ городахъ нищие старательно собираютъ на улицахъ и во всѣхъ складахъ мусора окурки папирсовъ и сигаръ. Такъ вотъ-съ, всѣ эти окурки папирсовъ и сигаръ изъ ресторановъ, трактировъ, садовъ, бульваровъ и улицъ поступаютъ обыкновенно на табачныя фабрики, и тамъ скопляются цѣлые сараи этихъ самыхъ окурковъ. Они тщательно сортируются и затѣмъ поступаютъ въ особые чаны, которые послѣ того наполняются горячей водой и перемѣшиваются особыми баграми. Спустя нѣсколько дней въ чанахъ получается табачный растворъ, нѣчто въ родѣ густой кофейной гущи съ вѣду,—называемой на фабрикахъ „табачнымъ экстрактомъ“. Этотъ „табачный экстрактъ“ затѣмъ фильтруется и переливается въ другіе

чистые чаны. И вотъ тогда въ него валятся „бросовые“ капустные листья знаете ли, тѣ самыя, которые обрываютъ сверхъ кочана зеленщики, чтобы кочанъ казался болѣе бѣлымъ и аппетитнымъ. Эти „бросовые“ капустные листья цѣлыми возами скупаются табачными фабриками. Если же ихъ нѣтъ, то они замѣняются не безъ успѣха молодыми листьями лопуха... Эти листья мокутъ въ табачномъ экстрактѣ нѣсколько дней, пропитываются экстрактомъ и мало-по-малу приобрѣтаютъ и вкусъ и запахъ настоящаго „турецкаго табака“. Затѣмъ они вынимаются изъ чановъ и сушатся въ особыхъ саваняхъ-сушилкахъ. Ихъ или по просту раскладываютъ въ кучи, или подвѣшиваютъ пачками на веревкахъ. Это самая важная и трудная операція, и называется она „броженіемъ табака“. За броженіемъ наблюдаетъ особый мастеръ, получающій довольно солидное содержаніе. Отъ него зависитъ опредѣлить, когда прекратить броженіе, а отъ этого вполне зависитъ и аромать, и вкусъ, и все достоинство будущаго табака. Послѣ всѣхъ этихъ продѣланныхъ операцій вновь изготовленный табакъ поступаетъ въ самое лоно табачной фабрики и тамъ изъ него крутятся папиросы, которыя затѣмъ подъ разными кричащими названіями и поступаютъ въ продажу по всей Россіи и иногда добиваются громкаго и „вполнѣ заслуженнаго“ успѣха.

IV.

Новый трудъ Ѳ. А. Тарапыгина.

Родные завѣты. Азбука и Хрестоматіи чч. I—II—III— для клас. чтенія въ начальной училищ., IV въ народн. училищ. и Руководящая замѣтка къ азбукѣ и 4-мъ кн. «Родн. Завѣт.» — для наставниковъ и родителей.—Состав. Ѳ. А. Тарапыгинъ. Подъ редакц. Ѳ. А. Витберга. Спб. 1913 г.

Передъ нами новый трудъ почтеннаго педагога: Азбука, 4 части Хрестоматіи и кн. Руководящая замѣтка. Намъ не разъ приходилось уже отмѣчать у себя цѣнные труды этого талантливаго автора, такъ много потрудившагося на пользу русской школы. Съ прежнимъ тщаніемъ и любовію составлены и всѣ вышеназванныя книги. Несмотря на то, что ежегодно появляется много новыхъ хрестоматій, книги Ѳ. А. Тарапыгина должны по праву привлечь къ себѣ наибольшее вниманіе педагоговъ, какъ хрестоматіи самыя полныя, содержащія въ себѣ очень полезныя отдѣлы, кои или отсутствуютъ въ другихъ хрестоматіяхъ, или занимаютъ мало мѣста. Таковы, напр., отдѣлы о народныхъ праздникахъ (по А. Коринфскому и Ермолову), бытовыя картины (Григоровича, Потѣхина); графическія таблицы жителей Россіи по вѣроисповѣданіямъ и племенамъ; таблицы грамотности; площади лѣсовъ, луговъ и пахоты; пути сообщенія; вывозъ и ввозъ разн. предметовъ; добываніе металловъ и минераловъ; наглядн. карты черноземной и степной Россіи; таблица главныхъ типовъ населенія и ихъ промыслы; представителей животнаго и растительнаго царства; портреты и біографіи нашихъ извѣстныхъ писателей, государственныхъ и обществен. дѣятелей, художниковъ, музыкантовъ, военныхъ дѣятелей, и пастырей. Приложены иллюстр. народныя пѣсни съ нотами для

пѣнія; отдѣлъ былинъ и сказокъ и мн. др. Перечисленіемъ этого мы отмѣтили разностороннее богатство хрестоматіи, въ которыхъ кромѣ того отведено значительное мѣсто религіозно-правственному отдѣлу. Книги составлены съ большимъ выборомъ и умѣніемъ. Все въ нихъ проникнуто роднымъ духомъ, здоровымъ патриотизмомъ и бодрымъ призывомъ къ свѣтлымъ идеаламъ. Эти книги достойны сдѣлаться настольными во всѣхъ нашихъ школахъ, и мы отъ души желаемъ имъ самаго широкаго распространенія.

А. К.

Ө. А. Тарапыгинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Всеволодъ Рязанцевъ. — *Живая смерть* и др. рассказы изъ жизни слѣпыхъ. Изд. т-ва Д. И. Сытина. Москва. Ц. 75 к.

Красиво изданный сборникъ въ цвѣтной обложкѣ съ рисункомъ. Въ книжкѣ девять рассказовъ, преимущественно изъ жизни слѣпыхъ, бытъ которыхъ и психологію авторъ опытно знаетъ, такъ какъ самъ слѣпецъ и долго жилъ среди слѣпыхъ. На этомъ основаніи его свидѣтельство является какъ бы документомъ, которому можно вполне довѣрять.

Рассказы о слѣпыхъ у Рязанцева дышатъ искренностію и полны не надуманной, а настоящей жизненной правдой, въ чемъ наши читатели могли убѣдиться, такъ какъ въ „Свѣточѣ и Д. П.“ было помѣщено нѣсколько произведеній разбираемаго автора, а изъ названнаго сборника — первые два рассказа: „Живая смерть“ и „Во мракѣ“. Въ нихъ такъ ярко изображена драма слѣпцовъ, жизнь которыхъ безъ свѣта приравнивается къ смерти. „Живая смерть“ — вотъ самая мѣткая характеристика несчастнаго существованія этихъ обездоленныхъ людей.

Каждый изъ очерковъ Рязанцева показываетъ намъ какую-нибудь новую черту изъ психологіи слѣплого, а потому они интересны и полны значенія. Надо помнить, какого невѣроятнаго труда стоитъ слѣпцу самая техника письма въ смыслѣ обработки матеріала и стилистики, такъ какъ онъ не видитъ написаннаго. И вотъ, будучи знакомы съ первыми литературными опытами Рязанцева, мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ его ростъ (въ смыслѣ формы и стиля) въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, чему отъ души радуемся. Его книжкѣ, столь недорогой по цѣнѣ, и притомъ изданной такъ хорошо, желаемъ широкаго распространенія.

Д—чъ.

Д. А. Линева. — *По этапу.* — (Бронзовое дѣло). — Рассказъ изъ тюремнаго быта. — 2-е изд. СПБ. Ц. 80 к.

Это—рядъ яркихъ картинъ изъ тюремнаго быта и передвиженій арестантовъ по этапу, связанныхъ общей фабулой. Здѣсь разсказано интересное «бронзовое дѣло», т.-е. такое, которое выдуманно отъ начала до конца арестантомъ Косухинымъ къ Красническому съ единственной цѣлью заставить послѣдняго прогуляться по этапу лишнихъ 2000 верстъ. На этотъ разсказ обратилъ вниманіе Л. Н. Толстой, сдѣлавъ ссылку на него въ одной изъ главъ своего романа «Воскресеніе». Но эта ссылка сохранилась лишь въ Чертковскомъ лондонскомъ изданіи романа, да въ гранкахъ авторской корректуры, тогда какъ въ русскихъ изданіяхъ она пропущена. Разсказъ читается съ интересомъ.

Д.

Встревоженный улей.—Драматическій эскизъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Соч. В. М. Попова. (Изъ времени послѣ заключенія мира Россіи съ Японіей). Москва. Ц. 50 к.

Это—живо написанная картинка изъ смутнаго времени, рисующая тотъ идейный расколъ, который произошелъ между представителями двухъ поколѣній—отцовъ и дѣтей. Авторъ касается въ ней вопросовъ, выдвинутыхъ освободительнымъ вѣяніемъ, какъ переоцѣнка цѣнностей и проч. Ставя ихъ въ извѣстный фокусъ освѣщенія, онъ заставляетъ надъ ними серьезно задуматься.

А.

Профессоръ географіи Софійскаго университета, д-ръ А. Иширковъ. Болгарія. Съ картою болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ и 44 иллюстраціями. Переводъ съ болгарскаго К. Мизиркова. Одесса.

Эта небольшая книга даетъ много свѣдѣній о Болгаріи нашего времени и при томъ свѣдѣній самыхъ разнообразныхъ, между прочимъ о промышленности, торговлѣ, народномъ образованіи нынѣшняго болгарскаго государства. Иллюстраціи были бы хорошимъ поясненіемъ къ тексту, если бы вышли болѣе ясно и отчетливо.

С.

Д. И. Введенскій.—За счастье дѣтей. (Вопросы христіанскаго воспитанія.) Вып. 2-й. Изд. Уч. Сов. при Свят. Синодѣ. СПб. 1912 г.

Настоящій сборникъ статей по воспитанію является прямымъ продолженіемъ вышедшей уже раньше книги того же автора «За счастье дѣтей». Здѣсь поднятъ одинъ изъ самыхъ болевыхъ вопросовъ современности: трактуется объ убыли дѣтской души подъ вліяніемъ распространяющейся въ обществѣ безрелигіозности. У юнаго поколѣнія отнимается этимъ главная точка опоры въ жизни. Дѣти утрачиваютъ нравственную способность примирять разныя противорѣчія; мышленіе ихъ спутывается, разсудокъ потем-

няется и несчастныя нерѣдко кончаютъ самоубійствомъ. Выявивъ этотъ тяжелый фактъ, авторъ рекомендуетъ и самое дѣйствительное средство для борьбы съ нимъ: необходимость поднятія въ семьѣ и школѣ религіозно-нравственнаго воспитанія, пріученія дѣтей къ молитвѣ и храму. По словамъ Іоанна Кронштадтскаго, въ храмѣ «Воспитатель — Духъ Святый поучаетъ насъ». Только такое воспитаніе дастъ надежнѣйшій якорь спасенія, на которомъ удержится всякій пловецъ, какъ бы житейское море ни трепало его утлюю ладью и ни захлестывало бы ее яростными волнами.

Эта дѣльная книга полезна для руководства педагогамъ.

Д.

НА ПОЛЯХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Большой интересъ представляетъ статья В. Евгеньева о „Некрасовѣ въ роли редактора-издателя „Современника“, составленная по неизданнымъ воспоминаніямъ и письмамъ.

Въ рукахъ В. Евгеньева — нѣкоторые неизданные до сихъ поръ матеріалы, проливающие свѣтъ на истинное отношеніе Н. А. къ деньгамъ.

Изъ неопубликованныхъ еще воспоминаній В. Евгеньевъ беретъ, между прочимъ, слѣдующія строки.

„Приходившіе ко мнѣ за полученіемъ слѣдуемыхъ денегъ часто заявляли мнѣ, что отъ Некрасова уже прежде получена ими такая или другая сумма, тогда какъ я объ этомъ ничего не зналъ. Такія выдачи изъ своихъ денегъ Н. А. производилъ безпрестанно, но, несмотря на весьма частыя свиданія со мною, забывалъ говорить о выданныхъ деньгахъ. Я просилъ его много разъ выдачи записывать, далъ ему для записыванія большую графленую книгу, а человекъ его кушилъ ему большой карандашъ въ палецъ толщиной и чуть ли не въ аршинъ длиною (карандашъ для черченія шаблоновъ), такъ какъ Н. А. увѣрялъ, что не записываетъ оттого, что не находитъ во-время карандаша, „зарывающагося“ вѣчно подъ корректурными листами, газетами, рукописями и другими бумагами. Но ничего не помогало: книга осталась совершенно чистою, и я насилу могъ добиваться, раза два или три въ годъ, чтобы онъ удѣлилъ часокъ на припоминаніе сдѣланныхъ имъ выдачъ. Припоминаніе происходило въ моемъ присутствіи: Н. А. бралъ, ваковецъ, листокъ бумаги и записывалъ (обыкновенно лежа) то, что могъ вспомнить. Разумѣется, при этомъ немало сдѣланныхъ выдачъ не было записано: онъ или дѣйствительно не припоминалъ ихъ, или не хотѣлъ вспомнить, и я имѣю основаніе думать, что не одна тысяча рублей осталась незаписанною.

Много талантовъ Н. А. предугадалъ и многимъ своевременнымъ пособіемъ въ трудное время далъ возможность развиваться. Имена такихъ лицъ извѣстны не мнѣ одному. Выдачи впередъ, постоянныя ежемѣсячныя содержанія многимъ лицамъ производились, несмотря на то, что интересы издателей сильно страдали. Почти всякому обращавшемуся къ вѣному писателю деньги выдавались впередъ. Некрасовъ, распорядившійся выдачами съ согласія И. И. Панаева, никакъ не могъ рѣшиться отказать совѣмъ въ выдачѣ просившему. Одному деньга выдавались по случаю болѣзни; другому по случаю поѣздки за границу; третьему — по случаю выѣзда изъ Петербурга въ провинцію или пріѣзда изъ провинціи. На средства „Современника“ поддер-

живались семьи бывшихъ сотрудниковъ, воспитывались малолѣтніе братья умершаго сотрудника и т. п.

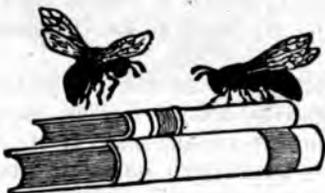
Трогательно заключительное сужденіе о Некрасовѣ.

„Въ заключеніе всѣмъ интересующимся личностью Некрасова я считаю обязанностью сказать: бросьте свои сомнѣнія; перестаньте слушать разныя небылицы и клеветы и вѣрьте, что вашъ поэтъ былъ тѣмъ, чѣмъ рисуешь ваше воображеніе и что подсказываетъ вамъ о немъ сердце. Тѣ именно чувства, которыя онъ возбуждалъ или пробуждалъ въ немъ своими стихами, онъ ощущалъ самъ, ощущалъ, несомнѣнно, въ тѣ минуты, когда эти чувства передавалъ бумагѣ. Это былъ поэтъ искренній, человѣкъ простодушный, добрый, и — что встрѣчается весьма рѣдко, — человѣкъ, не заботящійся о завтрашнемъ днѣ, когда сегодня надо помочь другому“.

Правъ поэтъ, сказавшій:

... Ужъ про насъ не впервой
Снѣжнымъ комомъ прошла — прокатилася
Клевета по Руси по родной.
... Пусть растеть, прибавляется,
Не тужи, какъ умремъ,
Кто-нибудь и о насъ проболтается
Добрымъ словомъ.

Не кто-нибудь, а многіе... Клевета и „святыхъ“ не падить. И часто тотъ, кто самъ-то скверенъ, о другихъ и говорить дурно... Неблагодарность и зависть — распространенные пороки. Но пора бы оставить нападенія на Некрасова и не давать мѣста въ газетахъ для обливанія грязью поэта, которымъ можетъ гордиться родина. А нѣкоторыя газеты „съ легкимъ сердцемъ“ удѣляютъ свои столбцы для писаній „литературныхъ карликовъ“, поносящихъ, — и часто еще съ чужихъ словъ, — почившаго великана. Конечно, этихъ мосекъ за сильныхъ не принимаютъ, хотя онѣ и лаютъ на слона. Но больно за усоншаго поэта.

ПОЭТЪ СЧАСТЛИВЫХЪ СНОВИДѢНІЙ.

(Письмо въ редакцію.)

Отвѣчая на сонетъ Б. В. Каховскаго, А. В. Кругловъ говоритъ, между прочимъ, въ своемъ стихотвореніи (майско-юньская книжка «Свѣточа и Дн. Писателя» 1911 года) слѣдующее:

«Съ такимъ талантомъ, съ печатью неба на челѣ, вы призваны родной землѣ служить, — и пусть же ваши пѣсни ей скажутъ смѣло: «Воскресни!», напомнятъ тѣ былые дни, когда поэзи огни такъ ярко, радостно горѣли, уму свѣтили, сердце грѣли, когда не злобному бойцу толпа внимала, а пѣвцу!»

Дѣйствительно, Б. В. Каховскій—пѣвецъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ поэтъ и муза его,—кристально чистая, вдохновенная—изысканно печальна въ своемъ праздничномъ нарядѣ. Поэтъ входитъ въ храмъ поэзи благочестиво, не внося съ собою будничную суетность жизни. Онъ не позируетъ предъ читателемъ, а его изящная манера подкупаетъ невольно: здѣсь нѣтъ кокетства сомнительныхъ модернистовъ, для этого Каховскій какъ поэтъ слишкомъ аристократиченъ и его субъективность никогда не шокируетъ.

То, чего женщина сомнительной воспитанности не можетъ достигнуть кричащей жестикуляціей, того свѣтская дама достигаетъ однимъ лишь жестомъ. Такъ именно поступаетъ муза Каховскаго тамъ, гдѣ затронуты субъективныя переживанія; она немногими, некусно подобранными словами, говоритъ такъ много чувствительному сердцу вдумчиваго читателя.

Есть одна наиболѣе характерная черта въ творествѣ Б. В. Каховскаго—это любовь къ сновидѣніямъ. Я беру наугадъ три вещи: «Сказка о вѣчности и смерти», «Ночью сонъ я видѣлъ чудный» и одно изъ лучшихъ и изящнѣйшихъ произведеній не только у Каховскаго, но вообще въ современной лирикѣ,—стихотвореніе «Сонъ».

Здѣсь поэзія красиво сплетается съ философійю. Утомленное суетностью и повлостью жизни сердце поэта ищетъ забвенья и отраду въ счастливыхъ сновидѣньяхъ. И какъ красочно, какъ образно, какъ красиво говоритъ онъ объ этомъ. Какъ элегичны его признанія, полныя затаенной грусти:

Юность, пѣсни, вдохновенья —
Сновидѣнія одни.

Какъ красоченъ «освѣщенный солнцемъ изумрудный лугъ», какъ меланхоличны бѣлыя лиліи на живописномъ фонѣ камыша,

какъ феериченъ хороводъ призрачныхъ фей. Меня, какъ художника, именно восторгаетъ этотъ «чудный сонъ — мѣръ забытой красоты!»

Чарующей и увлекательной, — необычайно музыкальной является намъ его муза въ стихотвореніи «Сонъ».

Она, «неслышно летая, забвемъ врачуетъ и съ нею страданья короче», — и она, подобная сказочному ночному принцу, васъ убаюкиваетъ такъ плѣнительно:

«Васъ взглядъ мой чаруетъ и нѣжатъ объятя,
Цѣлуя, лишаю сознанья;
Какъ грезы, свое измѣняю я платье,
Мѣняю свои очертанья.
Я тихій, я нѣжный,
Я мягкій, какъ ленъ,
Я другъ неизбѣжный,
Ласкающій сонъ».

О поэзіи Каховскаго хочется сказать много и пространно, она манитъ своей пріятной интимностью и изящностью. Но я ограничиваюсь характеристикой одной лишь изъ замѣчательныхъ особенностей его дарованія.

Я вѣрю, что муза Каховскаго не будетъ долго отдыхать на заслуженныхъ лаврахъ и скоро явитъ свой настоящій обликъ и укажетъ намъ мѣръ новой, неизвѣданной красоты.

Привѣтъ прекрасному поэту! *)

Бруно Михельсонъ.

*) Всѣ эти мысли о поэзіи Б. В. Каховскаго выражены нашимъ почтеннымъ сотрудникомъ, Б. И. Михельсономъ въ письмѣ къ намъ, при чемъ г. Михельсонъ прибавляетъ, что онъ ничего не будетъ имѣть противъ опубликованія письма. Съ удовольствіемъ даемъ мѣсто его письму.

О БОГАТСТВѢ

огатство! Это магическое слово, которое многихъ, если не точнѣе, почти всѣхъ—приводитъ въ волненіе.

Кто не хочетъ быть богатымъ?

Всѣ стремятся и мыслями, и желаніями къ богатству.

Усилія всѣхъ направлены къ достиженію богатства.

Если нельзя получить богатство честнымъ путемъ, то многие готовы его добыть обманомъ, даже грабежомъ и убійствомъ.

Въ этомъ страстномъ желаніи имѣтъ все—причина массы преступленій.

Желать достатка—значитъ, желать удовлетворенія насущныхъ потребностей. Эти потребности могутъ быть удовлетворены часто, почти всегда, путемъ труда. Если неодинаковъ заработокъ, то вѣдь и насущныя потребности неодинаковы. Дѣйствительно насущныя—всегда невелики и ограничены.

Но такое счастье не влечетъ людей.

Очень многие хотятъ широкой жизни и не хотятъ даже работать, а потому и не останавливаются предъ преступленіями для достиженія богатства или по крайней мѣрѣ очень широкаго пользованія земными благами.

Зависть охватываетъ людей.

У другого много. У него мало.

И вотъ рождается желаніе имѣть много.

Достатокъ не прельщаетъ, влечетъ богатство.

«Отчего у другого, а не у меня?» Если есть у него, а не у меня, значитъ—надо взять у того, у кого много.

Люди порока и злобы стараются смутить ближняго этою жаждою легкаго обогащенія. Если у человѣка нѣтъ жажды, ее разжигаютъ. Если онъ смущается игти на путь преступленія, его толкаютъ, ложно освѣщая этотъ путь и доказывая, что можно дѣлать то, что ему кажется запретнымъ.

Вотъ въ томъ-то и вопросъ, что можно ли?

Этотъ вопросъ надо помнить.

Недавно одинъ изъ не сѣющихъ, но желающихъ пожнать, сказалъ: Христось не одобрялъ богатства.

Да, но Онъ не благословлялъ насилія.

Онъ сказалъ богатому юношѣ:

— Иди и раздай все неимущимъ и слѣдуй за Мною.

Онъ преподавалъ совѣтъ для достиженія высшаго подвига. Юноша, какъ оказалось, все соблюлъ, и ближняго любилъ, то-есть частично ему помогалъ, но онъ восхотѣлъ совершенства, и какъ бы добивался, чтобы Христось указалъ ему путь еще высшій. И вотъ Спаситель говоритъ: раздай все...

Безъ настаиванія Онъ этого никогда не говорилъ. Ибо это невозможно для всѣхъ, да и не для всѣхъ нужно, какъ непосильный земной подвигъ.

Но Христось преподавалъ совѣтъ юношѣ и не сказалъ бѣднымъ:

— Идите и возьмите у богатаго, что вамъ надо.

Указывая богатымъ ихъ долгъ, и святые наставники, какъ, напримѣръ, Иоаннъ Златоустъ — бѣднымъ указывали ихъ долгъ.

Христось не одобрялъ богатства и не хулилъ его.

Онъ только указалъ на опасность его.

Когда апостолы задали недоумѣнный вопросъ: кто же спасется, если богатому трудно войти въ Царствіе Божіе, Христось сказалъ:

— Это невозможно человѣкамъ, но не Богу. Ибо все возможно Богу.

Богатому трудно войти въ Царствіе Божіе.

Почему? И въ томъ же Евангеліи есть отвѣтъ:

«Гдѣ сокровище — тамъ и сердце ваше».

Сердце, то-есть — думы ваши.

Вотъ и надо понять значеніе богатства и уразумѣть долгъ богатаго.

...«Гдѣ сокровище»... Да, такъ.

Но развѣ нельзя, имѣя на землѣ богатство, не дѣлать его сокровищемъ?

Возможно ли это?

Это такъ трудно, что именно человѣку невозможно. Но возможно Богу.

Что это значить?

А это значить, что безъ помощи Божіей, то-есть, если ты не поднимешься настолько, что будешь жить въ Богѣ и тебѣ эта жизнь будетъ сладка, то богатство тебѣ помѣшаетъ спастись: ты прилѣпишься къ нему.

Но если ты поднимаешься духовно, то богатство тебѣ не помѣшаетъ служить Богу на назначенномъ тебѣ пути, то-есть не помѣшаетъ спастись.

И мы знаемъ богатыхъ людей, которые видятъ въ своемъ богатствѣ только долгъ и обязанность, именно, такъ сказать, службу, которую они должны нести на землѣ.

Такихъ богачей не мало, ихъ имена занесены на страницы житейской хроники и въ Русскую лѣтопись.

Вѣдь и талантъ тоже богатство.

Но и онъ дается тоже не для того, чтобы приносить обладателю «широкую жизнь».

Онъ дается для выполненія земной службы.

Если вы богаты и бросаете деньги на разгульные пирѣ, забывая помогать нуждающимся, вы не исполняете вашего долга, вашей службы на землѣ.

Вы грѣшите, потому что, имѣя богатство, забыли, для чего оно дано, забыли, чье оно.

Да, оно не ваше. Оно Божье. Оно дано вамъ, чтобы вы имъ служили на землѣ ближнему, а чрезъ это и Богу («что сдѣлали имъ, то Мнѣ сдѣлали»). Это не значить, что вы имѣете право бросать деньги по капризу и желанію. Вы обязаны служить богатствомъ, увеличивая добро на землѣ. Этого нельзя дѣлать безъ помощи Божьей, ибо безъ благодатнаго озаренія души вы не подниметесь на ту духовную высоту, съ которой нельзя смотрѣть на богатство, какъ на сокровище, и прилѣпляться къ нему.

Тоже и съ талантомъ.

Если вы будете имъ служить для личнаго обогащенія, для развращенія людей, сѣя зло, вы явитесь преступникомъ предъ Тѣмъ, Кто далъ вамъ ваше богатство—талантъ. Вы посланы въ мѣръ служить добру, а не сѣять зло. Чтобы не уклониться на ложный путь, надо подняться духовно и жить въ Богѣ мыслью.

Богатства можно не бояться, но надо помнить, что оно накладываетъ большую отвѣтственность, и потому опасно, какъ всякая сила, способная помогать и злу, и добру.

Нужно ли желать богатства? нужно ли просить его?

Или: если не нужно, то можно ли просить его?

Нѣтъ. Можно просить лишь о насущномъ.

Если смотрѣть на богатство какъ слѣдуетъ, то спрашивается: зачѣмъ оно?

Отвѣтять:

— Затѣмъ, чтобы имъ служить, чрезъ него исполнять свое призваніе на землѣ.

Это уже желаніе иного удѣла, иной службы.

Но вѣдь каждому дана своя служба. Почему вы знаете, что на новой вы окажетесь лучше?

Филаретъ въ своей молитвѣ обращается къ Богу:

«Не знаю, чего мнѣ просить у Тебя. Ты одинъ вѣдаешь, что мнѣ потребно. Дажь, Отче, рабу Твоему то, чего я самъ и просить не умѣю. Нѣтъ у меня желанія, кромѣ желанія исполнять волю Твою».

Вотъ какое желаніе должно жить въ насъ. И если вникнуть въ смыслъ жизни, такъ это и понятно. Мы всѣ живемъ

на землѣ для выполненія своего долга, который въ общемъ одинъ для всѣхъ.

Исполнять волю Бога — вотъ общій долгъ.

Но какъ выполнять?

Для этого каждому указанъ свой путь.

И апостоль Павелъ говоритъ: «имѣемъ различныя дарованія (и призванія) и потому: имѣешь ли служеніе—пробывай въ служеніи: учитель ли—въ ученіи; увѣщеватель ли—увѣщевай; раздаватель ли—раздавай; начальникъ ли—начальствуй; благотворитель ли—благотвори съ радуніемъ».

И къ этимъ различнымъ обязанностямъ — общая всѣмъ, какъ необходимая для выполненія различныхъ: «любовь да будетъ непритворна; отвращайтесь зла, прилѣпляйтесь къ добру. Въ усердіи не ослабѣвайте, Господу служите».

Будучи довольнымъ назначеннымъ путемъ, не станешь просить иного и жаждать богатства или власти. Служи тѣмъ, что дано.

«А если ничего не дано?»

Этотъ вопросъ задалъ мнѣ одинъ человѣкъ, разговоръ съ которымъ и навелъ меня на настоящую бесѣду.

Отвѣчу: «такого нѣтъ среди живущихъ, у котораго не было бы ничего для службы на землѣ».

Жила одна нищенка больная. Она питалась тѣмъ, что ей подавали. Но ей иногда ничего не подавали, и она голодала.

Она болѣла. И ей не подавали лѣчебной помощи.

И она молилась, вѣруя и терпя, молилась и за подающихъ, и за скупыхъ, забывшихъ, для чего дано имъ богатство. Она молилась и за тѣхъ, которые не служили ближнему и своимъ знаніемъ.

Она лежала на гноищѣ.

И вотъ какой-то человѣкъ, видя похороны богача, сказалъ, указывая на нищенку:

— Зачѣмъ она живеть, а богачъ умеръ? Кому нужна она? Она бесполезна.

И старецъ-схимникъ, проходившій мимо, сказалъ:

— Она нужна. Она не бесполезна. Она несетъ великую службу, ибо учитъ терпѣнію и вѣрѣ. Въ этомъ и заключается ея служба на землѣ.

— Но если бы она была богата, она служила бы богатствомъ, — возразили старцу.

— Неизвѣстно. Богъ раздаетъ службы, и Онъ знаетъ, кому что назначить.

Да, и если человѣкъ самъ рѣшаетъ, то часто идетъ къ гибели.

Жилъ бѣдный горшечникъ. Питаясь отъ работы своей и имѣя доброе сердце, онъ дѣлился съ нуждающимися скуднымъ достаткомъ своимъ.

И всё благословляли его.

Какъ-то разъ, увидя, какъ богачъ раздавалъ милостыню, горшечникъ воскликнулъ:

— Если бы я былъ богатъ! Что я теперь могу дать? А тогда бы я всёхъ одѣвалъ и кормилъ. Но злые имѣютъ много, а я нѣтъ.

И услышалъ онъ голосъ:

— А увѣренъ ли ты, что послѣдовалъ бы видѣнному богачу, а не сталъ бы и самъ скупымъ?

— Никогда! — воскликнулъ горшечникъ: — Если теперь дѣлюсь отъ скудости, то отъ избытка ли отказалъ бы!

И вотъ онъ сталъ богатъ. Обладая сокровищами земли, онъ уѣхалъ въ столицу и зажилъ роскошно.

И сердце, прежде открытое печалямъ всёхъ, теперь ожесточилось: онъ прилѣпился къ богатству и велѣлъ гнать отъ палатъ своихъ нищихъ и убогихъ.

И жилъ онъ такъ и умеръ бы, если бы не спасъ его праведный мужъ, знавшій его раньше и воскорбѣвшій о немъ. Онъ пришелъ къ нему и словомъ своимъ прожегъ душу его. И ужаснулся онъ, бывшій горшечникъ, и воскликнулъ:

— Господи! Зачѣмъ я желалъ того, что мнѣ не по силамъ! Я могу дѣлать добро при скудости, но безсиленъ дѣлиться отъ избытка. Богатство овладѣваетъ мною! Это не моя дорога!

И возопилъ онъ къ Богу:

— Всещедрый! Прости мое безуміе! Дай силы мнѣ раздать свое богатство, чтобы вернуться къ старой жизни.

Онъ возопилъ, ибо безъ помощи Божіей ему, какъ человеку, невозможно было раздать все. Онъ не могъ и при желаніи сдѣлать этого. Нужна была сила свыше. Богу возможно дать силу эту богатому.

Богъ внялъ воплю, и горшечникъ раздалъ все богатство и принялся за старое ремесло. И опять сталъ служить вѣрно Богу.

Всякій путь на землѣ труденъ. Но путь службы черезъ богатство—одинъ изъ труднѣйшихъ.

Если люди жаждутъ богатства, то потому, что потерявъ смыслъ жизни. Если видѣтъ въ богатствѣ указаніе, какъ служить черезъ него, считая его Божьимъ, а не своимъ, если богатствомъ «неправеднымъ» создавать себѣ друзей передъ Богомъ, то страшно желать такой службы, ибо поучительнѣе примѣръ горшечника.

Люди устаивали противъ многихъ соблазновъ и гибли отъ богатства. Оно открываетъ доступъ для всёхъ земныхъ наслажденій. И въ этомъ его опасность.

Дано богатство — дано испытаніе. И надо молиться о томъ, чтобы Богъ подалъ помощь, невозможное сдѣлать возможнымъ.

Раздача богатства важна не сама по себѣ, ибо и постоянная помощь, постоянное служеніе богатствомъ — полезны. Она важна въ смыслѣ подниманія человѣка на ту высоту, на которой богатство ничто, уже не сокровище, и человѣкъ избираетъ добровольно нищету безъ скорби о богатствѣ. Для такого человѣка все равно: быть или не быть богатымъ. Какъ богачъ — онъ сразу выполняетъ службу, раздавая сокровища и принимая на себя новый подвигъ. Но этотъ подвигъ, возможный для избранныхъ, не обязателенъ для всѣхъ, и надо осторожно брать его на свои рамена, ибо нести бѣдность безъ ропота также трудно, и для этого надо обладать большою силою. Служить на пути нищенки, о которой сказано раньше, могутъ также немногіе.

Если нѣтъ этой силы, то, при избыткѣ матеріальномъ, надо просить Бога о томъ, чтобы Онъ помогъ служить богатствомъ «вѣрно».

Вмѣсто желаній лучше всего имѣть покорность въ сердцѣ и служить на своемъ, Богомъ опредѣленномъ, пути.

«Да будетъ воля Твоя».

Надо жить и служить, вручивъ себя Богу.

Но люди хотятъ непременно богатства. Стремятся къ нему даже чрезъ преступленія.

Это потому, что они забыли волю Бога.

А кто забылъ Бога и волю Его — тотъ способенъ на всякое преступленіе.

А. Кругловъ.

ВЕЛИЧІЕ ХРИСТІАНСТВА.

(Къ 1600-лѣтію Миланскаго эдикта.)

(313 — 1913.)

ва вѣка длилась неслыханная, невѣроятная борьба христіанства съ язычествомъ, борьба смиренія съ насиліемъ, любви съ ненавистью.

Но... Римскіе цезари, обладавшіе божескимъ и человѣческимъ могуществомъ, должны были уступить христіанству, и очень понятно почему.

Христіанство по самому существу было глубоко отличено отъ предшествовавшихъ ему языческихъ религій. Оно основано на божественномъ откровеніи, установлено независимо отъ какой бы то ни было земной власти; оно опирается на авторитетъ, стоящій внѣ чувственнаго міра, внѣ какихъ бы то ни было условій времени и мѣста; его законъ абсолютенъ, но этотъ законъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть чисто духовная заповѣдь, онъ обращенъ непосредственно къ совѣсти отдѣльнаго человѣка и только въ ней ищетъ своей опоры и оправданія — это законъ любви, а не насилія. Мало этого, христіанство, перерождая человѣка при помощи божественной благодати, требуетъ отъ него не внѣшняго почитанія, не жертвоприношеній, ни гекатомбъ и возліяній, а нравственнаго подвига, внутренняго совершенства, дѣятельности, направленной любовью къ Богу и ближнему.

Языческій Римъ былъ весь спаянъ идеей смѣшенія человѣческаго и божескаго, — христіанство разбивало эту идею и рѣзко противопоставило чувственному міру — міръ сверхъестественный царству земному, — царство не отъ міра сего. Весь порядокъ, весь строй громадной имперіи покоился на признаніи всемогущества государственной и ничтожности личности, христіанство провозглашало личную вѣру, личную совѣсть, личный подвигъ величайшею нравственною цѣнностью, и отъ личности требовало непосредственнаго исполненія закона; личности обѣщано участіе въ царствѣ небесномъ; наконецъ, религіозный культъ язычества состоялъ въ обрядахъ и дѣйствіяхъ, не связанныхъ ни съ какимъ внутреннимъ долгомъ и убѣжденіемъ; христіане же, наоборотъ, считали возможнымъ допустить религіозный актъ только при наличности религіозной вѣры, и поэтому должны были отказаться

отъ всѣхъ тѣхъ гражданскихъ обязанностей и дѣйствій, которыми были связаны съ какимъ бы то ни было языческимъ культомъ.

Въ то же самое время римское государство до крайности нуждалось въ обновленіи и возрожденіи своихъ религіозно-нравственныхъ началъ: сила язычества изсякла; культъ императоровъ растворился въ общемъ пантеонѣ чуждыхъ другъ другу національныхъ боговъ. Сами боги стали предметомъ насмѣшекъ и поруганій. Деморализація была полнѣйшая; развратъ, продажность, невѣроятнѣйшіе пороки водворились теперь тамъ, гдѣ до послѣдняго времени еще сохранялись слѣды былого величія и былой добродѣтели. Античный міръ доживалъ свои послѣдніе дни!

Все это хорошо понималъ мудрый, Великій Императоръ Константинъ. Еще юношей онъ ознакомился съ христіанствомъ и христіанами; во время своей жизни и дѣятельности онъ выучился цѣнить христіанъ и христіанскаго Бога; три раза въ жизни судьба его была поставлена на карту; въ эти критическіе моменты онъ искалъ помощи именно Бога христіанъ, и получилъ ее.

Вскорѣ, но своемъ воцареніи, Константину объявилъ войну правитель одной изъ областей обширной имперіи Максентій. Царь выступилъ въ походъ. Невеселыя думы лежали у него на сердцѣ. Онъ видѣлъ ясно, что одной внѣшней, военной силой ему не справиться съ врагомъ;—что, побѣдивъ сегодня одного, на завтра онъ рискуеть встрѣтиться съ двумя другими,—что главный врагъ его имперіи,—это не Максентій или Галерій, а глубокое нравственное паденіе самого народа, потеря имъ всякихъ нравственныхъ правилъ и вѣрованій, утрата всякаго долга и чести,—что дѣлало его вѣроломнымъ, малодушнымъ, измѣнчивымъ. Какъ и чѣмъ вотъ побѣдить этого врага? Какъ вдохнуть въ народъ новый духъ жизни, какъ возродить его нравственно?—вотъ что занимало теперь Константина.

Погруженный въ такія тяжелыя думы, царь сидѣлъ однажды у дверей своей палатки и, наконецъ, со вздохомъ обратилъ свой взоръ къ небу, какъ бы у него ища отвѣта и помощи на свои скорби и затрудненія. И вдругъ, что же онъ видитъ? Надъ заходившимъ солнцемъ засіялъ крестъ изъ звѣздъ, а надъ крестомъ надпись: «Симъ побѣждай!» Радость и чувство благоговѣнія къ Творцу овладѣли всѣмъ его существомъ. Онъ мгновенно понялъ теперь, въ чемъ спасеніе царства.

Ему вспомнился теперь и его умный отецъ, который, хотя былъ и язычникъ, но предпочиталъ окружать свой престолъ христіанами, такъ какъ видѣлъ въ нихъ болѣе надежныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ себѣ слугъ. Вспомнились и цари-гонители христіанъ, которые всѣ оказались несчастливы во всѣхъ своихъ дѣлахъ и имѣли позорный конецъ жизни. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе и на тѣхъ воиновъ изъ христіанъ, которыхъ немало находилось у него теперь въ войскѣ, и долженъ былъ сознаться, что все это были люди прекрасные, неизмѣримо выше стоявшіе

въ нравственномъ отношеніи язычниковъ, что они и мужественнѣе послѣднихъ, и честнѣе, и непоколебимо преданнѣе царской власти, и всякія колебанія у него исчезли. Онъ рѣшилъ, даль обѣтъ, что какъ только побѣдитъ Максентія, то тотчасъ же объявить христіанскую вѣру господствующею въ своемъ государствѣ и самъ приметъ Христову вѣру. И тутъ же, немедленно, приказалъ изготвить новое знамя съ изображеніемъ на немъ Креста Христова, подъ осѣненіемъ котораго Господь и увѣнчалъ его оружіе побѣдой. Возвратясь съ войны, Константинъ поспѣшилъ исполнить свой обѣтъ, сталъ усердно распространять Христову вѣру въ имперіи.

Но самымъ выразительнымъ доказательствомъ привязанности Константина къ христіанству и христіанамъ былъ эдиктъ его, опубликованный въ 313 году въ Миланѣ. Въ этомъ обширномъ эдиктѣ (указѣ) говорилось: «Объявляемъ слѣдующую нашу волю: пусть рѣшительно никому не запрещается избирать и соблюдать христіанское богослуженіе. Отнынѣ каждый, рѣшившійся соблюдать богослуженіе христіанское, пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія. Предоставляемъ христіанамъ полное и неограниченное право совершать свое богослуженіе». Христіанамъ по этому эдикту снова возвращались молитвенные дома (храмы), даже въ томъ случаѣ, если они во время гоненій перешли и въ частныя руки; церковныя имущества, составлявшія собственность данной церкви, также возвращались по принадлежности. За этимъ указомъ послѣдовалъ рядъ другихъ указовъ, благопріятныхъ для христіанства.

Такимъ образомъ миланскій эдиктъ, со дня опубликованія котораго прошло 1600 лѣтъ, давшій христіанству первенствующее значеніе въ ряду другихъ религій, знаменуетъ собою эпоху, великій переворотъ въ исторіи человѣчества.

Вся жизнь христіанскихъ народовъ во всѣхъ ея лучшихъ и высшихъ проявленіяхъ обязана именно христіанству: «Оно существуетъ не какъ-нибудь случайно или поверхностно; оно срослось съ самыми основаніями жизни христіанскихъ обществъ; оно составляетъ душу ихъ цивилизаціи, нравовъ, законовъ, обычаевъ и установленій. Мы сами въ себѣ, волею или неволею, выражаемъ его въ своей жизни, являемся его произведеніемъ» (Николя).

Всеобъемлемо, глубоко и плодотворно вліяніе христіанства на жизнь человѣчества! Христіанство стоитъ *на неизмѣримой высотѣ* предъ всѣми другими дѣяніями и явленіями во всемірной исторіи! Въ христіанствѣ принципъ *жизненности* человѣческихъ обществъ, принципъ ихъ прочности...

Христіанство есть *истина*, есть духъ животворящій, есть не только *Божія премудрость*, рѣшающая всѣ его вопросы и недоумѣнія, но и *Божія сила*, все оживляющая, всѣ препятствія уничтожающая.

Свящ. М. Менстровъ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

(Бесѣды съ читателями.)

ЛЮБОВЬ И БЕЗДУШІЕ.

Когда нынче поднимается вопросъ о школѣ и подчеркивается пріснѣженіе въ среду учащихся «освободительныхъ идей», то вопросъ чаще всего кончается рѣшеніемъ: «надо строго карать вольнодумство и съ корнемъ вырывать плевелы, чтобы сберечь пшеницу. Нельзя потакать преступленію».

Несомнѣнно, преступленіе должно вызвать кару, и вредные элементы должны быть изъяты. Но здѣсь должна быть соблюдена большая осторожность, чтобы не смѣшать преступленія злонамѣреннаго, поступка испорченной природы, съ простымъ увлеченіемъ неустановившагося юноши. Молва силы надо оберегать. Въдѣ нерѣдко поддаются увлеченію самыя лучшія и благородныя природы, души живыя, ищущія правды. Такія природы часто увлекаются ложными идеями только потому, что ихъ не умѣли или не хотѣли по лѣтні захватить подъ свое доброе вліяніе тѣ, коимъ вручено воспитаніе юношества. Въдѣ юноша съ живой душой, съ отзывчивымъ сердцемъ одинаково можетъ проявить свою энергію: и какъ протестующій бунтарь и какъ пламенный под-

вижники. Я знаю юношей и дѣвицъ, которые отъ революціи переходили къ подвигу, отъ атеизма къ горячей вѣрѣ. Нерѣдко вина старшихъ, что такія живыя натуры уходятъ, куда нежелательно. Ихъ прозѣвываютъ, ихъ оставляютъ однихъ въ опасныя минуты возраста. Лѣнь, апатія, бюрократическій шаблонъ лишаютъ общество и страну дѣльных работниковъ. Грѣхъ руководителей губить юныя силы. Многие юноши потомъ прозрѣваютъ, возвращаются на правильную дорогу, но уже разбитые или потерявшіе долю энергіи и пламенной вѣры. Есть счастливыя, которые выносятъ изъ омута сердце чистымъ, душу пламенной и сохраняютъ сильный запасъ энергіи. Но есть и погибающія жертвы. Если бы во время воспользовались ихъ способностями, жаромъ ихъ души, направили бы на вѣрную дорогу, — они не погибли бы. Не погибли бы многие изъ тѣхъ, которыхъ покарали не за преступленіе, а за увлеченіе, за мягкость натуры, неспособной сопротивляться. Увлекающагося смѣшали съ испорченнымъ и вычеркнули изъ списка. Это ужасная ошибка. Но зато какъ отраднo, когда умѣло отличаютъ ребячество отъ нравственной испорченности и разумной любовью спасаютъ юную душу.

Такую любовь — отцовскую и христіанскую проявлялъ не разъ почившій митрополитъ Кіевскій Іоанникій (сначала Московскій). Вотъ одинъ изъ примѣровъ его разсудительно-любобнаго отношенія къ юнымъ увлеченіямъ. Это случилось въ 70-хъ годахъ, когда преосв. Іоанникій былъ епископомъ Нижегородскимъ. Авторъ воспоминаній съ благоговѣніемъ и любовью говоритъ о почившемъ владыкѣ, ибо если бы не епископъ Іоанникій, для котораго горе всѣхъ было его собственнымъ горемъ, — то юношѣ пришло бы пострадать сильно и жизнь его была бы разбита.

Его, ученика второго класса, легко втянули въ дѣло пропаганды ловкіе люди. Они навязали ему нѣсколько прокламацій и книжекъ запрещеннаго содержанія. Употребленъ способъ, вообще практикующійся въ подобныхъ случаяхъ.

«Наканунѣ отпуска, — разсказываетъ авторъ воспоминаній, — подходитъ ко мнѣ воспитанникъ 3-го класса П — скій и говорить:

— Если вы, 3 — скій, убѣждены въ необходимости революціи, то...

— А вы сами-то убѣждены?

— Убѣжденъ!

— То?..

— То должны взять нѣсколько брошюръ для раздачи крестьянамъ вашего села...

Этому воспитаннику было 17 лѣтъ, и онъ пользовался у насъ репутаціей умнѣйшаго и честнѣйшаго ученика изъ всей семинаріи. Авторитетъ его между нами былъ громаденъ.

Но я еще колебался.

— Почему именно я?

— Если вы честный человекъ, если вы бывали на сходкахъ, и, конечно, согласны со всѣмъ, что читалось и говорилось тамъ, то нечестно отказываться отъ раздачи брошюръ и идти на попятный. Это—не по-товарищески...

Словс «нечестно» меня испугало.

— Гдѣ брошюры? Давайте!..

П—скій принесъ мнѣ съ десятокъ брошюръ и штукъ 30 прокламацій. Впрочемъ, я въ нихъ не заглядывалъ, а сейчасъ же спряталъ въ сундукъ, гдѣ у меня хранился чай. Съ содержаніемъ ихъ я ознакомился только дома, куда на другой день и отправился».

И вотъ юноша прибылъ въ родное село, охраняя сундучокъ, въ которомъ лежали взятые брошюры.

— Что это у тебя?—спросила меня мама, зоркимъ взглядомъ окинувъ вещи, привезенныя мною изъ семинаріи, и сейчасъ же замѣтила роковой сундучокъ съ брошюрами.

— Это такъ... ничего... Это для мужиковъ...—отвѣтилъ я, смутившись.

Лгать я не умѣлъ.

— Для мужико-о-въ?.. По-ни-маю...

Она призадумалась и грустно поникла головой.

Мама была женщина умная и кое-что слышала о пропагандѣ, но на этотъ разъ ничего мнѣ не сказала, а только зорко стала слѣдить за мною.

Я же окончательно терялся, не зная, какъ мнѣ поступить съ этими книгами.

Къ счастью «юнаго пропагандиста», его мать приняла мѣры и сожгла всѣ брошюры, предназначенныя для мужиковъ.

Послѣ каникулъ юноша отправился опять въ семинарію... Въ октябрѣ мѣсяцѣ стало извѣстно, что многіе семинаристы, принадлежавшіе къ «кружку» и распространявшіе лѣтомъ брошюры въ народѣ, были арестованы. У нашего юнаго неудавшагося пропагандиста защемило сердце, предчувствовавшее грозу. И она грянула.

Однажды его позвали къ ректору. Тамъ онъ, на вопросъ ректора, рассказалъ всю правду.

— Ну, иди!—сказалъ ректоръ.

— Что же мнѣ за это будетъ, о. ректоръ?

— Что посѣялъ, то и пожнешь...

Хоть юноша еще и ничего не посѣялъ, но пожалуй бы очень дурное, если бы не явился на защиту епископъ.

«Въ ноябрѣ былъ у насъ какой-то праздникъ,—рассказываетъ авторъ далѣе: чуть ли не именины еп. Іоаннікія, столь извѣстнаго своими административными способностями, глубоко гуманнымъ отношеніемъ къ духовенству и благотворительностью, а впоследствии прославившагося устрой-

ствомъ общежитія для 250 человѣкъ семинаристовъ. Въ этомъ общежитіи даромъ, ничего не платя за свое содержаніе, жили есѣ (не только сироты, не имѣющіе родителей) ученики духовной семинарии.

Вотъ къ этому-то преосвященному меня и позвали, неожиданно для меня, послѣ обѣда.

Я испугался, но почему-то менѣе, чѣмъ въ тотъ разъ, когда меня потребовалъ ректоръ.

Когда въ сопровожденіи архіерейскаго келейника, молодого послушника, я вошелъ въ кабинетъ Іоанникія, онъ сидѣлъ въ задумчивости, опершись на руку головой.

Я поклонился и подошелъ принять благословеніе.

— Ты воспитанникъ семинарии З—й?—спросилъ онъ.

— Да, ваше преосвященство.

— Ты сирота и воспитываешься на казенный счетъ?

— Да.

— Такъ какъ же ты, царскій питомецъ, осмѣлился на... такое дѣло?

Я въ смущеніи молчалъ.

— Ну, расскажи мнѣ все чистосердечно, безъ утайки... не бойся... а сколько тебѣ лѣтъ?

— Въ сентябрѣ минуло 16.

— Ай-ай-ай!—и онъ не то укоризненно, не то съ состраданіемъ покачалъ головой.

— Ну, ну, смѣлѣе, говори, не бойся...

Я принялся рассказывать, ничего не утаивъ, и не скрылъ. Когда я дошелъ до того мѣста въ рассказѣ, что книги были взяты мною исключительно изъ-за боязни поступить не по-товарищески, преосвященный засмѣялся.

— Такъ не «по-товарищески», будетъ? а?

Тутъ уже я окончательно ободрился и не безъ комизма рассказалъ о томъ, какъ мать сожгла эти подпольные листки.

— Такъ приходишь, а они горять, листки-то? Экая жалость, подумаешь!

Когда я кончилъ рассказъ, онъ долго качалъ головой.

— Такъ захотѣлось общественными дѣятелями быть. А? Какіе вы общественные дѣятели, вы—жертвы. Жаль васъ, несчастныхъ. Губятъ васъ, мальчиковъ, эти безсердечные люди. Они васъ заставляютъ подъ обухъ головы свои подставлять, эти «герои». Я не былъ отцомъ, но мнѣ васъ безконечно жаль, какъ своихъ дѣтей.

И онъ заплакалъ. Слезы градомъ покатались изъ его глазъ. Я тоже не могъ удержаться отъ слезъ; плакалъ я просто отъ того, что мнѣ совѣстно было, что я довелъ своимъ поведеніемъ до слезъ нашего добраго и любимаго нами преосвященнаго.

— Ну, пойдемъ сюда,—сказалъ онъ, взявъ меня за руку и отирая платкомъ слезы. И онъ привелъ меня въ гостиную,

гдѣ поставилъ предъ большимъ образомъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.

— Положи пятьдесятъ земныхъ поклоновъ за твою мать, что спасла тебя отъ гибели.

Я, еще плача, принялся класть земные поклоны.

Физическій трудъ понемногу успокоилъ мои нервы, и я пересталъ плакать.

Потомъ Іоанникій благословилъ меня, поцѣловалъ въ голову и, отпуская, спросилъ:

— Ну, теперъ никогда не будешь увлекаться завыральными идеями?

— Нѣтъ, ваше преосвященство.

— То-то же. Иди, и не рассказывай никому: будь покоенъ, останешься въ семинаріи.

Я низко, чуть не до земли поклонился ему (этимъ совершенно искренно хотѣлъ выразить ему свое благоговѣйное уваженіе) и вышелъ, весь преисполненный блаженства, не столько отъ сознанія упроченности своего положенія въ семинаріи, сколько отъ сознанія того, что я бесѣдовалъ съ лучшимъ человѣкомъ и достойнѣйшимъ архіереемъ своего времени».

Вотъ какъ дѣйствуетъ любовь, а не холодный бюрократизмъ, не то бездушіе, для котораго—ничто чужое горе, гибель юности. Это не проповѣдь попустительства грѣху и преступленію, а слово о томъ, что надо умѣть отличать злое преступленіе отъ юнаго увлеченія сердца чистаго и хорошаго,—напоминаніе о томъ, что разумная любовь—лучшее наказаніе тамъ, гдѣ она можетъ вразумлять. Для этого нужна настоящая любовь чуткаго сердца и то христіанское настроеніе, какимъ была полна душа почившаго владыки, котораго не можетъ забыть Москва. Если гдѣ формализмъ менѣе всего допустимъ, то это именно въ дѣлѣ воспитанія.

Александръ Курловъ

МОСКОВСКІЕ НАБРОСКИ.

Златоустовскій религіозно-философскій кружокъ учащихся.

(За первую половину 1913 года.)

Вотъ—организация, столь необходимая молодежи. Для учащейся молодежи вѣдь вполнѣ естественнымъ является сплываться въ кружки, союзы и вообще всякаго рода сотоварищества для самообразованія. И что же можетъ быть лучше, какъ соединиться для взаимообученія, для взаимнаго обсужденія важнѣйшихъ, такъ наз. „проклятыхъ“ вопросовъ—въ кружокъ, стоящій подъ охраною, руководствомъ и содѣйствіемъ Церкви? Еще такъ недавно, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, нельзя было и мечтать о чемъ-либо подобномъ. Сходились юноши украдкой, въ какомъ-нибудь тѣсномъ номеркѣ студента, для горячей бесѣды и... попадали обыкновенно въ пасть революціонной, атеистической пропаганды. Не такъовъ „Златоустовскій“ кружокъ. Свободно, открыто приглашаются имъ въ свою среду *ищущіе* юноши, для разсмотрѣнія вопросовъ религіи и философіи. Юношамъ предоставляется полная свобода дѣятельности; все правленіе кружка состоитъ изъ тѣхъ же студентовъ, гимназистовъ, реалистовъ и семинаристовъ. Юноши собираются, выбираютъ интересующія ихъ темы для разработки, читаютъ рефераты и обсуждаютъ ихъ. Высшая епархіальная власть, учредившая кружокъ, предоставляетъ ему прекрасное помѣщеніе (Малый залъ Епархіальнаго дома) и назначаетъ лишь для предсѣдательства на собраніяхъ одного изъ любимыхъ молодежью священниковъ. Молодые люди сами все дѣлаютъ: хлопочутъ объ устройствѣ публичныхъ лекцій, приглашаютъ лекторовъ, назначаютъ изъ своей среды распорядителей, записываютъ новыхъ членовъ, пишутъ повѣстки и т. д. Прекрасное впечатлѣніе остается отъ всей этой бодрой, кипучей дѣятельности! Развивается кружокъ, какъ это увидимъ изъ дальнѣйшаго, не по днямъ, а по часамъ и постоянно зоветъ и зоветъ въ свою среду новыхъ членовъ. Для предварительнаго знакомства съ кружкомъ молодежь приглашается на публичныя лекціи, читаемыя уже кѣмъ-либо изъ взрослыхъ. И настроеніе, царящее въ Маломъ залѣ, и интересъ животрепещущей темы (напр., о самоубійствахъ), и пѣніе хора учащихся, предварающее собраніе,—все это, вмѣстѣ съ оживленными горячими преніями, захватываетъ молодыхъ людей, впервые явившихся въ кружокъ, результатомъ же всего этого является то, что новые и новые члены тутъ же послѣ лекціи записываются въ кружокъ. И какъ же бережетъ молодежь „свой“ кружокъ!.. Вотъ произошло несчастье съ ихъ организацией: по какимъ-то причинамъ, вслѣдствіе какихъ-то раздоровъ, кружокъ пересталъ собираться. Отъ руководителей нельзя было добиться толку, почему дѣло стало. Ждали, ждали молодые люди, да и принялись сами за воссозданіе кружка. Особенно постарался при этомъ студентъ В. С. Занковъ. Онъ пригласилъ нѣсколькихъ товарищей пойти

прямо къ архіерею и просить о разрѣшеніи возстановить дѣло. Получивши благословеніе на это, молодые люди приложили немало старанія найти священника-руководителя. Затѣмъ добыли помѣщеніе, пригласили лектора, разослали повѣстки... и дѣло пошло. Господь благословилъ благоу инициативу юношей.

Первую лекцію, въ январѣ тек. года, прочиталъ С. И. Матвѣевъ— „*Философія усилія личности*“ — ученіе П. Е. Астафьева *). Народу было всего человѣкъ 25 на этой первой лекціи возстановлявшаго свою дѣятельность кружка. Несмотря на трудность разбираться въ философскихъ построеніяхъ—слушатели съ глубокимъ интересомъ просидѣли болѣе трехъ часовъ, слѣдя за изложеніемъ мыслей оригинальнаго русскаго мыслителя. Особенно довольна была группа семинаристовъ, легко разбравшихся въ сложномъ матеріалѣ, благодаря своей философской подготовкѣ.

Дѣло, живое само по себѣ, нужно было лишь толкнуть, чтобы оно пошло полнымъ ходомъ. На слѣдующую лекцію Е. А. Никитина, въ февралѣ, явилось уже болѣе 100 человѣкъ. Лекторъ изложилъ воззрѣнія другого русскаго мыслителя — К. Н. Леонтьева. Образный языкъ умблага оратора, говорившаго съ пафосомъ о родномъ мыслителѣ, глубокое вниманіе слушателей вполне соответствовали важности темы. Говорилось вѣдь дѣйствительно объ одномъ изъ своеобразнѣйшихъ русскіхъ мыслителей, поставившемъ во главу угла всѣхъ критеріевъ и оцѣнокъ — принципъ эстетическій. Съ этой точки зрѣнія понималъ забытый нами мыслитель всю жизнь и оцѣнивалъ, какъ болѣе важное, все красивое, своеобразное, все далекое отъ пошлости современнаго казарменнаго строя жизни. Онъ представлялъ себѣ, что жизнь всякаго общественнаго организма, какъ и животнаго, проходитъ три стадіи: первоначальную аморфность зародыша и слитность его органовъ и ихъ функцій, затѣмъ—пышный расцвѣтъ всѣхъ силъ и способностей въ среднемъ возрастѣ и, наконецъ, упадокъ ихъ и безразличіе ко всему, рука объ руку вмѣстѣ со сглаживаніемъ всего яркаго однообразнымъ теченіемъ стѣрой, скучной жизни. Онъ полагалъ, что современный (западнаго происхожденія) „прогрессъ“ является признакомъ приближеніе смерти ко всей европейской культурѣ. Отсюда — стремленіе нивелировать, уравнивать въ правахъ всѣ сословія общества, подводить подъ одну гребенку всѣ различія личностей однообразнымъ воспитаніемъ широкихъ народныхъ массъ. Въ противоположность З. Европѣ онъ видѣлъ нѣкоторые ростки своеобразной культурной жизни въ Россіи и выступалъ поэтому ожесточеннымъ врагомъ все-уравнивающего демократическаго „прогресса“. Леонтьевъ, самъ собою представлявшій исключительную, выдающуюся своеобразіемъ своего характера, фигуру, негодовалъ, что мертвые пути „прогресса“ захватываютъ и его. „Почему я долженъ — говорилъ Леонтьевъ,—даже самъ лично подчиняться при любой поѣздкѣ изъ города въ городъ какимъ-то звонкамъ и свисткамъ разныхъ станціонныхъ идіотовъ?“ — Въ этомъ простомъ примѣрѣ, въ предпочтеніи имъ жел. дорогамъ простой русской тройки, ясно видно все настроеніе Л—ва, основною „тонъ“ его міровоззрѣнія. Это былъ поклонникъ бурныхъ, трагическихъ

*) Читатели *Святоча* легко могутъ ознакомиться съ этой лекціей, т. к. она печатается на страницахъ нашего журнала. *Ред.*

положеній въ жизни. Онъ хотѣлъ красоты, онъ хотѣлъ безъ конца пить, прильнувши жадными устами, изъ кубка жизни. Ему нравилась безудержная скачка русской бѣшеннои „тройки“ (вспомнимъ рѣчь прокурора по дѣлу Карамазова у Достоевскаго) — по глубинамъ добраго и злаго... Но этотъ же мыслитель, этотъ поэтъ красоты, опытомъ жизни своей, пришелъ къ глубочайшему перевороту всей своей жизни: онъ сталъ *монахомъ!* Онъ позналъ, что высшимъ, прекраснѣйшимъ элементомъ нашей жизни является подвигъ, жертва, отреченіе отъ всего мірскаго. Онъ поднялся выше самого себя. Онъ поставилъ своимъ идеаломъ Страдающаго Богочеловѣка и послѣдовалъ Ему. Столь своеобразно, красочно прожитая жизнь, находящаяся въ тѣснѣйшей связи съ философіей мыслителя, — умѣло очерчена была лекторомъ, и аудиторія безъ конца благодарила его.

Въ серединѣ Великаго поста прочиталъ лекцію законоучитель 2-го реальнаго училища о. Горбаневскій „*Крестъ Христовъ—руководящее начало человеческой жизни*“ (къ вопросу о цѣнности жизни по поводу *самоубійствъ*). Означенная лекція привлекла уже переполненную аудиторию, болѣе 250 человѣкъ; при этомъ стояли и въ проходахъ, и у дверей, и у каедры. Настроеніе было вполне отвѣчавшее Великому посту. Проникновеннымъ голосомъ о. лекторъ обрисовалъ всю красоту безмѣрныхъ заслугъ Господа нашего Иисуса Христа и приглашалъ всѣхъ стараться пробудить въ себѣ вѣру. Вѣдь надо сказать, говорилъ онъ, что *все будетъ намъ понятно*, едва лишь мы станемъ на путь Христовъ. Лекція была важна *настроеніемъ*, которое она пробудила среди молодежи. Казалось, точно стоишь въ церкви во время важнѣйшихъ службъ Страстной недѣли. Этому много способствовалъ хоръ ученицъ о. лектора. Замѣтны были на этой лекціи и не учашіеся, взрослые люди, которые стали являться все въ большемъ количествѣ; видны были уже знакомые по прежнимъ лекціямъ фигуры. Нѣкоторые изъ пожилыхъ уже лицъ объясняли, что вотъ-де сынъ принесъ изъ училища билетъ — и мы пошли вмѣстѣ. Нѣкоторые родители сами уговаривали стѣснявшихся сыновей своихъ записываться въ члены кружка. Начавшись въ январѣ съ нѣсколькихъ человѣкъ, кружокъ насчитывалъ теперь уже болѣе 50 постоянныхъ членовъ. Кстати сказать, тормозять и теперь дѣло нѣкоторые гг. начальники средних учебныхъ заведеній, иногда и совсѣмъ не раздающіе ученикамъ присылаемыхъ билетовъ или дѣлающіе это совершенно официально, безъ какихъ бы то ни было поясненій и безъ поощренія.

Послѣднюю публичную лекцію прочиталъ 30-го марта членъ Миссіонер. Общ. В. Л. Олсуфьевъ „О старцествѣ“. Онъ приглашалъ молодежь послѣдовать мысленно за нимъ ко святымъ мѣстамъ, вслѣдъ за сермяжной Русью, бредущей постоянно по горамъ и доламъ ко святымъ источникамъ — къ „старцамъ“. Онъ раскрылъ всю поэзію тихаго уединенія въ обителяхъ, куда течетъ и простой народъ въ чаяніи исцѣленія отъ душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ. Лекторъ далъ исторической очеркъ „старчества“ на Руси: монахи-подвижники являются преемниками мучениковъ, а тѣ апостоловъ; подраздѣленія монашества—отшельничество, молчалиничество и общинная жизнь монастырей; старчество относится къ послѣдней. Его основу составляетъ полный отказъ отъ своей воли: *никто* не можетъ, кромѣ самого старца, отмѣнить наложенное имъ послушаніе. Это все

не противорѣчить челоуѣческой свободѣ, т. к. *наша свобода состоитъ въ возможности самоограниченія*. Особенно сильно дѣйствуютъ старцы примѣромъ своей жизни. Лекторъ привелъ также нѣсколько характерныхъ образчиковъ обращенія старцевъ съ различными людьми. Напримѣръ, одинъ старецъ прямо сказалъ одной разнервничавшейся барынѣ, постоянно выставившей себя страдальцей: „по дѣломъ вору и мука!“ Онъ понялъ ея характеръ и сумѣлъ заставить оглянуться на самоё себя. Вообще, рѣшенія старцевъ часто удивляютъ своей неожиданностью и всегда поражаютъ глубиной знанія челоуѣческихъ сердецъ. Особеннымъ интересомъ этого дня въ кружкѣ были живыя пренія и вопросы юныхъ слушателей. Одинъ просилъ дать ему опредѣленіе ученаго монашества. Другой поднималъ вопросъ вообще о монашествѣ и мірской жизни и о томъ, насколько обязательно первое. Въ преніяхъ и въ отвѣтахъ на вопросы принялъ участіе почетн. членъ Духовной Академіи В. А. Кожевниковъ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить его положеніе, что надо *пресуществовать* свою плоть и что въ этомъ — все.

Таковы интересы „Златоустовскаго“ кружка. Такова атмосфера мыслей и настроеній, которая ожидаетъ тамъ новичковъ. Замѣтимъ еще, что каждое собраніе начинается и заключается молитвою и чтеніемъ отрывковъ изъ твореній Св. Отцовъ, чаще же всего Іоанна Златоустаго, покровителя кружка.

Конечно, мы описали лишь важнѣйшее; многочисленныя же доклады самихъ учащихъ на закрытыхъ для публики собраніяхъ—описать не позволяютъ размѣры нашей замѣтки. И вотъ, въ заключеніе, считаемъ долгомъ обратиться къ „ищущимъ“ юношамъ съ совѣтомъ побывать хотя разъ предстоящею осенью въ кружкѣ (никакой платы съ посѣтителей не берется). Собранія кружка устрояются почти каждое воскресенье въ Епархіальномъ домѣ (Лиховъ пер., близъ Каретнаго ряда, отъ 2 до 4 часовъ дня).

Придите, посмотрите и поработайте!
Богъ вамъ въ помощь!

М.

ОБО ВСЕМЪ.

I.

ПАМЯТИ ШУБИНСКАГО*).

1834—1913.

28 мая, въ 4 ч. 40 м. утра скончался послѣ продолжительной, мучительно-тяжкой болѣзни редакторъ «Историческаго Вѣстника», извѣстный знатокъ исторіи Россіи XVIII вѣка, авторъ книги «Историческіе очерки и рассказы», отставной генераль-майоръ Сергій Николаевичъ Шубинскій. Покойный уже много лѣтъ хворалъ всяческими недугами, рѣдко покидалъ свою квартиру, не показываясь на людяхъ, и можно было только удивляться богатѣйшимъ свойствамъ его желѣзной натуры, такъ долго борющейся съ наступленіемъ послѣдняго жизненнаго часа. Близкіе нѣсколько разъ готовились къ наступившей нынѣ катастрофѣ, но каждый разъ сила организма и искусство врачей (начала извѣстнаго лейбъ-медика, нынѣ скончавшагося, М. М. Шершевскаго, а затѣмъ проф. Г. Ю. Явейна и его ассистента Гранстрема) вырывали страждущаго изъ цѣпкихъ рукъ смерти.

— Тяжело дожить до 79 лѣтъ жизни, быть съѣденнымъ болѣзнями, ощущать немощъ тѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавать силу своего духа, — часто говорилъ С. П. своимъ ближайшимъ сотрудникамъ по журналу.

Дѣйствительно, Шубинскій до послѣднихъ дней жизни отличался, несмотря даже на постоянную прикованность къ одру болѣзни, силою своего духа, великолѣпно сохранившеюся памятью, обычною ему работоспособностью и широкимъ интересомъ ко всѣмъ сторонамъ жизни, которую онъ такъ любилъ и въ которой создалъ себѣ на поприщѣ литературы и науки выдающееся и заслуженное положеніе. Да, положеніе, которое за 50 слишкомъ лѣтъ своей работы на пользу русскаго просвѣщенія онъ занялъ въ нашемъ обществѣ, было во-истину почетнымъ. За нимъ твердо установилась выдающаяся репутація знатока нашего историческаго быта, въ особенности эпохи XVIII вѣка, безукоризненнаго редактора популярнаго историческаго журнала, имъ созданнаго и основаннаго, мужа глубокаго житейскаго опыта, джентльмена въ своихъ сношеніяхъ къ окружающимъ и человѣка, готоваго во всякое время притти на помощь своимъ совѣтомъ всякому обращающемуся къ нему.

Сочелъ со сцены жизни достойный, честный человѣкъ, въ

*) Книжка „Свѣточа“ за май—іюнь уже была отпечатана, когда газеты принесли скорбную вѣсть о кончинѣ редактора „Истор. Вѣстника“. *Ред.*

† Сергѣй Николаевич Шубинскій.

предѣлахъ дарованныхъ ему Богомъ силъ выполнившій въ полной мѣрѣ свое земное предназначеніе.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ работы начившаго, отмѣтимъ лишь то, что вышло отдѣльнымъ изданіемъ:

1) «Собраніе анекдотовъ о князѣ Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ, съ біографическими свѣдѣніями о немъ и историческими примѣчаніями». Спб. 1867; 2) «Историческіе очерки и рассказы», шесть изданій, первое въ 1869 г.; 3) «Рассказы о русской старинѣ»; 4) «Посѣщеніе Государемъ Императоромъ 5 сентября 1871 года Житіяго рыболовнаго промысла на Каспійскомъ морѣ, принадлежащаго коммерціи совѣтникамъ Сапожниковымъ». Спб. 1872; 5) «Альбомъ двухсотлѣтняго юбилея Петра Великаго», текстъ П. Н. Петрова и С. Н. Шубинскаго. Спб. 1872 г.; 6) «Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи». Спб. 1874 г.; 7) «Черты и анекдоты изъ жизни Императора Александра I». Спб. 1877; 8) «Мнимое завѣщаніе Петра Великаго». Спб. 1877 г.; 9) «Изъ жизни русскихъ писателей». Спб. 1882 г.; 10) «Историческіе рассказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій». Спб. 1885 г.; 11) «Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени». Спб. 1888 годъ. (Б. Глинскій „П. В.“).

*Издрузать лѣтъ редакторвакід журнала
это подвигъ тяжельши, на вѣстѣ съ тѣмъ и
отрадьши, есаи сознаешь, гтѣ исполнялъ егѣ
гестѣ и не напраскѣ отдавалъ ему свои силы
и способнѣти.*

Шубинскій

Автографъ С. Н. Шубинскаго.

II.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

(По поводу 50-лѣтія со дня кончины.)

„Ради Бога, молю, похороните меня по близости къ могилѣ друга моего и учителя моего Тимофея Николаевича“.

Вотъ знаменательныя слова, которыя не разъ повторялъ въ разговорѣ съ друзьями, чувствуя приближеніе своей кончины, человѣкъ, на скромной могилѣ котораго написано:

Михаилу Семеновичу Щепкину, артисту-человѣку.

Онъ былъ великъ и какъ артистъ и какъ человѣкъ. Это не былъ только работникъ-мастеръ хотя бы и гениальный, но думающій только о своей профессіи и интересующійся всѣмъ остальнымъ въ мірѣ только въ предѣлахъ своего искусства и, какъ это слишкомъ часто бываетъ, — только своего успѣха.

Пріятель Герцена, Бѣлинскаго, Гоголя, признанный за могучую силу самимъ Пушкинымъ, считавшимъ за счастье для себя начать писать его біографію, и наконецъ, и въ особенности — самый близкій, самый нѣжный другъ того ученаго, котораго, по аналогіи съ артистомъ-человѣкомъ Щепкинымъ, можно назвать профессоромъ-человѣкомъ, — я разумѣю Грановскаго, — Щепкинъ былъ единственнымъ во всей исторіи нашего театра артистомъ, который и литературѣ, и литераторамъ, и ихъ творчеству оказалъ неопцѣнныя заслуги, вліяя на нихъ своимъ добрымъ совѣтомъ, своимъ сочувственнымъ словомъ, своимъ вдохновеніемъ.

Лучшіе люди Россіи, вожди поколѣній, съ восхищеннымъ изумленіемъ смотрѣли на своего друга, прислушиваясь къ каждому его слову, цѣня его, какъ рѣдкость по своему благородству цѣльную, крупную личность, нося его, можно сказать, на рукахъ, окружая его ореоломъ славы, поубождаемые, по ихъ общему признанію, трогательнымъ созерцаемъ въ его лицѣ такого человѣка, который не жилъ для себя, а жилъ — прежде всего — для родины, которую онъ благотворилъ, потомъ для искусства и литературы, которымъ равно благоговѣнно и ревностно служилъ, не просто дѣйствуя, а священнодѣйствуя.

Вотъ какъ описывала намъ Щепкина въ такія минуты его священнослуженія искусству недавно скончавшаяся артистка г-жа Шубертъ:

— Да, онъ творилъ, словно молился! Весь въ огнѣ, потъ льется градомъ; играя даже водевилъ, онъ готовился какъ будто къ чему-то страшному.

Щепкинъ и отъ себя, и отъ другихъ одинаково требовалъ строгаго, высоко-серьзнаго отношенія къ дѣлу, вѣрнѣе сказать, — къ своей миссіи, и вѣчно стремаясь къ усовершенствованію, да и на самомъ дѣлѣ совершенствуясь, былъ, по свидѣтельству Сергѣя Аксакова, вѣчно собой недоволенъ, какъ истинно-великій взыскательный художникъ, ничѣмъ неподкупный судья!

Михаилъ Семеновичъ
Щепкинъ.

Не угождалъ онъ публикѣ, не искалъ, не домогался лавровъ отъ нея, не думалъ о популярности. Негодя на ничтожность репертуара Императорскихъ театровъ того времени, онъ не радовался, а скорбѣлъ, глядя на то, съ какими оваціями встрѣчаетъ его публика, когда онъ только появляется на сценѣ, хотя бы въ глупѣйшей, а то и даже пошлѣйшей роли.

— Грустно, страшно грустно,—писалъ Щепкинъ подъ впечатлѣніемъ такихъ овацій, — знаешь ли, сынъ мой, мнѣ бы легче было, если бы меня иногда ошибали, даже это меня бы порадовало за будущій русскій театр: я видѣлъ бы, что публика умѣетъ, что ей одной фамиліи недостаточно, а нужно дѣло.

Онъ радовался, доживъ въ преклонные годы до свѣтлыхъ дней „эпохи великихъ реформъ“. Онъ плакалъ, когда читалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, твердя со слезами на глазахъ: „Нынѣ отпускаеши“. И только объ одномъ скорбѣлъ. О томъ, что родное искусство отстаетъ отъ проявившагося всюду въ родной странѣ движенія впередъ.

Сынъ крестьянина, бывшій офиціантъ, не получившій никакого образованія, Щепкинъ „по своей и Божьей волѣ“ сталъ въ просвѣщенности, мало сказать, — наравнѣ со своимъ вѣкомъ, но во многихъ отношеніяхъ выше его. Не учившись въ университетѣ, онъ былъ все-таки университетски образованъ:

— Я не сидѣлъ на скамьѣ студентовъ,—сказалъ онъ на одномъ торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ въ 1853 году въ честь его,—но съ гордостью скажу, что много обязанъ Московскому университету въ лицѣ его преподавателей: одни научили меня мыслить, другіе — глубоко понимать искусство.

И самъ онъ въ свою очередь умѣлъ вліять на просвѣщенныхъ людей, даже на такихъ, какъ Гоголь, Герценъ, помогая имъ шире, свободнѣе, справедливѣе смотрѣть на жизнь, на людей, на искусство, на творчество. („У. Р.“ В. Ермиловъ.)

III.

Литературный праздникъ.

(Открытие памятниковъ В. А. Жуковскому, кн. П. А. Вяземскому и А. С. Пушкину въ селѣ Остафьевѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губ.).

15 іюля имѣлъ мѣсто въ с. Остафьевѣ, имѣніи гр. Е. П. Шереметевой, рожденной кн. Вяземской, весьма симпатичный праздникъ: открытіе памятниковъ В. А. Жуковскому, кн. П. А. Вяземскому и А. С. Пушкину.

Торжество началось крестнымъ ходомъ къ памятникамъ, сооруженнымъ въ саду. Затѣмъ слѣдовало молебствіе у памятника Пушкину, совершенное преосвященнымъ Анастасіемъ. На молебствіи, помимо семьи графа С. Д. Шереметева и родственниковъ, присутствовало очень много приглашенныхъ изъ Петербурга и Москвы.

Въ концѣ молебствія, предъ окропленіемъ памятниковъ святой водой,

преосвященный Анастасій сказалъ прочувствованное слово о всѣхъ трехъ поэтахъ.

На торжественномъ застѣваніи послѣ открытія памятниковъ первая рѣчь была произнесена профессоромъ И. А. Шлякинныиъ, давшимъ яркій біографическій очеркъ В. А. Жуковскаго, какъ воспитателя Наслѣдника и какъ человѣка, отличавшагося рѣдкой чистотою мысли и дѣла.

А. И. Кульновъ говорилъ о Пушкинѣ и остановился главнымъ образомъ на немъ, какъ на творцѣ современнаго русскаго языка.

Попечитель Московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ обратился къ собранію со слѣдующими словами:

„Тотъ фактъ, что мы присутствуемъ сегодня на открытіи памятниковъ такихъ трехъ поэтовъ-современниковъ, какими были Жуковский, кн. Вяземскій и Пушкинъ, не можетъ не наполнять гордостью наше русское сердце.

Но счастію, однако, мы, русскіе, не способны къ самообольщенію. Мы часто даже упрекаемъ себя въ обратномъ — въ самоуничиженіи. Это еще не особо опасная отрицательная черта русскаго характера. Будучи доведена до крайности, она только комична — не болѣе. По существу же, это лишь отраженіе симпатичнѣйшаго свойства природы русскаго человѣка — смиренія, которое дѣлало и дѣлаетъ выдающихся людей нашей русской культуры мудрецами-ясновидцами.

За примѣрами сегодня ходить недалеко. Одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, память которыхъ мы сегодня чувствуемъ, сказалъ свое, прямо пророческое слово по отношенію весьма печальныхъ сторонъ современной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли закрывать глаза на тяжкій порокъ современнаго образованнаго общества какъ у насъ въ Россіи, такъ и на Западѣ? Къ стыду нашему, этотъ порокъ заключается въ томъ, что общество въ массѣ какъ бы старается быть глухимъ къ талантливымъ, правдивымъ произведеніямъ печатнаго слова и съ жадностью набрасывается на произведенія живыя и бездарныя. Примѣровъ здѣсь можно было бы привести въ изобиліи. Такъ вотъ, кн. Вяземскій уже давно поднималъ бичъ своей сатиры противъ этого порока. Въ своемъ „Посланіи къ Н. Дмитріеву“ поэтъ говоритъ прямо:

„Есть родъ стократъ глупѣй писателей глупцовъ—
Глупцы читатели.“

Конечно, въ этихъ жестокихъ словахъ поэта выраженіе „глупость“ не должно понимать буквально; здѣсь рѣчь идетъ о поверхностности, пустотѣ душевнаго настроенія широкихъ круговъ, которая такъ мучила и Пушкина, а потомъ и Гоголя, бичевавшаго это настроеніе общества въ своемъ безсмертномъ твореніи — „Мертвыя души“.

Пусть же открытые нынѣ памятники не только переносятъ насъ мыслью къ блестящему мудрому прошлому, но и окрыляютъ наши надежды на свѣтлое будущее. На эти надежды имѣетъ право страна, выдвинувшая одновременно Жуковскаго, кн. Вяземскаго и Пушкина“ (М. В.).

IV.

Торжество на родинѣ апостола Японіи.

Почившій апостолъ Японіи высокопреосвященный архіепископъ Николай родился въ с. Егорѣ на Березѣ, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи.

Оставшись въ раннемъ дѣтствѣ сиротою послѣ смерти своего отца, бывшаго діакона названнаго села, и не имѣя возможности питаться отъ крайне скудныхъ средствъ своей матери-вдовы, почившій владыка большую часть своего дѣтства проводить въ имѣніи своихъ родныхъ по матери — дворянъ Кувицкихъ, расположенномъ верстахъ въ 15 отъ села Березы. Мѣстность здѣсь крайне глухая и весьма удаленная отъ ближайшихъ храмовъ. До нынѣшняго столѣтія тамъ не было ни одной школы. И вотъ по мысли покойнаго народнаго педагога приснопамятнаго Сергѣя Александровича Рачинскаго, съ согласія и съ благословенія архіепископа Николая, въ этомъ отдаленномъ уголкѣ была основана церковная школа имени почившаго архипастыря. Въ ея судьбѣ принимали сердечное участіе и оказывали матеріальную помощь не только С. А. Рачинскій, но и самъ апостолъ Японіи, высокопреосвященный архіепископъ Николай. Подъ опытнымъ руководствомъ школа эта процвѣтала, открывая свои двери не только малышамъ-школьникамъ, но и взрослымъ, для которыхъ при ней была устроена моленная, гдѣ иногда совершались богослуженія причтомъ села Березы. Къ концу земной жизни почившаго святителя Японіи среди уважаемыхъ обитателей гор. Бѣлаго и Бѣльскаго уѣзда явилась мысль построить близъ этой школы храмъ въ честь ангела-хранителя усопшаго владыки — Святителя Николая, Мирликійскаго Чудотворца. Многія лица, а особенно бѣльскій купецъ И. П. Маркеловъ и сосѣдъ школы, мѣстный зажиточный крестьянинъ Полторацкій, стали собирать пожертвованія и сами принесли крупныя жертвы (г. Маркеловъ, напр., пожертвовалъ въ храмъ весь иконостасъ) для постройки этого храма. Архіепископъ Ялонскій Николай вмѣстѣ со своимъ архипастырскимъ благословеніемъ прислалъ крупную лепту строителямъ сего храма. Была получена большая сумма и отъ Августѣйшихъ Особъ. И вотъ 21-го іюля с. г. мирныя поля родины почившаго апостола Японіи огласились первымъ церковнымъ звономъ съ колокольни этого храма-памятника о великихъ дѣлахъ почившаго святителя.

При первыхъ звукахъ колокольнаго звона тысячи собравшихся богомольцевъ набожно перекрестились и помянули почившаго владыку. Умиленный чинъ освященія храма совершилъ мѣстный благочинный священникъ Дмитрій Селезневъ, въ сослуженіи 5 іереевъ и 2 діаконъ*). Долго тянулось это торжественное богослуженіе, при чемъ его радостные мотивы переходили иногда на печальный тонъ *вѣчной памяти* почившему свя-

*) Недоумѣваемъ, почему смоленскій епископъ Θεодосій не принялъ участія въ освященіи храма. Это было бы выраженіемъ того благоговѣйнаго уваженія къ почившему святителю Японской Церкви, какового онъ вполне заслужилъ, являясь *образцомъ* для всѣхъ архипастырей и свѣтлою гордостью Смоленской области. *Ред.*

тителю. Во время литургіи были произнесены проповѣди оо. Селезневымъ и С. Кулагинымъ и студентомъ семинаріи В. Д. Селезневымъ, но, къ сожалѣнію, въ нихъ совершенно не была освѣщена личность почившаго архипастыря. Съездъ паломниковъ былъ необыкновенный.

Не забывай же, русскій народъ, этихъ памятниковъ о высокой личности почившаго архипастыря, апостола Яповія, изъ которыхъ одинъ строится, но не оконченъ, на могилѣ святителя въ Яповіи, а другой уже созданъ на родинѣ его, въ Смоленскомъ захолустьѣ. („М. В.“ С. Недачинъ.)

V.

Мученики за православіе.

Мадьяры съ безмѣрной жестокостью и чисто азіатскимъ фанатизмомъ принялись за истребленіе русскаго народа особенно теперь, когда среди Угрососсовъ вслѣдствіе политики омадьяреннаго униатскаго духовенства началось стихійное движеніе къ переходу въ православіе. Русскій народъ въ Венгріи лишень давно всякаго образованія, интеллигенціи онъ не имѣетъ, такъ какъ единственные умственные и духовные вожди — священники стали „мадьяронами“. Народъ же, несмотря на всѣ гоненія, сохранилъ русскій духъ, преданность своей вѣрѣ и народности и сталъ чуждъ ренегатствующему духовенству.

Мадьяры очевидно рѣшили покончить съ Угрососсами, но этотъ народъ даетъ доказательства такой стойкости и силы духа, которыя напоминаютъ буквально первыхъ мучениковъ христіанства. Ни кандалы, ни штрафы, ни мрачныя мадьярскія тюрьмы, откуда выхода русскимъ людямъ обыкновенно не бываетъ, ни физическія истязанія (а къ нимъ теперь прибѣгаютъ особенно часто), ни даже смерть — не могутъ этихъ, казалось бы, уже совсѣмъ забытыхъ людей заставить отказаться отъ своей прадѣдовской православной вѣры и русской народности.

Вотъ факты этого мученичества. Какъ извѣстно, село Иза, а за нею и еще свыше 10 другихъ окрестныхъ селъ (въ Мармарошскомъ комитатѣ) перешли въ православіе. Перешедшихъ жандармы хватали, сажали въ тюрьмы и штрафовали, но крестьяне все переносили и о переходахъ въ православіе заявляло и дальше одно село за другимъ. Тогда Мадьяры рѣшили погубить ихъ духовнаго вождя іеромонаха о. Алексія (Кобалюка) и устроили на него настоящую облаву. Крестьяне не выдавали своего духовнаго пастыря и упросили его, на время хотя бы, скрыться въ Америку, куда бѣжитъ немало прикарпатскаго русскаго народа отъ австро-мадьярской свободы. О. Алексій такъ и сдѣлалъ и отправился въ Америку, чтобы тамъ среди Угрососсовъ-переселенцевъ продолжать свое дѣло.

Мадьяры арестуютъ теперь не только каждаго, кто громко говоритъ по-русски, но и каждаго, кто получаетъ конвертъ съ американской маркой (отъ бѣглецовъ изъ-за океана). Изъ одного села Изы посажено 300 человекъ въ тюрьму, а изъ Сигота — 200. Всѣ родные о. Алексія и сестра его Василиса брошены въ тюрьму.

Когда переполнились тюрьмы, то власти подстрекнули жандармовъ бить людей и мучить ихъ, какъ имъ заблагоразсудится. Нельзя себѣ представить, что за оргіи начали разыгрываться среди мирныхъ угрососскихъ селъ! Съ ранней зари по избамъ шныряютъ жандармы, ища русскихъ книгъ и иконъ и конечно находя новыя жертвы. Закованныхъ ведутъ по селу, бьютъ немовѣрно мужчинъ и женщинъ, такъ что нерѣдко приходится призывать медицинскую помощь. Многіе отъ побоевъ умираютъ. Такъ въ селѣ Лѣпшѣ одна православная женщина умерла на рукахъ озвѣрѣвшихъ жандармовъ.

Ее убили за то, что когда арестовали ее мужа и повезли его въ тюрьму, она заголосила: „Вы безбожники, антихристы, думаете, что, посадивъ нашихъ мужей въ темницы, вы убьете нашу православную вѣру, но мы, женщины, станемъ на ихъ мѣсто и будемъ проповѣдывать нашу святую вѣру!“ Жандармы тутъ же накинулись на нее и прикладами ружей убили ее.

Теперь тамъ часто прибѣгаютъ къ такой пыткѣ. Мужчинъ и женщинъ подвѣшиваютъ за четыре катушки къ дереву, такъ что ноги не достаютъ земли. Черезъ часъ такого висѣнія идетъ кровь изъ носа, горла, ушей. Если несчастный начинаетъ терять сознаніе, то жандармы поливаютъ водой голову, но продолжаютъ свою пытку. Въ селѣ Лѣпшѣ такъ умерла на „мучилищномъ дрѣвѣ“, какъ называютъ крестьяне эти средневѣковыя истязанія, одна женщина. Многіе прошли черезъ это „подвѣшваніе“, но отъ православія все-таки не отказались.

И что же? Видь мукъ и страданій не колеблетъ духа русскаго народа. Люди илутъ на муки съ восторгомъ первыхъ христіанъ, заявляя, что они „Руснаки и православные“. Многіе ищутъ спасенія въ горахъ и лѣсахъ. Такъ, 11 дѣвушекъ, которыхъ навѣяла сестра о. Алексія, Василиса, тайно принявшая постриженіе, удалились въ горы, построили домъ въ лѣсу и жили по монашескому уставу. Жандармы, узнавъ объ этомъ, явились въ лѣсъ, сорвали съ нихъ одежды и въ однѣхъ рубашкахъ, босыхъ загнали ихъ въ рѣку, притокъ р. Тиссы, продержали по поясъ въ ледяной водѣ два часа, непристойно издѣваясь надъ ними, и послѣ этого отвели въ тюрьму. Многія, разумѣется, смертельно заболѣли.

Вотъ что пишетъ одинъ Угророссъ въ Америку къ іеромонаху Алексію:

„Дуже намъ тяжело, шо не маемо книгъ и не можема правило кончити (совершать церковныя службы) попржнему. Лишь голыя стѣны остались якъ въ домахъ, такъ и въ церкви. (Вся церковная утварь конфискована и увезена въ Будапештъ). Изъ сосѣднихъ селъ чути (слышно) плача и рыданій людей ажъ сюда. Множество жандармовъ дуже бьютъ и на дерева и столпы подвѣшиваютъ людей и женъ. Въ селѣ Лѣпша умерла жена на „мучилищномъ дрѣвѣ“. И больше людей убито на смерть. Двое людей выдержали два дня подвѣшенные и не отреклися православной вѣры“.

Слѣдуетъ описаніе примѣняемой венгерскими жандармами пытки: „Вѣшаютъ такъ. Четыре катушки (кольца) на руки и на ноги (жельзныя) смыкаютъ колодкой и тогда подтягаютъ горѣ (поднимаютъ вверхъ) на столпѣ. И виситъ, не доживается (не дотрагиваясь) земли; кровь пускается черезъ часть и тече изъ носа, рта и ухъ; коли умлѣвае (падаетъ въ обморокъ), то жандармъ водой поливає“.

„Вотъ чего мы дожилися на родной земли“, — кончаетъ Угророссъ свой вопль, посланный въ Америку. („Илл. Об.“).

VI.

Священникъ — косарь.

Въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, нашелся священникъ, который пошелъ отчасти по стопамъ земскаго начальника Калибабы, „выкосившаго гимназію“.

Въ январѣ текущаго года, — рассказываетъ „Южный Край“, — въ с. Берестовую, Купянскаго уѣзда, назначенъ былъ новый, молодой священникъ, отецъ Максимъ Несвѣдовъ.

Съ первыхъ же дней от. Максимъ началъ хлопотать въ приходѣ о постройкѣ вокругъ церкви каменной ограды.

Такъ какъ по смѣтѣ ограда эта должна была обойтись болѣе трехъ

тысячъ рублей, денегъ же въ кассѣ прихода не было ни копейки, то отъ Максимъ началъ появляться на сходахъ и указывалъ прихожанамъ на необходимость заарендованія общественнаго выгона или дуга, чтобы, эксплуатируя его, собрать капиталъ, необходимый для сооруженія ограды.

Но прихожане не соглашались.

Не согласились они съ предложеніемъ его скосить общими силами нѣсколько десятинъ хлѣба у сосѣднихъ землевладѣльцевъ и заработанныя деньги пожертвовать на постройку ограды.

Тогда отъ Максимъ рѣшилъ дѣйствовать не словомъ, а примѣромъ.

15-го іюля, рано утромъ, во главѣ съ отъ Максимомъ, на поля нѣкоего землевладѣльца Дудника высыпало все населеніе села, отъ мала до велика, и приступило къ уборкѣ хлѣба.

Въ первомъ ряду косилъ самъ отъ Максимъ.

Не покладая рукъ, онъ работалъ въ продолженіе всего дня, а, глядя на него, охотно, весело и энергично работали и всѣ 450—500 человѣкъ крестьянъ.

Въ началѣ, чувствуя нѣкоторую неловкость передъ священникомъ, послѣдніе пытались упрасивать его бросить косу, не работать, но онъ былъ непреклоненъ, и это еще больше воодушевляло ихъ.

Въ результатѣ получился заработокъ въ 550 рублей; кромѣ того, землевладѣлецъ С. С. Дудникъ, будучи тронутъ поступкомъ отъ Максима, присоединилъ къ этой суммѣ на ограду отъ себя 100 рублей, а также, узнавъ объ этомъ, стали жертвовать и другіе.

Такимъ образомъ въ какихъ-нибудь три—четыре дня составилъ капиталъ въ 2,000 рублей, и въ скоромъ времени постройка ограды, „выкошенной“ отъ Максимомъ, будетъ начата („П. Д“).

VII.

Помощь свыше.

28 іюля въ Тамбовѣ совершались по всѣмъ церквамъ благолѣпныя богослуженія по случаю дня кончины ожидающаго прославленія святителя Питирима. Въ кафедральномъ соборѣ позднюю литургію совершилъ епископъ Кириллъ совмѣстно съ городскимъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи владыка служилъ панихиду у гробницы святителя. Присутствовало множество народа, изъ нихъ — пришедшіе изъ нѣсколькихъ селъ паломники. По заведенному обычаю, народу была предложена отъ города (по подиискѣ, при участіи старосты) обильная трапеза. Къ колодезю, вырытому руками угодника, всѣ шли съ крестнымъ ходомъ.

Память святителя Питирима ознаменовалась чудомъ: былъ исцѣленъ у гробницы отставной военный чиновникъ Ѳедоръ Евдокимовъ Зубикъ, 52 лѣтъ, признанный врачами неизлѣчимымъ. Больного подвели къ гробницѣ едва ступавшимъ на отнимавшіяся ноги, — онъ страдалъ туберкулезомъ, ревматизмомъ и маляріей въ теченіе 6 лѣтъ. Врачи онъ него отка-

зались и здѣсь, и въ другихъ городахъ. Онъ помолился со слезами у раки, съ благоговѣніемъ приложился и пошелъ изъ храма здоровымъ. Все это произошло во время вечерни, на глазахъ у всѣхъ. Говорять и о другомъ случаѣ исцѣленія, у колодца, послѣ равней обѣдни; внезапно выздоровѣвшаго больного шарня провелъ отъ колодца скрывшійся старецъ... („М. В.“).

НАУЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

1.

Рыба, могущая жить на сушѣ.

Рыба, которая можетъ цѣлые мѣсяцы жить на землѣ, недавно присоединена къ коллекціямъ американскаго музея естественной исторіи и помѣщена въ отдѣлѣ научныхъ курьезовъ. Рыба эта, найденная въ Африкѣ, обладаетъ легкими, подобно другимъ наземнымъ животнымъ, въ водѣ же она дышитъ, какъ обыкновенная рыба, жабрами. Способность дышать легкими сохраняетъ жизнь этой рыбы въ лѣтнее время, когда вода въ потокахъ и прудахъ пересыхаетъ и она мѣсяцами должна лежать въ глинѣ. Рыба была найдена какъ бы спящей, зарывшейся въ глинѣ, покрывшей дно рѣки; когда разбили этотъ кусокъ земли, то увидѣли, что отъ рта рыбы кнаружи идетъ узкій ходъ, черезъ который и проходилъ воздухъ. Въ научномъ отношеніи этотъ видъ рыбы интересенъ тѣмъ, что онъ представляетъ исчезнувшую ступень между рыбами и первыми земноводными. Зоологи находятъ, что по своему анатомическому строенію эта рыба представляетъ большое сходство съ саламандрою. Насколько извѣстно, это всего лишь второй экземпляръ рыбы, живущей легкими, при чемъ обѣ находки помѣщаются въ музеяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

2.

Кашляющія растенія.

Всѣ мы слышали, конечно о „плачущихъ“ растеніяхъ, о „смѣющихся“, но, оказывается, есть также и „кашляющія растенія“. По крайней мѣрѣ одинъ виднѣйшій французскій ботаникъ утверждаетъ, что онъ неоднократно наблюдалъ въ тропическихъ странахъ растеніе, обладающее этимъ свойствомъ. Плоды этого растенія напоминаютъ бобы. Наблюдателю представляется, что растеніе это легко раздражается и не выносить пыли. Стоитъ попасть на листья его самому незначительному количеству пыли, какъ особые сосочки, покрывающіе поверхность растенія и служащіе для дыханія, начинаютъ пухнуть, надуваться и, наконецъ, лопаются, производя необыкновенно курьезный звукъ, похожій на кашель или чиханье дѣтей, больныхъ насморкомъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ „СВѢТОЧА“.

Многоуважаемый Александръ Васильевичъ!

Полагаю, что не ошибусь, если попрошу Васъ въ той или иной формѣ поднять такой вопросъ въ Вашемъ журналѣ „Свѣточъ“.

Въ послѣднее время техника печатанія красочныхъ картинъ достигла высокой степени совершенства: достаточно просмотрѣть открытки изд. Ришара, альбомы Лапина въ Парижѣ, хромотипии „Нивы“, и нѣкоторые другія изданія, чтобы убѣдиться въ этомъ. Къ сожалѣнню во всѣхъ альбомахъ, открыткахъ, отдѣльныхъ картинахъ, за очень малыми исключеніями, совершенно отсутствуетъ церковная живопись; между тѣмъ какія художественныя богатства собраны въ нашихъ храмахъ—и многимъ ли они извѣстны? Храмъ Спасителя въ Москвѣ, Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, Исаіевскій въ Петербургѣ, Храмъ Воскресенія на Крови, Храмъ въ Боркахъ, нѣкоторые изъ нашихъ монастырей, посольскія церкви за границей, домовыя церкви при дворцахъ, казенныхъ учрежденіяхъ, пріютахъ и многія другія—все это наполнено дивными произведеніями нашихъ лучшихъ художниковъ, написанными къ тому же въ строго православномъ стилѣ.

Дайте мысль восполнить существующій пробѣлъ; быть можетъ тогда и найдется издатель подобнаго альбома, но альбома высокохудожественнаго и непременно въ краскахъ. Такой альбомъ безъ сомнѣнія сдѣлается настольной книгой каждаго состоятельнаго семейства, въ которомъ еще не угасла вѣра въ Бога и есть порывы въ высъ.

А какимъ чуднымъ образомъ могъ бы служить этотъ альбомъ нашимъ иконописцамъ, принужденнымъ теперь копировать сомнительнаго достоинства картинки Доре и не очень высокаго качества лубки изъ альбома Фесенки въ Одессѣ.

Простите, что отнимаю у Васъ время, но мнѣ кажется, что въ Вашемъ журналѣ я найду пріютъ и отзвукъ высказаннымъ мыслямъ.

Кстати о „Свѣточѣ“. Какъ инспекторъ училища, вѣдающій бібліотекой и наблюдающій за вѣккласснымъ чтеніемъ учениковъ, съ удовольствіемъ могу констатировать фактъ, что „Свѣточъ“ съ огромнымъ интересомъ читается нашими учащимися и чтеніе это не пропадаетъ безслѣдно: такъ, напр., могу удостовѣрить, что чтеніе „Свѣточа“ произвело въ прошломъ году полный переворотъ въ душѣ одного въ сущности хорошаго, но попавшаго на ложный путь, юноши. Теперь онъ благополучно окончилъ курсъ, и надѣюсь, благополучно пойдетъ по жизненному пути. Подобный фактъ для Васъ долженъ быть несомнѣнно отраднымъ.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи къ Вамъ

Инженеръ *Н. Андреевъ*,

10 авг. 1913 г.

Инспекторъ Бендерскаго Техн. ж.-д. училища.

ИСКРЫ.

ЮМОРЪ И САТИРА.

ГЛУПЫЯ ЖЕЛАНІЯ ПРОВИНЦІАЛА ИЛИ ТЬФУ-ДЗЯНЕЦЪ ВЪ ПЕКИНЬ.

(Изъ разсказовъ китайскаго писателя На-фу-фу.)

Со-Цзунъ-Тану — житель небольшого городка Тьфу-Дзянь, что стоит на рѣкѣ Бей-Хо.

Онъ, т.-е. Цзо-Цзунъ-Тану, занимается маленькой торговлей и лечитъ гомеопатіей тѣхъ, у кого уже совсѣмъ разстроились желудки отъ латинской кухни аллопатовъ или отъ лекарствъ туземныхъ врачей. Цзо-Цзунъ-Тану живетъ просто, спокойно, сытно и весело.

У Цзо-Цзунъ-Тану есть дядя — Хун-лын-го. Онъ жилъ сначала въ томъ же Тьфу-Дзянь, но потомъ переѣхалъ въ Пекинъ.

Это было давно. Цзо-Цзунъ-Тану тогда шелъ всего двадцать первый годъ. Вскорѣ послѣ своего переѣзда въ Пекинъ дядя пригласилъ Цзо-Цзунъ-Тану погостить къ себѣ на недѣлку. Молодой человекъ былъ радъ такому приглашенію и отправился въ Пекинъ. Юный тьфу-дзянецъ пришелъ въ восторгъ отъ домика, въ которомъ жилъ дядя.

— Какой прелестный! И садикъ не хуже нашего... О, вы навѣрно платите очень много?

— Совсѣмъ нѣтъ, здѣсь квартиры не дороги... Хотя улица Араратъ считается одной изъ лучшихъ въ Пекинѣ.

Вечеромъ дядя повелъ молодого человѣка въ ресторанъ „Бѣлые Гуси“.

— Мы закусимъ и поболтаемъ съ тобой по душѣ! Жена все-таки мѣшаетъ немного.

Въ ресторанѣ имъ подали превосходный ужинъ, который состоялъ изъ вареной курицы, холоднаго свиного мяса съ ломтиками молодого бамбука, жареной свинины съ кошачьими почками, жареной рыбы и свинины подъ сладкимъ соусомъ. Въ видѣ десерта былъ поданъ чай и печенье изъ банановъ.

— Однако, вы разгулялись, дядюшка, — воскликнулъ Цзо-Цзунъ-Тану. — Навѣрное съ васъ сдуютъ преогромную сумму.

— О, нѣтъ! У насъ немногимъ дороже вашего... Вотъ увидишь!

Счетъ былъ поданъ, дѣйствительно, очень небольшой.

Цзо-Цзунъ-Тану, полный восторга, вернулся въ свой городъ и долго рассказывалъ о Пекинѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать пять лѣтъ.

И вотъ этой весной Цзо-Цзунъ-Тану опять получилъ письмо отъ Хун-лын-го, который побывалъ въ Россіи, Франціи и вернулся въ Пекинъ. Дядя писалъ: „Что ты закинь въ своемъ мертвомъ углу? Приѣзжай-ка погостить ко мнѣ... Я поразкажу про Европу, да кстати ты посмотришь и на Пекинъ... Его не узнаешь совсѣмъ... такъ далеко ушелъ онъ по пути цивилизаціи и прогресса“.

Письмо заинтересовало Цзо-Цзунъ-Тану, который успѣлъ жениться на прекрасной Лиліи и сдѣлаться отцомъ двухъ дѣтей: сына звали Пахучій Жасминъ, а дочь Чайная Роза. И Цзо-Цзунъ-Тану сказалъ: надо съѣздить въ Пекинъ... Дядя побывалъ въ Европѣ, многое видѣлъ... Да интересно посмотрѣть и Пекинъ, который такъ измѣнился, уйдя далеко по пути цивилизаціи и прогресса. Нашъ Тьфу-Дзянь еще пока никуда не ушелъ... а Пекинъ ушелъ. Цивилизаціи и прогрессъ! Это европейскія затѣи... Любопытно взглянуть. Если тогда, когда Пекинъ никуда еще не двигался по пути прогресса, дядя жилъ въ такомъ домѣ и въ ресторанѣ кормили такъ вкусно, — что же теперь, когда Пекинъ ушелъ такъ далеко? О, что теперь?

И онъ сказалъ женѣ:

— Прекрасная Лилія! Я ѣду къ дядѣ Хун-лын-го. Онъ зоветъ меня посмотрѣть Пекинъ.

— Ты его уже видѣлъ.

— Но когда, когда? Двадцать пять лѣтъ тому назадъ. А теперь совсѣмъ не то... Теперь Пекинъ неузнаваемъ, пишетъ дядя. Онъ ушелъ, то-есть не дядя, а Пекинъ, далеко по пути цивилизаціи и прогресса. И, знаешь, что, милая Лилія!

Хи-м-фу (Ха-фу-фу)

Китайскій писатель.

— Что, восхитительный Тану?

— Если тамъ такъ хорошо, то не перебраться ли намъ жить въ Пекинъ? Здѣсь — глушь, мертвечина, а тамъ столица!

— Я боюсь, милый Тану.

— О, что ты! Впрочемъ, я посмотрю. Я не сдѣлаю наобумъ... Будь покойна.

Супруги нѣжно потерлись носами и Цзо-Цзунъ-Тану уѣхалъ въ Пекинъ.

Хун-лын-го встрѣтилъ своего племянника за нѣсколько верстъ передъ городомъ.

Племянникъ и дядя крѣпко обнялись при встрѣчѣ.

— О, ты удивишься! Ты не узнаешь Пекина! — съ восторгомъ повторялъ Хун-лын-го, подъѣзжая къ столицѣ.

— А что это за погребъ? Землянки по обѣимъ сторонамъ дороги? — спросилъ Тану, когда они были всего въ двухъ верстахъ отъ города.

— Это новая слобода, милый племянникъ... Она называется русскимъ именемъ „Нужда пляшетъ“. Одинъ русскій купецъ такъ назвалъ ее и всѣ стали звать такъ.

Цзо-Цзунъ-Тану заглянулъ въ одну изъ ямъ. Она была невообразимо мала. Въмѣстѣ съ людьми въ ямѣ помѣщались животныя. Лампочки-ночники освѣщали конуры.

— Это не жилище... Это могилы! — воскликнулъ Цзо-Цзунъ-Тану.

— Ну, чего ты захотѣлъ, когда такъ дешево платять... Вѣдь они въ мѣсяцъ платять только пять цяновъ *).

— О, Конфуцій! — воскликнулъ племянникъ: — пять чоховъ — мало. Но я плачу за весь домъ восемь чоховъ. У меня для свиней лучше въ хлѣву, чѣмъ...

Хун-лын-го насмѣшливо улыбнулся и сказалъ:

— Ну, что ты суешь свой Тьфу-Дзянь. У васъ мертвечина, вы далеко отъ прогресса, а здѣсь... Вотъ посмотришь: въ Пекинѣ не дома, а дворцы теперь въ 5, 6 и 7 этажей! На лучшихъ улицахъ — электричество! А, что у васъ?

— А вашъ маленькій домикъ съ садомъ, дядюшка?

— О, его давно нѣтъ: онъ сломанъ. Развѣ такому дому прилично быть въ Пекинѣ?.. Онъ былъ хорошъ, когда еще никто не понималъ благъ цивилизаціи и мы жили по-азиатски...

Наконецъ, подъѣхали къ дому, гдѣ жилъ Хун-лын-го.

Это былъ дворецъ съ виду. Широкія лѣстницы устланы дорогими коврами; въ простѣнкахъ — зеркала. На площадкахъ — тропическія растенія.

— О-о! — только и могъ вымолвить Цзо-Цзунъ-Тану.

— Я живу въ самомъ верху, — сказалъ дядя. — Но ты не безпокойся, насъ подниметъ машина.

*) Цянь или по-монгольски чохъ = 1 р. 82 к. на русскія деньги.

Изъ своей комнаты появился швейцаръ, котораго тѣфузьянецъ принялъ за хозяина дома, что опять возбудило смѣхъ дяди.

Они поднялись на машинѣ.

— Положимъ, это удобно,—сказаль племянникъ,—но зачѣмъ вы забрали такъ высоко?

— А развѣ я богачъ, чтобы жить ниже? Я и такъ плачу много.

— Сколько?

— Сто чоховъ въ мѣсяцъ.

— Стало быть у васъ большая квартира?

— Напротивъ, всего двѣ комнаты и кухня.

— А прежде было у васъ семь?

— Девять. Но развѣ тамъ была такая лѣстница? Такіе жовры? Развѣ тамъ квартира освѣщалась электричествомъ? Развѣ тамъ была подъемная машина и такой швейцаръ, что ты принялъ его за мандарина?.. Все это стоитъ денегъ...

— Но зачѣмъ вамъ такая лѣстница? Вѣдь вы живете въ комнатахъ а не на лѣстницѣ?

— Но входъ, входъ! антре — по-европейски... Развѣ это ничего не значить? О, какъ же ты отсталъ отъ прогресса въ своемъ углу!

Жена Хун-лын-го, по имени Бѣлая Сирень, отперла двери.

— Ахъ, это вы уже! А я еще не кончила мыть половъ! — сказала она, оправляя платье.

Гость съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Развѣ у васъ нѣтъ прислуги? — спросилъ онъ нерѣшительно.

— Что онъ говоритъ? — засмѣявшись, воскликнула Бѣлая Сирень. — Но, милый, мы не такъ богаты, чтобы держать прислугу.

— Но прежде у васъ было двѣ!

— Три,—поправилъ дядя.—Но тогда это стоило дешево. А, теперь, когда Пекинъ...

Они вошли въ первую комнату, очень небольшую и низкую.

— Это наша комната съ женой, а рядомъ — дѣтей.

Хун-лын-го вдругъ пришелъ въ восторгъ:

— Посмотри на потолоки: лѣпные! А это...

Онъ повернулъ кночку и комнату залилъ электрическій свѣтъ.

— А? Что? Каково?

Племянникъ ничего не отвѣтилъ. Онъ проголодался и думаль: скоро ли дадутъ закусить. Дядя какъ бы угадалъ его мысли и крикнулъ женѣ:

— Чудесная Бѣлая Сирень! А скоро ли обѣдь?

— Сейчасъ, только подотру полъ въ кухню.

— Развѣ вы такъ рано обѣдаете? — спросилъ гость. — Но когда же завтракаете?

— Мы совсѣмъ не завтракаемъ и не ужинаемъ, — сказалъ Хун-лын-го.

Онъ хлопнулъ по плечу племянника и добавилъ:

— Сейчасъ видно наивную провинцію, которая ѣсть десять разъ въ день. Нѣтъ, милый, здѣсь, когда Пекинъ... ушелъ такъ далеко...

— А мясо ушло еще дальше? — сострилъ племянникъ.

— Э-э, да ты юмористъ! Да, милый, теперь не то, что прежде. завтракать и ужинать могутъ только богачи.

Черезъ полчаса накрыли на столъ и сѣли обѣдать. Къ обѣду вышли двѣ дочери и сынъ Хун-лын-го. Они были одѣты въ какія-то жалкія кофты, словно кули.

— Ты не удивляйся, — сказалъ дядя: — это домашніе костюмы. Я не такъ богатъ, чтобы одѣвать ихъ хорошо и дома, когда плачу такъ дорого за квартиру и... но для выхода у нихъ есть превосходные костюмы.

Цзо-Цзунъ-Тану съ жадностью набросился на супъ, но послѣ первой же ложки сдѣлалъ ужасную гримасу.

— Дядя, что это? — наивно спросилъ онъ.

— Супъ, милый.

— Но изъ чего?

— А это настой изъ ивовыхъ листьевъ, подправленный крысинымъ жиромъ. Ты думалъ — мясной? О, для этого надо быть очень богатымъ!.. Но теперь... я одному швейцару плачу въ мѣсяць семь чоховъ, развѣ я могу ѣсть мясные супы?

Послѣ обѣда хозяинъ и гость отправились гулять, между тѣмъ, какъ дочери Хун-лын-го пошли на курсы, а сынъ въ манежъ, гдѣ учился ѣздѣ на велосипедѣ.

Хун-лын-го показалъ гостю достопримѣчательности Пекина.

— Смотри, — говорилъ онъ: — вотъ народный театръ. Онъ стоитъ больше милліона чоховъ, милліонъ... понимаешь? И это для народа!.. А это — залъ народныхъ чтеній... А вотъ это — библіотека для неимущихъ... Ну, что скажешь, было ли все это тогда, давно? А? Тогда никто и не думалъ о чтеніи какому-то кули, а теперь...

— Но тогда жили не въ ямахъ, дядя... И вы нанимали...

— Ну, ты все свое! Боже, какіе ретрограды эти провинціалы! Гляди: вотъ школа „всевозможной музыки“... Это...

— Послушайте дядя, — перебилъ Цзо-Цзунъ-Тану: — а гдѣ ресторанъ „Бѣлые Гуси“? Существуетъ еще онъ?

— Какъ же! Какъ же! — отозвался дядя: — но ты его не узнаешь теперь... Прежде онъ помѣщался въ маленькомъ флигелѣ, а теперь въ роскошномъ дворцѣ. Одинъ глупый мужикъ принялъ его за дворецъ богдыхана.

Отель „Бѣлые Гуси“, дѣйствительно, можно было принять за дворець.

— Зайдемъ, дядюшка! — предложилъ Цзо-Цзунъ-Тану.

— Какъ? Ты хочешь зайти, но зачѣмъ?

— Немножко перекусить, я... что-то опять проголодался.

— Но... но...

Но голодь такъ началъ мучить провинціала, что онъ чуть не бѣгомъ вбѣжалъ на лѣстницу. Дядя едва поспѣвалъ за нимъ.

Залъ ресторана былъ залитъ огнемъ. Всюду столы изъ чернаго дерева, бархатная мебель. Окна изъ мрамора. Лакеи по виду совсѣмъ „губернаторы“, какъ про себя подумалъ Цзо-Цзунъ-Тану.

Онъ сѣлъ на диванъ и сказалъ лакею:

— Дайте мнѣ жареной свинины съ бобами.

— Сколько?

— Порцію.

Хун-лын-го встревожился и прошепталъ, наклоняясь къ уху племянника:

— Развѣ у тебя такъ много денегъ?

— Нѣтъ... но развѣ это такъ дорого?

— Жареная свинина съ бобами? Конечно! Это могутъ ѣсть только богачи. Ты знаешь: порція стоитъ десять чювъ!

— Что-о? — закричалъ Цзо-Цзунъ-Тану и вскочилъ съ дивана. — Десять чювъ? Да это за двѣ туши у насъ.

И лакеи и буфетчикъ захохотали. Хун-лын-го покраснѣлъ.

— Ты не умѣешь себя держать. Здѣсь Пекинъ, а не Тьфу-Дзянь. Я уже говорилъ тебѣ. Вотъ что, — обратясь къ лакею, проговорилъ Хун-лын-го: — дайте намъ два бутерброда съ мышинными ушами и двѣ чашки теплой сахарной воды.

Цзо-Цзунъ-Тану проглотилъ два бутерброда, забывъ о дядѣ, и отхлебнулъ сладкой воды. Она ему не понравилась. Онъ былъ голодень, но дядя торопилъ его уходить.

Подали счетъ:

Два бутерброда съ мышинными ушами 2 цяна.

Двѣ чашки сладкой воды. 1½ ”

Итого. . 3½ цяна.

Провинціалъ былъ подавленъ этимъ счетомъ и поспѣшилъ уйти изъ роскошнаго отеля.

Нѣкоторое время дядя и племянникъ шли молча.

— А вотъ и „Европейскій магазинъ“ — сказалъ дядя, указывая на громадное зданіе.

Цзо-Цзунъ-Тану подумалъ и произнесъ:

— Зайдемте. Я куплю что-нибудь въ подарокъ вашей женѣ и дѣтямъ.

Дядя замахалъ руками:

— Сумасшедшій!—проговорилъ онъ.—Да ты развѣ миллионеръ?

— Я куплю здѣсь духовъ и...

— Нельзя! Нельзя! Флаконъ духовъ стоитъ здѣсь 16 чоховъ.

— Какъ! А я платилъ тогда...

— Да брось ты это „тогда“—разсерженно воскликнулъ дядя.—Тогда здѣсь стояла лавочка, а теперь дворецъ. Одной аренды 10 тысячъ чоховъ въ годъ. Понимаешь? А фонтаны? Э, да что говорить съ тобой.

— Но духи... такіе же, не лучше?

— Конечно, такіе же. Да вѣдь и свинина въ отелѣ прежняя. Но, пойми, весь этотъ комфортъ... ну, цивилизація, стоитъ чего или нѣтъ? Вотъ глупецъ!

Цзо-Цзунъ-Тану вдругъ разсердился.

— Ну, еще неизвѣстно, кто глупецъ: я или вы!.. Зачѣмъ я буду платить деньги за фонтаны, когда мнѣ нужны духи? Зачѣмъ мнѣ платить деньги за бархатные диваны, когда я хочу ѣсть свинину? Что мнѣ въ швейцарѣ или въ электричествѣ, если нужны комнаты? Если въ этомъ вашъ прогрессъ, то мнѣ не надо прогресса и цивилизаціи. Дайте мнѣ мяса и воздуха!.. Нѣтъ, я сегодня же уѣзжаю домой! Я буду лучше ѣздить въ телѣгахъ и обѣдать сытно, покупать въ лавочкахъ-конурахъ и имѣть двѣнадцать, а не одну рубашку, подниматься по лѣстницѣ, но жить въ семи комнатахъ, а вы оставайтесь въ Пекинѣ и на голодный желудокъ любуйтесь электричествомъ, мраморомъ, бархатомъ, ходите голыми по коврамъ и... и...

Онъ вскочилъ на ѣхавшаго мимо извозчика и закричалъ:

— Домой! Въ Тьфу-Дзянь!

Извозчикъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на Цзо-Цзунъ-Тану.

— Ты съума сошелъ!—воскликнулъ дядя и схватилъ его за руку.

На другой день Цзо-Цзунъ-Тану уѣхалъ домой и всю дорогу шепталъ:

— О, великій Конфуцій! Избавь Тьфу-Дзянь отъ цивилизаціи: пусть онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ и не идетъ никуда по пути прогресса!..

Перев. Амфилохій Устюжанскій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

(Отвѣты Редакціи и Конторы.)

А. Н. Михайловой — Варшава. Можетъ быть, мы задержали высылку №№ журнала за 1-е полугодіе. Но мы не знали точно, когда вы вернетесь и опасались, чтобы журналъ не пришелъ ранѣе вашего прибытія и не потерялся бы безъ васъ. Шлемъ вамъ и юному читателю наши сердечныя пожеланія.

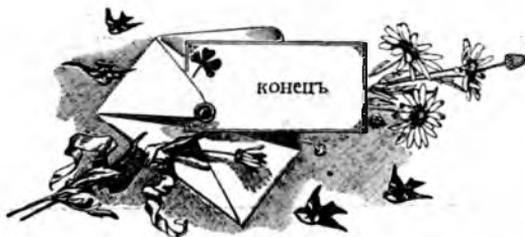
Не будутъ напечатаны: „Послѣ дождя“, „Эрато“ и „Дѣвушка и голубь“ стих. *Θ. Цив—ва*; „Въ минуты скорби“, „Молитвенное обращеніе къ Богу“ и др. стих. *Александра Лап—ва*; „Трудъ солнышка“ стих. *Гугуль—аго*.

Ст. Павлово—Жельзнодорожное 2-хъ кл. уч.—Ничего, что касается заявленій о прошломъ годѣ, мы теперь уже сдѣлать не можемъ: надо было заявить въ прошломъ году въ свое время о неполученіи училищемъ №№ „Маленькаго Свѣточа“.

С. Петрово, Херс. губ. свящ. Я. Васильковскому.—Контора, получивъ отъ васъ заявленіе о перемѣнѣ адреса, увѣдомляетъ, что за перемѣну адреса нужно выслать 25 коп. почтовыми марками.

Харламовой — ст. Милославское. — Редакція, получивъ отъ васъ заявленіе о неполученіи вами приложений при №№ Янв., Февр. и Апр., отвѣчаетъ, что при Янв. было приложение № 1 „Маленькаго Свѣточа“, при Февр. — „300-лѣтіе Царствованія Дома Романовыхъ“, приброшюровано въ концѣ книги, что и сказано на обложкѣ журнала, а при Апр. №—рѣ приложения совсѣмъ не было. Заявленіе о неполученіи „Маленькаго Свѣт.“ при № 1-мъ надо было сдѣлать сейчасъ же по получ. кн. журнала, а теперь мы можемъ выслать вамъ только заказн. бандеролью, для чего соблаговолите прислать 14 коп. почт. марками.

Секретарь редакціи **М. И. Орѣшникова.**

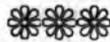

Редакторъ-Издатель **А. В. Кругловъ.**

Отъ комитета юбилейнаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей».

Группа представителей московскихъ литературныхъ, просвѣтительныхъ, ученыхъ и другихъ общественныхъ организацій, объединенная въ комитетъ юбилейнаго чествованія „Русскихъ Вѣдомостей“, рѣшила ознаменовать это общественное торжество учрежденіемъ вспомогательнаго фонда для литераторовъ и журналистовъ, присвоивъ ему наименованіе „Капитала имени Русскихъ Вѣдомостей“. Доходъ съ этого капитала будетъ обращенъ на выдачу ссудъ и пособій литераторамъ и журналистамъ, нуждающимся въ лѣченіи, отдыхѣ и въ расширеніи своихъ общихъ и специальныхъ знаній. Одинъ изъ лучшихъ способовъ удовлетворенія этихъ потребностей — поѣздки и путешествія — недоступенъ для громаднаго большинства русскихъ работниковъ печати. При существованіи ряда специальныхъ капиталовъ и организацій общественной и взаимной помощи нуждающимся литераторамъ и журналистамъ, этотъ видъ матеріальнаго содѣйствія въ Россіи еще не примѣнялся. Полагая поэтому, что созданіе такого рода помощи литераторамъ и журналистамъ явилось бы достойной формой ознаменованія юбилея „Русскихъ Вѣдомостей“, Комитетъ приступилъ къ сбору средствъ. Управленіе этимъ капиталомъ предполагается предоставить одному изъ литературныхъ Обществъ. Считаая необходимымъ одновременно отмѣтить въ благодарной памяти русскаго общества полустолѣтній трудъ типографскихъ рабочихъ „Русскихъ Вѣдомостей“, Комитетъ рѣшилъ часть собранныхъ средствъ употребить на учрежденіе одной или нѣсколькихъ стипендій, въ зависимости отъ суммы сбора, для дѣтей типографскихъ рабочихъ газетнаго дѣла, учащихся въ средней или высшей школѣ, присвоивъ этому капиталу наименованіе стипендіи имени „Русскихъ Вѣдомостей“.

Лица, желающія принять участіе въ этомъ дѣлѣ, благоволятъ вносить свои пожертвованія въ Москвѣ: 1) въ кассу Литературно-Художественнаго кружка (Б. Дмитровка, д. Востряковыхъ), 2) въ контору журнала „Вѣстникъ Воспитанія“ (Староконюшенный пер., д. 32), 3) въ московское отдѣленіе конторы журнала „Русская Мысль“ (Староконюшенный пер.); въ Петербургѣ: 1) въ контору журнала „Русская Мысль“, 2) въ контору журнала „Вѣстникъ Европы“, 3) въ контору газеты „Рѣчь“ и „Современное Слово“. Иногороднихъ просятъ направлять пожертвованія простыми почтовыми переводами на имя присяжнаго повѣреннаго Бориса Семеновича Шполянскаго (Москва, Кудринская площадь, д. 1, кв. 22).

А. В. Кругловъ.

МОЛИТВЕННИКЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

ЧТЕНІЕ

ОБЪ ОТЦѢ

ІоаннѢ Кронштадтскомъ.

(Его жизнь и значеніе для Церкви и народа.)

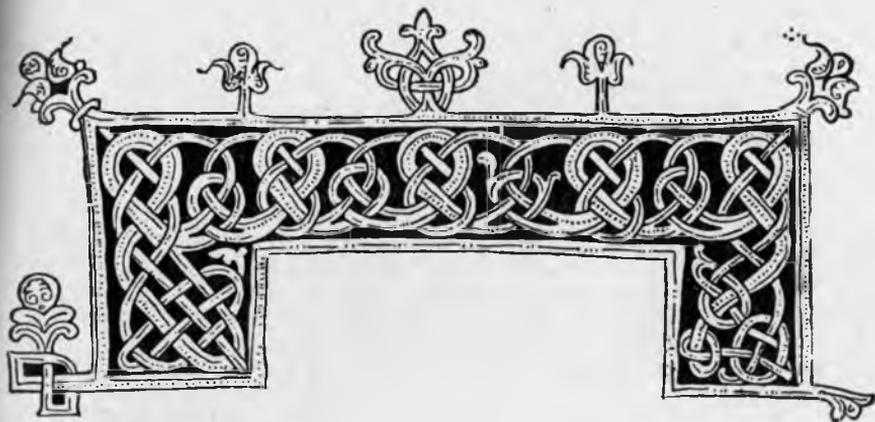

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
къ журналу
„СВѢТОЧЪ и ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“
за 1913 годъ.

+

Могила покойному
Александру Васильевичу
Кривошеину - в в. Знамен
Бригады Знаменского
и добродетельности
Кривошеину - Знамен
Сергиев
Кривошеину.

ВСТУПЛЕНІЕ.

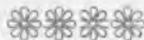
праведники служатъ примѣромъ и являются для насъ въ жизни путеводаителями надежными, наставниками вѣрными. Носители въ своемъ сердцѣ Христа,—они всѣхъ зовутъ ко Христу. Какъ бы ни былъ человѣкъ слабъ въ вѣрѣ, грѣшенъ по жизни.—онъ невольно благоговѣетъ передъ духовной красотой, ему отраднo знать, что въ этомъ мѣрѣ слабости и грѣха, есть люди крѣпкіе духомъ, пламенные по вѣрѣ, есть праведники. Они являются какъ бы представителями правды на землѣ, осуществленіемъ высокихъ, святыхъ мечтаній, упованій, которыми живетъ народъ въ своихъ религіозныхъ стремленіяхъ. Это умиляетъ, радуется и ободряетъ. И народъ тяготѣетъ къ праведникамъ, ища у нихъ опоры, утѣшенія и совѣта.

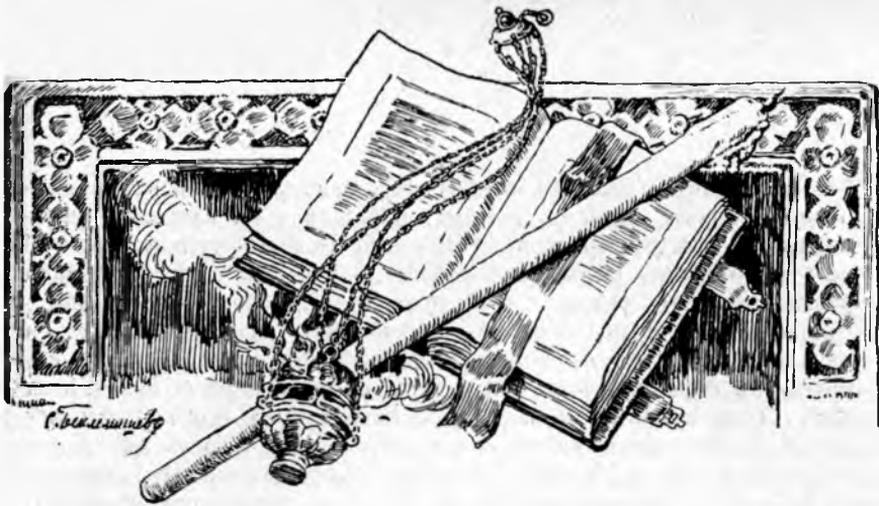
О. Іоаннъ Кронштадтскій былъ праведникомъ, молитвенникомъ народнымъ, носителемъ Христа въ сердцѣ своемъ, и его любилъ русскій народъ. Характерны слова одной паломницы: «Побудешь около о. Іоанна и словно на солнышкѣ погрѣнешся».

О. Іоаннъ почилъ. Но все, что онъ сдѣлалъ—передъ нами. Остались его поученія, и лучшимъ поученіемъ является его жизнь съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ до послѣдняго вздоха.

Познакомимся же съ его жизнью, полною любви и подвиговъ, вытекающихъ изъ этой любви. Пойдемъ вмѣстѣ съ о. Іоанномъ по пути его жизни, сроднимся съ нимъ думами, стремленіями. Пусть его любовь перельется въ наши сердца; пусть пламень его вѣры зажжетъ наши души...

Москва, 1911 г.

I.

а холодномъ сѣверѣ, по берегу рѣки Пинеги, раскинулось селеніе Сура. Тамъ, въ убогой избѣ, у псаломщика Пльи Сергіева, 19-го октября 1829 года родился сынъ Іоаннъ, будущій великій молитвенникъ, фамилія котораго Сергіевъ какъ бы неизмѣнно слилась съ наименованіемъ—Кронштадтскій. Въ семьѣ сурскаго псаломщика вѣяло духомъ старой Православной Руси.

Жизнь супруговъ была именно жизнью въ Богѣ: они вѣрили безъ сомнѣній, строго соблюдали всѣ церковныя установленія; мужъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ входилъ въ алтарь, жена въ страхъ Божию воспитывала дѣтей. Какъ сѣверная природа не только сурова, а и полна величавой красоты, такъ и жена псаломщика Сергіева, Феодора Власевна, была не только мать строгая, взыскательная, но и нѣжно-любящая, заботливая. Маленькій Ваня, родившійся ребенкомъ слабымъ, много разъ испытывалъ на себѣ всю нѣжность матери, заботившейся о немъ. Женщина простая, необразованная, но твердая въ вѣрѣ, онаставляла сына не столько словами, сколько своимъ примѣромъ. Онъ видѣлъ, какъ она трудилась безъ ропота; какъ при бѣдности охотно помогала еще болѣе нуждающимся. Мальчикъ росъ подъ добрымъ вліяніемъ родителей, рано полюбилъ храмъ, почувствовалъ жажду молитвы, проникся любовію къ ближнимъ. Самая природа, угрюмая, но величавая, не только ласкала его взоръ, но и пробуждала благоговѣніе къ Творцу въ его сердцѣ. Серьезный, вдумчивый, мальчикъ рѣдко принималъ участіе въ товарищескихъ играхъ. Въ то самое время, какъ дѣти обыкновенно беззаботно рвутъ цвѣты въ полѣ, ищутъ одиѣхъ за-

бавъ, маленькій Ваня съ особеннымъ чувствомъ любовался природой, ласково, какъ съ людьми, обращался съ каждымъ цвѣткомъ, съ каждой травкой... «Все это Божье,—думалъ онъ:—вездѣ, во всемъ Богъ, Его любовь...» То, что другихъ только развлекало, его умиляло и будило въ немъ недѣтскія думы... Скоро товарищи оцѣнили его любовь, его разсудительность, и начали обращаться къ нему для разрѣшенія споровъ между собою. Они обращались къ нему даже съ просьбами о молитвѣ за нихъ. Онъ молился, и часто дѣйствена была его горячая молитва. Отецъ, какъ умѣлъ, наставлялъ сына, читалъ ему Евангеліе, рассказы о Святыхъ, и мальчикъ съ восторгомъ слушалъ о Христѣ, о подвижникахъ, мученикахъ; сердце его преисполнялось святой любовью, въ душѣ росла молитвенная жажда, и уже въ самые ранніе годы онъ находилъ наслажденіе въ храмѣ; не міръ сказокъ, а міръ чудесъ—влекъ къ себѣ его воображеніе. Онъ жилъ въ области церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ, и его мысли были всегда о Богѣ. Замѣчательнъ фактъ изъ его жизни, когда ему было всего 6 лѣтъ. Однажды онъ молился ночью (а это онъ любилъ);—вдругъ вся комната освѣтилась, и онъ увидѣлъ Ангела. Онъ смутился. Но Ангелъ успокоилъ его, сказавъ: «я твой Ангелъ-хранитель, оберегаю и спасаю тебя».

На седьмомъ году мальчика посадили за азбуку. Грамота съ трудомъ давалась ему. Прошло три года, а онъ едва научился читать по складамъ. Между тѣмъ настало время для поступленія въ архангельское училище. На чужбинѣ его ждала опять матеріальная скудость, только она не скрашивалась тою любовью, какою онъ былъ окруженъ въ родной семьѣ. Но скудость его не пугала, онъ къ ней привыкъ. Его угнетало сознаніе малоуспѣшности. Вотъ теперь -то особенно и сказалось благотворное значеніе, вся сила молитвы, къ которой онъ былъ приученъ родителями... Одинокій на чужбинѣ, мальчикъ усердно молился Богу, открывая Ему свою скорбь, прося у Него помощи. И Богъ чудесно проявилъ ее. Однажды мальчикъ горячо молился ночью. Онъ весь углубился въ молитву, и вдругъ его точно всего потрясло. Словно завѣса спала съ глазъ, раскрылось пониманіе, укрѣпилась память. Онъ вспомнилъ всѣ объясненія учителя. Радостное чувство охватило мальчика, и впервые онъ заснулъ со спокойнымъ сердцемъ. На другой день онъ безъ запинки отвѣтилъ урокъ. Съ этого времени прежнихъ трудностей какъ не бывало, и Сергіевъ занялъ мѣсто среди лучшихъ учениковъ.

Минулъ годъ. Полный восторга возвращался Сергіевъ домой на первыя каникулы... Не только теперь, а и въ дальнѣйшіе годы этотъ длинный путь ему приходилось свершать пѣшкомъ. Онъ берегъ обувь и шелъ босымъ. Легкой и отрадной казалась ему дорога: сердце рвалось къ роднымъ, а душа была полна благоговѣйнаго умиленія. «Идешь, бывало,—разсказывать самъ о. Іоаннь, —горами, лѣсами, сосны поднимаютъ стройныя вер-

шины. Радостно и жутко... Богъ чувствуется въ природѣ. Со-сны кажутся колоннадами безграничнаго храма, надъ которымъ какъ куполь синѣетъ небо. Хочется молиться. Такъ свѣтло на душѣ, словно весь міръ бесѣдуетъ и возносить гимнь Богу. Идешь по землѣ, а мысль у Бога. Идешь и устали не чувствуешь».

Юный Сергіевъ кончилъ училище въ числѣ первыхъ и поступилъ въ семинарію. Здѣсь онъ былъ поставленъ старшимъ надъ пѣвчими. Это скорѣе могло повредить ему, нежели принести пользу. Но сильны были въ душѣ юнаго семинариста святые впечатлѣнія дѣтства, ярко горѣлъ пламень вѣры, велика была любовь къ матери, и онъ счастливо миновалъ всѣ пороги: поборолъ искушенія, и съ твердой опредѣленностью вступилъ на стезю, ведущую къ Богу. Онъ весь отдался изученію богословскихъ наукъ и богомыслію. Незадолго до окончанія курса въ семинаріи, ему было снова видѣніе. Представился ему храмъ, только что отстроенный, съ богатымъ иконостасомъ. Юноша старался постигнуть смыслъ видѣнія, но не могъ. Жизнь потомъ дала ему разъясненіе.

Религиозно-настроенный, со строго выработаннымъ взглядомъ на жизнь и обязанности человѣка, окончилъ Ивашъ Сергіевъ семинарію, о которой вспоминалъ всегда съ любовію. Рѣчь, сказанная имъ на актѣ, свидѣтельствовала о тѣхъ благодарныхъ чувствахъ, которыя онъ питалъ къ наставникамъ. Въ одно изъ своихъ посѣщеній Архангельска, уже будучи протоіереемъ Андреевскаго собора, о. Іоаннъ, послѣ бесѣды съ ректоромъ, отправился въ семинарскій садъ, отыскалъ дерево, подъ которымъ любилъ готовить уроки, остановился передъ нимъ, снялъ шляпу и любовно потрогалъ его руками. Онъ выказалъ радость, словно встрѣтилъ своего бывшего товарища. Любящее и привязчивое сердце было у о. Іоанна.

Окончивъ семинарію, лѣто 1849 года онъ провелъ на родинѣ, а осенью былъ отправленъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію на казенный счетъ, какъ лучший ученикъ семинаріи.

Въ первый же годъ пребыванія въ Академіи, ему было предложено мѣсто академическаго письмоводителя съ десятирублевымъ вознагражденіемъ въ мѣсяць. Какъ письмоводитель, онъ могъ пользоваться отдѣльной комнатой. Это было для него большою радостью. Онъ сталъ посылать все жалованье матери, желая хотя чѣмъ-нибудь отплатить ей за ея заботы. Отдѣльная комната дала ему возможность всецѣло отдаться чтенію, и, что было для него важнѣе всего, усиленной молитвѣ. Онъ съ особенной любовью читалъ Библію и Толкованіе Златоуста на Евангеліе отъ Матвея. Онъ чувствовалъ себя какъ бы въ числѣ слушателей славнаго проповѣдника, ясно видѣлъ его фигуру передъ собою и слышалъ его голосъ. Молитва являлась для Ивана Ильича самой сильной поддержкой въ тѣ тяжелыя минуты упад-

ка духа, которыя невольно приходится переживать всякому. Она окрыляла его, несла отраду и приближала его къ Богу. Какъ и въ семинаріи, Иванъ Ильичъ держался очень серьезно, избѣгалъ развлеченій, относился къ товарищамъ просто, искренно, но любилъ съ ними бесѣдовать только по вопросамъ, близкимъ его сердцу: о задачахъ жизни, о служеніи на пользу ближнихъ, о борьбѣ со зломъ... Въ своихъ бесѣдахъ онъ постоянно высказывалъ мысль, что лучшее средство во всякой борьбѣ—высокое христіанское смиреніе. Въ послѣднее время своего пребыванія въ Академіи онъ все болѣе и болѣе останавливался мыслью на темнотѣ народной... Онъ скорбѣлъ о язычникахъ, не озаренныхъ свѣтомъ Христова ученія, его влекло къ нимъ для евангельской проповѣди, но онъ также сознавалъ, что и большинство христіанъ, живущихъ тутъ же въ столицѣ, около нея, и на всемъ русскомъ просторѣ, немногимъ болѣе язычниковъ понимаетъ духъ Евангелія и нисколько не выше ихъ по своей жизни. У Ивана Ильича начало крѣпнуть рѣшеніе послужить родному народу въ санѣ іерея... Протоіерей Андреевскаго Кронштадтскаго собора, Несвицкій, уходилъ на покой и искалъ себѣ замѣстителя. Выборъ палъ на Ивана Ильича. Онъ принялъ предложеніе, обвѣнчался съ Елизаветой Константиновной Несвицкой, и 12-го декабря 1854 года былъ рукоположенъ въ іереи. Это не было случайностью, хотя, повидимому, произошло все случайно. Здѣсь сказался Божественный Промыселъ, который одного великаго служителя алтаря послалъ въ далекую Японію на проповѣдь къ язычникамъ, а другому назначилъ быть протоіереемъ Андреевскаго собора. Въ неслучайности своего назначенія въ Кронштадтъ о. Іоаннъ убѣдился въ первое же посѣщеніе Андреевскаго собора, въ которомъ раньше никогда не бывалъ. Войдя въ соборъ, о. Іоаннъ остановился пораженный: это былъ именно тотъ храмъ, который ясно обрисовался ему нѣкогда въ его видѣніи. Онъ съ благоговѣйной покорностью призналъ указаніе свыше и понялъ, что именно здѣсь назначено ему потрудиться на пользу народа и Церкви, въ санѣ служителя алтаря Господня. И началась новая жизнь, началась служба кронштадтскаго іерея, полная трудовъ, подвиговъ, непрестаннаго молитвеннаго горѣнія передъ Богомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ очерку священнической службы и жизни о. Іоанна, поищемъ поучительныхъ уроковъ въ разсказанномъ о его дѣтствѣ и юности. Не только вѣдь дальнѣйшая, а и эта ранняя пора его жизни назидательна.

Чему же учать насъ ранніе годы жизни о. Іоанна? Прежде всего тому, что въ воспитаніи важень примѣръ родителей, важна ихъ жизнь. Родители о. Іоанна были религіозны, вели жизнь христіанскую. Они были бѣдны и неустанно трудились. Они нуждались и не роптали. Вѣдь Илья Сергіевъ не принадлежалъ къ тѣмъ псаломщикамъ, для которыхъ ихъ служба въ церкви только хлѣбная должность, только необходимая казенная обязанность, которую можно исполнять небрежно, безъ участія души

Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ.

Домъ Трудолюбія въ Кронштадтѣ.

и сердца. Нѣтъ, онъ съ благоговѣніемъ входилъ въ храмъ и съ трепетомъ вступалъ въ алтарь. Онъ служилъ Богу за со-вѣсть и, призывая чтеніемъ другихъ къ молитвѣ, молился и самъ. Къ такому отношенію онъ приучилъ и сына, который видѣлъ въ служащемъ іереѣ ангела, стоящаго у Господняго Престола. И мать и отецъ постоянно говорили сыну о Богѣ, о Святыхъ, отъ раннихъ дней научали его любить храмъ, сроднили его съ Евангеліемъ, пробудили въ немъ жажду молитвы: даже ночью любилъ онъ молиться. Очевидно, онъ учился изъ примѣра. Но чему могутъ научить родители, если у нихъ самихъ нѣтъ ни любви къ храму, ни потребности постоянной молитвы, ни благоговѣйнаго отношенія къ святынямъ! Жизнь, полная суетности, матеріальныхъ заботъ, чуждая религіозной настроенности, не кладетъ въ душѣ ребенка того фундамента, на которомъ строится храмъ Богу. А вѣдь часто въ семьѣ изъ обихода совсѣмъ изъята молитва, и ничто не говоритъ о Богѣ. Вѣдь заявляютъ же иные, что нечего ребенка водить въ церковь и учить молитвамъ. И вотъ все раннее воспитаніе о. Іоанна опровергаетъ это и говоритъ ясно, какъ важно, чтобы дѣти сроднились съ храмомъ, привыкли молиться; говорить ясно и о томъ, что родители должны зорко смотрѣть за собою, дабы ихъ примѣръ былъ благотворенъ. О. Іоаннъ, проявившій горячую любовь къ ближнимъ, спѣшившій къ нимъ на помощь, видѣлъ эту же любовь у своихъ родителей, которые всегда чутко отзывались на чужое горе, на чужую нужду. Все доброе, усвоенное въ дѣтствѣ, отзывается послѣ. Самъ о. Іоаннъ признавался, что прежде всего въ дѣтствѣ согрѣло его сердце къ Богу Святое Евангеліе. Оно было всегда съ нимъ и въ училищѣ. Не даромъ говорятъ: читать Евангеліе—значить ходить со Христомъ. Вотъ почему о. Іоаннъ всегда и ходилъ со Христомъ. Теперь понятно, отчего онъ избѣжалъ всего того, чего не могли избѣжать другіе, воспитанные иначе; понятно его отношеніе къ Церкви и къ сану іерея. Въ то время какъ другіе посвящали досуги всевозможнымъ развлеченіямъ, онъ свои досуги посвящалъ богомыслию и молитвѣ. А отъ этого складывался и иной духовный обликъ. Юный студентъ мечталъ не о доходномъ мѣстѣ, а о служеніи народу въ санѣ іерея, болѣлъ о темнотѣ народной, обо всѣхъ, лишенныхъ свѣта Христова. Замѣьте еще: большинство юношей покидаютъ школу съ ненавистью, съ укоромъ. А о. Іоаннъ? Онъ съ любовью вспоминаетъ семинарію, благодаритъ наставниковъ, а кончивъ Академію, пишетъ въ дневникѣ своемъ: «Обильно открылъ Ты мнѣ, Господи, истину Твою и правду Твою». Вѣдь школа-то та же самая: но онъ ее благодаритъ, а другіе укоряютъ. На о. Іоаннѣ мы видимъ, что вездѣ и во всемъ важно наше собственное отношеніе, наша собственная настроенность. Есть люди благодарные и есть люди всѣмъ недовольные! Есть люди, ищущіе во всемъ одно хорошее, и есть люди, ищущіе во всемъ одно дурное. Но вѣдь началу такому отношенію о. Іоанна ко всему

О. Іоаннъ въ концѣ 70-хъ годовъ.

Феодора Власѣвна, матъ о. Іоанна.

было положено родителями, простая благодатная жизнь которых была полна примѣровъ любви и благодарности къ Богу и людямъ.

Естественно, что принявъ санъ іерея, о. Іоаннъ взглянулъ на предстоящее ему поприще иначе, чѣмъ смотрятъ многіе, не имѣющіе его идеаловъ и его душевной настроенности, выросшіе въ иныхъ условіяхъ дома. Онъ забылъ о правахъ, о доходахъ, принялъ только обязанности и пошелъ на подвигъ. И потому-то не остался лишь протоіереемъ Андреевскаго собора, а сдѣлался великимъ священникомъ и свѣтильникомъ Земли Русской.

II.

ронштадтъ въ то время находился въ особыхъ условіяхъ: онъ былъ мѣстомъ высылки порочныхъ людей, неспособныхъ къ труду, былъ городомъ бѣдности. Въ глухихъ улицахъ, въ подвалахъ, на чердакахъ и въ землянкахъ ютились эти несчастные, которыхъ называютъ отбросами общества. Никто не требовалъ отъ молодого священника, чтобы онъ отдалъ всю свою любовь этимъ отбросамъ и ради бѣдноты забылъ свое личное семейное благополучіе. Но о. Іоаннъ со своимъ высокимъ взглядомъ на іерейство, съ горячей любовью къ ближнимъ, не могъ оставаться только совершителемъ требъ. «Счастливыхъ семей, — сказалъ онъ женѣ, — и безъ насъ довольно. А мы съ тобой посвятимъ себя на служеніе Богу». У о. Іоанна слово не расходилось съ дѣломъ. Опредѣливъ свой путь, призвавъ на него и жену, онъ твердо пошелъ по этому пути. Обитатели грязныхъ чердаковъ и сырыхъ подваловъ почти совсѣмъ не видѣли у себя священниковъ, которые не заходили къ нимъ даже съ крестомъ въ праздничные дни. Отставшіе отъ Церкви, огрубѣвшіе душою, несчастные проводили жизнь въ грязи душевной и физической, переставъ считать грѣхами воровство и развратъ. Лишенные благодатнаго свѣта, не знавшіе ласки, они очерствѣли и озлобились. И вотъ въ это царство тьмы, къ дѣтямъ нужды, скорби и грѣха явился священникъ Бога Живого. Не пугаясь физической грязи, жалѣя грѣшниковъ, съ любовью и ласковымъ словомъ спускался онъ въ подвалы, поднимался на чердаки, проникалъ въ землянки и, какъ солнечный лучъ, вносилъ всюду свѣтъ и тепло.

Онъ любилъ человека-брата и хотѣлъ спасти его. Къ несчастнымъ и забытымъ онъ шелъ безъ зова, не съ требой на нѣсколько минутъ; нѣтъ, цѣлыми часами онъ оставался въ ихъ

О. Іоаннъ въ 80-хъ годахъ.

лачугахъ, бесѣдоваль, благовѣствоваль, утѣшалъ, ободрялъ страдающихъ и скорбящихъ, молился за недужныхъ. Все это было такъ необычно, и сначала его встрѣчали недовѣрчиво, многие даже грубо. Побѣдить озлобленныхъ не такъ-то легко. О. Іоаннъ избралъ мудрый путь св. Леонтія. Онъ призвалъ въ союзники себѣ дѣтей, и они смягчили сердца взрослыхъ, сроднили ихъ съ пастыремъ. Дѣти довѣрчиво шли на ласку священника, льнули къ нему, а за ними потянулись ихъ родители и родственники. Они оживали отъ ласки, согрѣвались отъ любви, которой жаждали, но ни у кого не находили. Искренняя любовь разбила подозрительность, безкорыстіе молодого священника было оцѣнено; несчастные поняли, что передъ ними воистину служитель Божій, и они безбоязненно начали открывать ему свои душевныя язвы и скорби. Они не только радостно его встрѣчали, но уже и сами шли къ нему, искали его, обращались къ нему съ просьбами. Онъ цѣлилъ души и помогалъ въ матеріальной нуждѣ, нерѣдко дѣлясь послѣднимъ дугривеннымъ. Не одинъ разъ онъ возвращался домой босымъ, отдавъ сапоги нуждающемуся. Многие осуждали его за такіе поступки, называя ихъ юродствомъ. Но находились и такіе, которые въ своей простотѣ понимали любовь молодого священника. Они покупали ему сапоги и приносили женѣ его, говоря: «Возьми вотъ... твой отдай имъ, не ходи же ему такъ».

Весь день о. Іоаннъ проводилъ въ молитвѣ и въ служеніи ближнимъ. Изъ храма утромъ онъ отправлялся къ больнымъ, скорбящимъ—для молитвы за нихъ и для помощи имъ. Часто ему не удавалось даже и пообѣдать: только что вернувшись домой, чтобы немного подкрѣпиться пищею, онъ снова шелъ на чей-нибудь зовъ.

— Но ты еще ничего не ѣлъ, усталъ,—заботливо напоминала жена.

— Нужда не ждетъ, боль тяжела, — возражалъ о. Іоаннъ, и уходилъ туда, куда звала его жалость любящаго сердца.

Кончивъ посѣщенія въ Кронштадтѣ, онъ часто, не заходя на квартиру, прямо отправлялся въ Петербургъ или въ ближайшія мѣстности: Ораниенбаумъ, Петергофъ, и возвращался домой уже ночью. Вотъ теперь онъ подкрѣплялся немного пищею, потомъ молился и отходилъ ко сну, чтобы рано подняться къ утренней церковной службѣ. А иногда онъ совсѣмъ не ложился спать, молясь всю ночь. Молитва для него была тѣмъ источникомъ, въ которомъ онъ почерпалъ свою удивительную энергію, необычайную силу для подвижническаго служенія. Онъ молился въ храмѣ, дома и въ пути. Поздно вечеромъ, между 11-ю—12-ю часами, онъ любилъ ходить по улицамъ города. Въ это время онъ предавался внутренней углубленной молитвѣ. Возвращаясь домой, иногда онъ заходилъ «на огонекъ». «Не спать: можетъ быть, горе», думалъ о. Іоаннъ. И часто онъ являлся какъ разъ въ такую минуту, когда нужно было слово утѣшенія и ласки.

«У многихъ, — замѣчаетъ одинъ изъ хорошо знавшихъ Кронштадтскаго пастыря, — впервые затепливался огонекъ въ душѣ послѣ такого вечерняго, или, вѣрнѣе, ночного поспѣшенія о. Іоанна». Вѣдь какъ важно, чтобы въ трудную минуту жизни явилась поддержка. Одно доброе, ласковое слово — и часто человекъ спасенъ... О. Іоаннъ вдумчиво вглядывался въ людей, и его любящее, болѣвшее за всѣхъ сердце чутко угадывало чужое горе. Разъ онъ проходилъ по саду, въ которомъ на скамьѣ сидѣла дѣвушка. Несчастная рѣшила покончить съ собою и обдумывала, какъ привести въ исполненіе свой ужасный планъ. Печальное лицо дѣвушки поразило о. Іоанна; онъ увидѣлъ, что она страдаетъ и уже не могъ безучастно пройти мимо. Дѣвушка поднялась съ мѣста, чтобы удалиться, но онъ остановилъ ее словами: «Я, кажется, помѣшалъ вамъ... извините... но я вижу, что у васъ большая скорбь... не стѣсняйтесь меня... откройте мнѣ ваше горе... я вѣдь священникъ... Можетъ быть, Господь, черезъ меня, грѣшнаго, и утѣшитъ васъ!» Тронутая такимъ необычнымъ участіемъ, дѣвушка заплакала, открыла свою ужасную тайну, и какъ отцу, излила всю скорбь своего изстрадавшагося сердца. О. Іоаннъ ободрилъ ее, утѣшилъ, нашепталъ выходы изъ тяжелаго положенія, указалъ путь жизни и спасъ отъ смерти. Никогда она потомъ не могла забыть этихъ минутъ и ласковыхъ словъ пастыря, воскресившаго ее для новой жизни.

О. Іоаннъ вообще держался очень просто. Посѣтитъ бѣдную семью — видитъ некому сходить даже за съѣстными припасами: мать больна, дѣти — малы и плачутъ отъ голода. Онъ, какъ добрая хозяйка, приберетъ все въ комнатѣ, потомъ отправляется въ лавку, покупаетъ провизію, приноситъ изъ аптеки лекарство, если надо — приводитъ доктора. Обласкавъ дѣтей, утѣшивъ мать, помолвившись за нихъ, и отдавъ все, что у него было, онъ уходитъ радостный, съ упованіемъ, что Богъ пошлетъ ему средства для дальнѣйшей помощи нуждающимся. Если надо было хлопотать за кого-нибудь насчетъ работы или мѣста, о. Іоаннъ просилъ, молилъ, неотступно докучалъ имущимъ и властямъ. Онъ жилъ не для себя, а для другихъ, дѣлами подтверждая свои слова: «Я — священникъ, значитъ, я принадлежу другимъ, а не себѣ». Такая жизнь непонятна для большинства, чрезмерно занятаго личными заботами. Это большинство не могло понять пастыря и находило многое его поступки странными. И то, что должно вызывать благоговѣніе, нерѣдко вызывало смѣхъ и осужденіе. О. Іоаннъ не обращалъ вниманія на зарождающуюся вражду къ нему. Онъ молился, благотворилъ, утѣшалъ и цѣлилъ. Его извѣстность начала расти и перешла за предѣлы Петербурга: Кронштадтскаго пастыря уже знали во многихъ городахъ и селеніяхъ. Со всѣхъ концовъ земли Русской потянулись къ нему бѣдные, скорбящіе, недужные, ища помощи, совѣта и цѣленія. Помощь раздавалась «широкою мѣрой», исцѣленія совершались. И вотъ, въ большомъ приморскомъ городѣ, самымъ извѣстнымъ

О. Іоаннъ среди народа.

Пароходъ „Св. Николай Чудотворецъ“.

домомъ сдѣлался маленькій флигелекъ Кронштадтскаго іерея: его дворъ былъ переполненъ толпою народа, этотъ народъ переполнялъ и Андреевскій соборъ, когда служить о. Іоаннь.

Послѣ обѣдни о. Іоанна окружали всѣ скорбящіе и обремененные; онъ выслушивалъ ихъ признанія, слезныя мольбы, близко принималъ къ сердцу скорби, участливо откликался на нихъ и нерѣдко слезы струились по его лицу. Иногда просьбы выражались шопотомъ, трепетными устами. Иногда грустный, молящій взоръ говорилъ сильнѣе всякихъ словъ. О. Іоаннь сразу понималъ горе, чуткое къ страданіямъ сердце его проникалось глубокою жалостью. Онъ спѣшилъ утолить душевную боль, помочь матеріально. Одинъ за другимъ длинной вереницей проходили люди съ различными нуждами и никто не уходилъ не утѣшенный, не обласканный, обдѣленный; многіе плакали, но уже не слезами скорби, а слезами умиленія и благодарности къ доброму пастырю. И выходилъ онъ изъ храма, окруженный со всѣхъ сторонъ толпою благоговѣнно любящаго его народа.

О. Іоаннь началъ получать массу писемъ и телеграммъ. Его вызывали къ себѣ больные, живущіе за сотни верстъ. У него просили заочныхъ молитвъ. Онъ никому не отказывалъ: съ любовью встрѣчалъ приходившихъ къ нему, ѣхалъ къ тѣмъ, которые не могли прибыть въ Кронштадтъ, но жаждали видѣть его. По мѣрѣ того, какъ росла извѣстность Кронштадтскаго пастыря и крѣпла къ нему народная любовь, множились и усиливались вражда и зависть, старавшіяся очернить того, кто своей неустанной дѣятельностью обличалъ лѣнливыхъ, пламенной вѣрой своей какъ бы отгвнялъ маловѣріе многихъ, а горячей любовью— холодныхъ и равнодушныхъ. Кронштадтскій пастырь по своей духовной чистотѣ, по безкорыстію, являлся живымъ укоромъ мелкому самолюбію, мертвенности духа. Горькую чашу пришлось испить пастырю-подвижнику. Во дни этихъ тяжелыхъ испытаній онъ на дѣлѣ подтвердилъ свою мысль о смиреніи въ борьбѣ со зломъ. Покорно принялъ онъ всѣ гоненія, молился за враждующихъ на него, при всякомъ случаѣ проявлялъ къ нимъ свою любовь. Онъ вѣрилъ въ побѣду добра. «Христосъ побѣдитъ!» Это было его упованіемъ, и не постыдилъ Богъ упованій своего служителя. Вражда обвиняла и хулила, а любовь оправдывала и прославляла. Въ глазахъ всего народа выросалъ и выяснялся кроткій и величавый обликъ молитвенника-пастыря, дѣлался все болѣе и болѣе близкимъ и дорогимъ каждому сердцу. «Отецъ Іоаннь Кронштадтскій!» Это имя выдѣлилось изъ всѣхъ извѣстныхъ именъ, стало роднымъ для народа и въ каждомъ уголкѣ Россіи произносилось съ благоговѣніемъ, какъ имя праведника, на дерзновенную молитву котораго уповали скорбящіе и недужные. Портреты о. Іоанна можно было встрѣтить въ роскошныхъ кабинетахъ и въ крестьянскихъ избахъ. Они помѣщались на почетномъ мѣстѣ, у многихъ рядомъ съ портретами Царя, ибо народъ видѣлъ въ немъ молитвенника о Царѣ и

Россіи. Не только слышать, но даже только видѣть о. Іоанна многіе считали за счастье. Съ умиленіемъ рассказывала одна женщина: «Бѣхаль онъ, батюшка, по чугункѣ... а я шла стороной на богомолье. Онъ въ окошечко посмотрѣлъ; я поклонилась; онъ благословилъ меня и ласково глянулъ, словно ангель Божій. Душенька моя такъ и встрепенулась». Старуха была счастлива и не могла безъ слезъ рассказывать о своей встрѣчѣ «съ батюшкой». И не только простые люди, въ родѣ этой богомолки, а и сановники, люди просвѣщенные дорожили посѣщеніемъ о. Іоанна, высоко цѣнили его и благоговѣли передъ нимъ. Многіе священники считали за счастье и честь служить въ храмѣ съ о. Іоанномъ, по его приглашенію. Имя о. Іоанна дѣлается извѣстнымъ за-границей, и къ нему проникаются уваженіемъ люди другой вѣры. Одинъ изъ ревностныхъ католиковъ, знаменитый профессоръ Нусбаумъ, съ глазами, горѣвшими юношескимъ огнемъ, восхищеннымъ голосомъ воскликнулъ: «О. Іоаннъ, это настоящій святой!» Съ просьбами о молитвѣ обращались къ о. Іоанну изъ разныхъ странъ Западной Европы: обращались и взрослые и дѣти, при чемъ письма послѣднихъ, полныя умиленной наивности и горячей вѣры, трудно читать безъ душевнаго волненія. Обаяніе личности Кронштадтскаго пастыря росло, можно сказать, съ каждымъ днемъ, и злоба стихала, клевета боязливо пряталась, сознавая свое безсиліе, свое пораженіе. Но наивысшимъ торжествомъ о. Іоанна явилась Державная оцѣнка его дѣятельности, его личности: «Народъ любитъ васъ потому, что знаетъ, кто вы и что вы для него». Это сказалъ на смертномъ одрѣ Императоръ Александръ III. Онъ какъ бы подтвердилъ мысль всей Православной Россіи, для которой о. Іоаннъ давно уже сталъ не только простымъ пастыремъ Кронштадтской церкви, но общимъ молитвенникомъ, цѣлителемъ, народнымъ героемъ, батюшкой для всѣхъ, духовнымъ свѣтильникомъ, великимъ іереемъ земли Русской. Вся Россія, какъ бы стала его приходомъ и весь православный народъ его паствою. Эта паства жаждала его видѣть, молиться съ нимъ вмѣстѣ, но вѣдь не всѣ могли посѣтить Кронштадтъ. И вотъ о. Іоаннъ началъ объѣзды своего всероссійскаго прихода, посѣщая разные города, селенія, совершалъ службы въ храмахъ, уча народъ, неся цѣленія болящимъ, утѣшенія печальнымъ. Куда бы онъ ни пріѣзжалъ, вездѣ его ждали какъ свѣтлаго ангела-утѣшителя, какъ дерзновеннаго молитвенника. Народъ стекался тысячами на вокзалы, на пристани, сопровождалъ его по городу, наполняя храмы. Епископы какъ бы стѣснялись высказывать свое первенство передъ нимъ, представители свѣтской власти оказывали ему знаки глубокаго почтенія. Но онъ оставался попрежнему простымъ, доступнымъ, ласковымъ ко всѣмъ и держался одинаково какъ съ богатыми, сановниками, такъ и съ рабочими, крестьянами и нищими.

Говоря о массахъ народа, встрѣчавшихъ и провожавшихъ о. Іоанна, нужно не забывать, что теперь уже не только простая

толпа искала его, но люди всякаго званія, образованія, положенія и возраста спѣшили къ нему, окружали его, ждали его благословенія, радовались его улыбкѣ, ловили каждое его слово. Тутъ бывали, по словамъ кievскаго профессора, и люди науки, и чернорабочіе, учителя и студенты, господа и ихъ прислуга; были нарядныя барыни и убого одѣтыя работницы. Шли изъ подваловъ, хатъ, изъ роскошныхъ палатъ и дворцовъ; смѣшивались представители различныхъ религій и національностей. Смирялись гордые, поднимались падшіе. Всѣ стремились къ нему какъ къ представителю Божьей правды, въ присутствіи котораго оживлялось сердце, пробуждалась совѣсть, воскресали всѣ лучшіе порывы души. Народное настроеніе сообщалось и о. Іоанну. Забывая усталость, онъ стремился навстрѣчу народному воодушевленію, свѣтло улыбался и ликующе, какъ-то пасхально, можно сказать, обращался къ народу: «Здравствуйте, друзья мои! Здравствуйте, милые, дорогіе мои!» Проявленія сердечной любви глубоко трогало его, онъ радовался этому, какъ духовному пробужденію, какъ отклику на то доброе, къ чему онъ призывалъ всѣхъ въ своихъ поученіяхъ и бесѣдахъ. Не было возможности, если бы мы захотѣли, описать подробно всѣ поѣздки о. Іоанно по его всероссійскому приходу, описать всѣ тѣ умилительныя потрясающія сцены, какія происходили при этомъ.

Ежегодно о. Іоаннъ посѣщалъ родной уголокъ, мѣсто первыхъ откровеній Божьихъ. Это было и паломничество на могилу отца (мать о. Іоанна погребена въ Кронштадтѣ), и свиданіе съ родственниками, и краткое отдохновеніе на мѣстѣ первыхъ дѣтскихъ впечатлѣній. Родственники о. Іоанна — сестры и племянники — вели обычную жизнь сельчанъ, одѣваясь по-крестьянски. Если о. Іоаннъ со всѣми держался просто, то здѣсь эта простота превращалась какъ бы въ чисто родственное отношеніе къ сурьянамъ, которые считали о. Іоанна «своимъ» и относились къ нему съ наивнымъ простодушіемъ. Они вводили его въ интересы своихъ житейскихъ мелочей, призывали его на разборъ своихъ семейныхъ дѣлъ, — и онъ осматривалъ ихъ хозяйство, сдѣланныя покупки, давалъ совѣты по укладу жизни.

Когда-то Сура была бѣднымъ селеніемъ. Но благодаря заботамъ и помощи о. Іоанна она обстроилась и стала походить на маленькій уѣздный городокъ. Рядомъ съ прежней убогой церковью во имя святого Николая Чудотворца выстроенъ новый величественный храмъ во имя того же святителя, высятся красивое зданіе школы, создава женская обитель, возникъ скитъ, выстроены монастырскіе заводы. Если постройки украсили Суру съ вѣшней стороны, то женская обитель явилась духовнымъ украшеніемъ, свѣтильникомъ въ глухомъ краю. О. Іоаннъ любилъ свой сѣверный монастырь и утѣшался чистою жизнью инокинь, образцовымъ порядкомъ обители. Насельницы ея собрались на добровольные подвиги со всѣхъ концовъ Россіи — и между прочимъ изъ Кронштадта и Петергофа. Высоко настроенныя, онѣ несли ревниво всѣ по-

На общей исповѣди.

Похороны о. Иоанна.

слушанія. О. Іоанну было отрадно отдохнуть нѣсколько дней среди сестеръ обители, нашедшихъ счастье въ самоотверженномъ служеніи Богу. А для нихъ прїѣздъ о. Іоанна являлся настоящимъ праздникомъ.

Вернувшись въ Кронштадтъ, о. Іоаннъ принимался за свою обычную службу, встрѣчалъ приходившихъ богомольцевъ, стремившихся къ нему на общую исповѣдь, для молитвы вмѣстѣ съ нимъ, для душевнаго облегченія и тѣлеснаго исцѣленія по его молитвамъ. Общая исповѣдь представляла изъ себя потрясающую картину. Когда о. Іоаннъ обращался къ народу передъ исповѣдью, его слова прожигали сердце. О. Іоаннъ не былъ ораторомъ, но его рѣчь обладала могучей силой, потому что каждое его поученіе было не что иное, какъ откровеніе его пламеннаго сердца и его вѣрованій. Онъ близко подходилъ къ тому, что апостолъ Павелъ въ проповѣди называетъ явленіемъ духа и силы. И когда о. Іоаннъ обращался къ кающимся, въ его словахъ слышались скорбь, любовь и радость о томъ, что вотъ они—тати, развратники, пьяницы, чревоугодники—пришли въ духовную лечебницу, чтобы врачевать поканіемъ свою душу, омыть слезами грѣхи, соединиться со Христомъ въ таинствѣ причащенія. Когда начиналась общая исповѣдь, въ соборѣ поднимались стоны и плачь. Забывая ложный стыдъ, люди исповѣдывали свои грѣхи. Нельзя выразить словами того, что переживалось сердцами въ это время. Я только скажу, что я никогда въ жизни не молился такъ, какъ здѣсь и никогда такъ не калялся, какъ на этой общей исповѣди. Я не приготовился къ ней, не говѣлъ, какъ это обычно принято, но я раскрылъ свою душу передъ Богомъ, какъ не могъ никогда ранѣе ни на одной исповѣди, къ которой готовился недѣльнымъ говѣніемъ. Все земное ушло прочь. Пропало всякое стѣсненіе, исчезъ всякій страхъ и чувствовалась только потребность высказать все то, что тяготило душу, чѣмъ она болѣла. Ощущалось присутствіе какой-то высшей благодатной силы, и когда о. Іоаннъ сталъ читать разрѣшеніе отъ грѣховъ, и все опустилось на колѣни, я, если такъ можно выразиться, потерялъ сознание, гдѣ я нахожусь. Я, словно, былъ куда-то восхищенъ и не о. Іоаннъ, а какъ бы кто-то иной, и не здѣсь на землѣ давалъ мнѣ разрѣшеніе. Я прїѣхалъ съ удрученной душою и съ омраченнымъ сердцемъ и вотъ послѣ исповѣди и причащенія я воскресъ и возродился. Я какъ бы сбросилъ камень съ души, который тяготилъ меня годы. Я пришелъ съ больной душою и получилъ исцѣленіе. Не только я одинъ, а многіе исцѣленными возвращались изъ Кронштадта домой. Они дѣлились своими впечатлѣніями на родинѣ, и ихъ рассказы привлекали новыя народныя волны въ Кронштадтъ.

Интересно описаніе этой исповѣди находимъ у г-жи Догановичъ. Она пишетъ:

«Въ полусвѣтѣ еле начинавшагося погожаго утра вышли мы

на улицу, по которой тянулись къ собору богомольцы, а самый храмъ уже окружала густая толпа народа.

Вскорѣ въ воздухѣ раздался первый ударъ колокола. Звукъ его мягко разлился по воздуху. Народъ сталъ креститься.

Когда отворились двери храма, толпа хлынула внутрь неудержимою волною. Мы были подхвачены течениемъ, и я вскорѣ очутилась у рѣшетки солен, разъединившись съ моими спутниками.

Колоколь продолжалъ гудѣть, а народу въ храмѣ прибывало все больше и больше, хотя въ немъ уже было такъ тѣсно, что негдѣ было упасть яблоку. Я не безъ страха озиралась по сторонамъ.

Вдругъ явился сторожъ отъ о. Іоанна, который далъ разрѣшеніе провести меня на солею. Сторожъ хотѣлъ провести меня одну, но не тутъ то было: народъ ухватилъ его и меня за руки, за платье, и мы толпой двинулись къ боковымъ дверцамъ.

Вскорѣ вышелъ о. Іоаннъ и сталъ читать канонъ. Чтеніе его производило сильное впечатлѣніе, слова канона получали какъ бы особенно глубокий смыслъ и значеніе.

Несмотря на многлюдство, въ храмѣ водворилась полная тишина, всѣ внимательно слушали чтеніе и проникались имъ. Въ устахъ о. Іоанна каждое слово получало особый вѣсъ, несло новое откровеніе.

Заутреня шла долго. Но усталости не замѣчалось. Своимъ оживленіемъ, своей одухотворенностью о. Іоаннъ поддерживалъ настроеніе многотысячной толпы. Всѣ взоры были устремлены на него, и онъ владѣлъ душою каждаго.

Меня и на солеѣ тѣсно прижали къ рѣшеткѣ. Рядомъ со мною стояла нарядная купчиха съ дочкой, обѣ во всемъ бѣломъ, а возлѣ образа почти всю службу лежала, распростершись ницъ, изможденная молодая женщина въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ на головѣ.

Но перехожу къ самой исповѣди. О. Іоаннъ вышелъ къ народу, и слова его обращенія къ богомольцамъ зазвучали необыкновенной силой и властью.

— Покайтесь Богу во всемъ, — говорилъ онъ: — хоть сами то предъ собою не солгите, оправдывая свои грѣхи!..

Дрожь пробѣжала по тѣлу отъ этого вѣщаго голоса, прорѣзавшаго смрадную грѣховную атмосферу на подобіе Божьяго грома.

Раздались всхлипыванія въ толпѣ, глаза всѣхъ увлажнились слезами.

— Кайтесь всѣ блудники и блудницы!.. гремѣлъ голосъ о. Іоанна.

— Я — окаянная блудница! — услышала я вблизи себя.

Изъ глазъ молодой простолюдинки лились обильныя слезы, которыхъ она не вытирала.

Сѣдобородые мужики всхлипывали какъ дѣти.

Всѣ или шептали что-то про себя, или говорили вполголоса, забывъ объ окружавшихъ.

— Покайтесь, душегубы и убійцы вольные и невольные! — прозвенѣлъ на высокой нотѣ голосъ о. Іоанна.

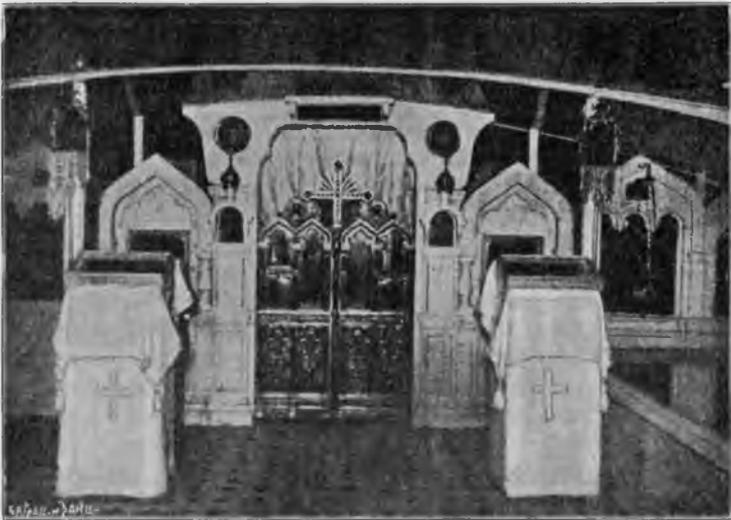
Эти слова обрушились какъ могучій ударъ, больно хлестнувъ всѣхъ по сердцу. Что тутъ произошло въ храмѣ—трудно передать. Изъ всѣхъ грудей исторгнулся вопль, словно каждый чувствовалъ себя убійцей. Немолчный ропотъ людскихъ голосовъ наполнилъ храмъ, словно прибой морскихъ волнъ, на которыхъ, какъ бѣлые гребешки, взлетали отдѣльные выкрики кающихся.

— Я — убійца, окаянная! — какъ-то взвизгнула пожилая женщина, стоявшая близъ рѣшетки солен.

Плакали рѣшительно всѣ. Покаянія столь искренняго, столь совершеннаго мнѣ никогда не доводилось ни испытывать самой, ни видѣть вокругъ себя. Чувствовалось, что не только глаза, но само сердце исходитъ слезами, омывается ими... Забыто было все на свѣтѣ. Міръ словно пересталъ существовать, все сосредоточилось на одномъ времени, — пребываніи въ храмѣ. Только тутъ ясно понимались слова: храмъ — есть небо на землѣ. Кто испыталъ такія ощущенія, тотъ словно былъ уже на небѣ... Оттого и не чувствовалось усталости, хотя обѣдня отошла поздно, а причащеніе окончилось лишь во второмъ часу... Передъ о. Іоанномъ поставили на постаментъ большую чашу и такихъ чашъ подали ему пять, несмотря на то, что одновременно съ нимъ, въ боковыхъ придѣлахъ, причащали народъ два другихъ священника. Но всѣ видимо стремились причаститься изъ рукъ о. Іоанна.

Краткое пребываніе въ Кронштадтѣ оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь».

Число почитателей о. Іоанна было неисчислимо. Правильнѣе сказать, что уже исключеніями являлись его недоброжелатели, его хулители. Но, конечно, между ними не было ни одного изъ тѣхъ, которые нѣкогда, какъ ученики Кронштадтской гимназіи, составили юную паству о. Іоанна. Они лучше всѣхъ знали его, цѣнили его любовь и только любовь могли усиливать въ другихъ разсказами о своемъ бывшемъ наставникѣ. Если о. Іоаннъ былъ исключительнымъ священникомъ, то онъ былъ и не обыкновеннымъ законоучителемъ. Онъ смотрѣлъ на законоучительство, какъ на великую миссію: претвореніе эгоистическихъ душъ въ души любящія и скорбящія. Онъ поставилъ своей задачей не столько преподаваніе, сколько воспитаніе, ибо важно не количество знаній, а прочность усвоеннаго. Для этого одно средство: ассимилировать знаніе съ душою, слить его со всѣмъ ея ирежнимъ духовнымъ содержаніемъ такъ, чтобы знаніе растворилось, вошло какъ новый постоянный элементъ духа, — преподавать только то, что можетъ быть усвоено, переработано душой, умомъ, сердцемъ, а не одной памятью. Онъ больше бесѣ-

Церковь, гдѣ похороненъ о. Іоаннъ Кронштадтскій.
(Гробница его справа).

Іоанновскій женскій монастырь.

доваль, чѣмъ спрашивать; баллы и уроки были на заднемъ планѣ. Онъ говорилъ своей юной паствѣ о томъ, чѣмъ жилъ самъ. И эта паства видѣла, что онъ излагаетъ не сухіе факты, а передаетъ завѣщаніе Бога. И лицо и голосъ — все показывало, какъ пламенно горитъ сердце самого наставника, какъ святы ему Божьи завѣты. Слушая его, ученики именно «слагали слова въ сердце своемъ». Дѣти способны не только къ шалостямъ, но нерѣдко и къ неблагоприятнымъ поступкамъ относительно своихъ учителей, къ дерзкимъ насмѣшкамъ надъ ними. Въ манерѣ держаться у о. Іоанна — говорить одинъ изъ его бывшихъ учениковъ — было немало страннаго, что, казалось, должно было дѣйствовать на воображеніе школьниковъ. Рѣзкія порывистыя движенія, нервный срывающійся голосъ, неожиданно повышающійся и понижающійся въ періоды внезапной задумчивости — все это могло будить въ дѣтяхъ насмѣшливость и вызывать попытку къ передразниванью. Но настолько сильно было вліяніе о. Іоанна на дѣтей, что никому не приходило въ голову даже улыбнуться по адресу наставника. Было что-то такое въ личности законоучителя, что вызывало невольное уваженіе къ нему. Очевидно дѣти чувствовали его духовную красоту, а его искренняя любовь къ нимъ вызывала отвѣтную любовь. Душа ребенка чутка, она угадываетъ малѣйшую фальшь. Здѣсь фальши не было мѣста. Дѣтей особенно сближало съ о. Іоанномъ удивительное качество его души — приходитъ самому въ состояніе нервнаго волненія, какъ только онъ видѣлъ, что кто-либо изъ учениковъ удрученъ и разстроенъ. Онъ безпокойно поглядывалъ съ кафедры на сосредоточенную фигуру мальчика и вдругъ, не выдержавъ, порывистой походкой направлялся къ тому, кто заставилъ тревожиться его сердце. Онъ спрашивалъ мальчика своимъ обычнымъ, немного рѣзкимъ голосомъ, и черезъ нѣсколько минутъ настроеніе того уже мѣнялось, на юномъ личикѣ появлялась улыбка, а въ сердцѣ наступало успокоеніе. Успокаивался и о. Іоаннъ и продолжалъ занятія. Неспособныхъ у о. Іоанна не было. Были менѣе способные, но не было такихъ, которымъ оказывалось недоступнымъ рассказываемое наставникомъ - отцомъ. Его слово доходило до всѣхъ сердець. Онъ читалъ въ классѣ житія святыхъ и такъ увлекалъ свою «паству» ихъ подвигами, что дѣти съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за чтеніемъ и паперерывъ просили почитать книжекъ домой. О. Іоаннъ умѣлъ развить такую любовь къ молитвѣ, что дѣтей не нужно было посылать къ церковнымъ службамъ; они сами рвались въ храмъ.

О. Іоаннъ являлся покровителемъ и заступникомъ испорченныхъ учениковъ. Онъ бралъ къ себѣ приговоренныхъ къ исключенію, нянчился съ ними и послѣ «отцовскаго» ухода возвращалъ ихъ гимназін неузнаваемыми. Такихъ «выхоженныхъ» у него было немало. Большое значеніе придавалъ о. Іоаннъ исповѣди; она помогала ему въ дѣлѣ воспитанія душъ и цѣленія

ихъ. Онъ не исповѣдывалъ съ той быстротой, которая часто исповѣдь превращаетъ въ проѣформу. На исповѣди онъ бесѣдовалъ съ дѣтми, и въ эти минуты высшаго подъема души происходило нерѣдко полное возрожденіе ея. О. Іоаннъ сроднился съ учениками, а они съ нимъ, и возникла та святая связь, которая не прерывалась и за порогомъ гимназіи. Понятна теперь та скорбь, съ какою прощались гимназисты съ о. Іоанномъ, когда онъ долженъ былъ покинуть законоучительство, мѣшавшее ему служить всей Россіи. Плакали дѣти, плакали и родители, занесшіе въ свой прощальный адресъ слѣдующія знаменательныя слова: «Не сухую схоластику преподавалъ ты нашимъ дѣтямъ, не мертвую формулу излагалъ имъ, — на воспримчивыхъ душахъ ты сѣялъ сѣмена вѣчнаго и животворящаго глагола Божьяго. Да будетъ наша, отцовъ и матерей, благодарность, какъ мирная молитва къ Богу за тебя, да изольетъ Онъ на тебя отъ святого Своего престола столько же духовной радости, сколько ты подаль утѣшенія намъ и дѣтямъ нашимъ».

Оставивъ гимназію и прервавъ постоянное отношеніе съ дѣтскимъ міркомъ, о. Іоаннъ не разлучился съ дѣтми сердцемъ. Онъ всегда и вездѣ выказывалъ дѣтямъ особую, можно сказать, исключительную любовь. «Дѣти — это цвѣты нашей жизни», говорилъ онъ, и ласкалъ дѣтей съ такой нѣжностью, на какую способна не всякая мать. Его улыбка дѣлалась еще добрѣе, взглядъ благостнѣе, когда онъ былъ среди дѣтей. Приѣзжая въ какой-нибудь городъ, онъ спѣшилъ прежде всего въ школы, въ пріюты. «Ведите меня къ дѣтямъ», — говорилъ онъ, оживляясь. Онъ гладилъ дѣтей по головѣ, нѣкоторыхъ цѣловалъ, прижималъ къ себѣ. Дѣтское горе, дѣтская боль вызывали въ немъ особенную участливость. Въ одной дѣтской больницѣ ему указали дѣвочку, у которой былъ вскрытъ обширный гнойникъ вблизи уха. Она очень страдала. Все лицо о. Іоанна вдругъ озарилось огнемъ сильнаго чувства. Онъ быстро подошелъ къ больной, приникъ къ кровати и, стоя на колѣняхъ, припалъ къ лицу страдалицы, осыпая ее ласками и поцѣлуями. Врачъ, бывшій при этомъ, замѣчаетъ: «можно было вспомнить слова ласки, но нельзя передать тонъ, оттѣнки голоса и всѣ переливы несравненной мелодіи чувствъ, которые вылились изъ души любвеобильнаго пастыря». Такая любовь не могла не вызывать отвѣтной любви, и дѣти льнули къ о. Іоанну.

III.

ознакомившись въ общихъ чертахъ съ жизнью и дѣятельностью о. Іоанна, остановимся на выдающихся случаяхъ плодотворности его дерзновенной молитвы за недужныхъ, на отдѣльныхъ случаяхъ матеріальной и духовной помощи нуждающимся и скорбящимъ. Эта, если такъ можно выразиться, фактическая иллюстрація еще полнѣе раскроетъ передъ нами духовный обликъ всероссійскаго іерея, еще ярче подчеркнетъ его пламенную вѣру, горячую любовь, его милосердіе, нестяжательность, дивную прозорливость, удивительную простоту и высокую молитвенную настроенность. Къ фактамъ, сообщаемымъ различными лицами, я присоединю тѣ, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ самому привелось быть, и, наконецъ, случаи изъ собственной моей жизни, такъ какъ я самъ обязанъ почившему пастырю духовнымъ обновленіемъ и по молитвѣ его тѣлеснымъ исцѣленіемъ.

Начнемъ съ описанія исцѣленія, происшедшаго въ Борович. уѣздѣ, въ селѣ Кончанскомъ, куда о. Іоаннъ пріѣхалъ на освященіе новой церкви.

Послѣ освященія, во время завтрака, вдругъ явилась группа изъ трехъ дюжихъ мужиковъ и коренастой женщины, которые на рукахъ несли какой-то комъ неопредѣленной формы.

— Одержимая?—нервно, довольно тихо спросилъ о. Іоаннъ тутъ же стоявшаго Сопинскаго и Кочанскаго священника о. Льва Матвѣева.

— Да, дорогой батюшка, — послѣдовалъ тихій отвѣтъ.

Грудь ея была выпячена и изогнута, какъ бы колесомъ, а лицо, — нельзя передать выраженія этого искаженнаго лица и застывшаго ужаса, которымъ отъ него вѣяло.

Тихій голосъ пастыря вдругъ сталъ криливо-рѣзкимъ и громкимъ.

— Оставьте ее! — повелительно сказалъ онъ. — Пусть стоитъ сама!

На заявленіе принесшихъ больную, что сама она во время такихъ припадковъ стоять не можетъ, о. Іоаннъ еще нетерпѣливѣе, еще рѣзче и настоятельнѣе возразилъ:

— Я говорю вамъ, я приказываю, оставьте ее!

Спутники отошли.

Больная шаталась на ногахъ, повидимому, не имѣя точки опоры въ своемъ тѣлѣ.

— Гляди на меня!

Мало-по-малу глаза больной проясняются, взоръ дѣлается осмысленнымъ. Ея взглядъ уже фиксируетъ предметъ.

— Перекрестись! — новый повелительный окликъ.

— Не мм... мм... — былъ отвѣтъ.

Съ необыкновеннымъ нервнымъ подъемомъ, съ горящими глазами, о. Іоаннъ, вплотную подходя къ больной, говоритъ:

— Выйди! Именемъ Господа, выйди!

Тутъ произошло нѣчто такое, отчего у всѣхъ у насъ морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

Не человѣческій крикъ, а какой-то звѣриный ревъ раздался изъ устъ больной.

— Перекрестись!

Одно—два неувѣренныхъ движенія рукою, и больная кладетъ на себя твердый, правильный крестъ. Беззвучно опускается ея голова на плечо пастыря. Тихія рыданія оглашаютъ комнату.

Непередаваемое нервное потрясеніе охватываетъ почти всѣхъ присутствующихъ. Общее сознаніе, — что они очевидцы-свидѣтели чего-то непостижимаго, какой-то мощи, совершенно невѣдомой положительному человѣческому знанію.

Больная вмѣстѣ съ о. Іоанномъ удаляется въ уголокъ комнаты для исповѣди. Она длится очень недолго.

И вновь раздается тихій, ослабѣвшій голосъ пастыря, читающаго разрѣшительную молитву.

— Ты совершенно здорова. И Господь благословитъ тебя дѣтьми.

Крестьянка Авдотья Румянцева принадлежитъ къ Сопинской волости; вышедшая замужъ за десять лѣтъ до счастливой для нея встрѣчи съ о. Іоанномъ, всегда была ненормальная.

Во время припадковъ ея пятки соединялись съ затылкомъ. Вся фигура изображала какъ бы кольцо.

Исповѣдовать ее иногда еще удавалось. А причащать—никогда за всѣ десять лѣтъ.

Изогнутая въ кольцо, больная каталась по полу, не по обочинѣ кольца, а поперекъ его, — съ прыжками.

Румянцева ходила часто голая. Мужъ не могъ съ ней жить. Дѣтей у нихъ не было.

Послѣ описаннаго случая въ училищномъ домѣ, Авдотья Румянцева стала совершенно нормальной.

Она исповѣдывалась, долго готовилась къ причастію. Первый разъ послѣ десяти лѣтъ благоговѣнно причастилась, стала хорошею хозяйкою, отличною прихожанкою.

Оправдалось предсказаніе и о ребенкѣ.

Интересными воспоминаніями дѣлится г-жа Барина-Свѣтова.

— Я переѣхала, — рассказываетъ она, — изъ большой квартиры въ квартиру изъ 5-ти комнатъ, но, по нѣкоторой случайности

сти, обстановка квартиры осталась такая же богатая, какую была и раньше. А между тѣмъ я съ дѣтьми находилась болѣе, чѣмъ въ стѣсненномъ положеніи: часто я не знала, будетъ ли у насъ самый простой обѣдъ, уже не говоря о другихъ предметахъ, необходимыхъ для жизни. Въ это-то самое время я попросила о. Іоанна пріѣхать къ намъ. Послала я къ нему письмо въ августѣ, но прошло четыре мѣсяца, а онъ не ѣхалъ. Я подумала, что онъ или забылъ, или не хочетъ пріѣхать, и очень объ этомъ грустила.

Но вотъ однажды, поздно вечеромъ, я предалась горькимъ размышленіямъ, ясно видя, что на Рождество Христово у меня не только не будетъ роскошной елки, какъ прежде, но даже не хватитъ средствъ на самые необходимые расходы. Вдругъ я услышала рѣзкій звонокъ, и едва успѣла открыть дверь, какъ на порогѣ появился священникъ, въ которомъ я, судя по портрету, сразу признала о. Іоанна.

Я такъ растерялась отъ радости, что не могла вымолвить ни одного слова. Я только горько разрыдалась, какъ разрыдалась бы при встрѣчѣ съ родной матерью, которой я хотѣла бы повѣдать все накопившееся на сердцѣ горе.

О. Іоаннъ положилъ мнѣ на голову обѣ руки и сказалъ:

— Полю, полю, успокойся, ишь какъ ты настрадалась, бѣдная моя. Но это ничего, все пройдетъ и все поправится!

И онъ своей скорой походкой, ведя меня за руку, пошелъ въ комнату, гдѣ спали мои дѣти и гдѣ передъ кіотомъ горѣла лампада.

Старшія дѣти, услыжавъ шумъ, вскочили и, наскоро одѣвшись, подошли къ батюшкѣ; а меньшую дѣвочку о. Іоаннъ самъ взялъ изъ кроватки, и поднеся ее къ кіоту, сказалъ мнѣ:

— Не плачь, мать, у тебя Божья дѣвочка.

Затѣмъ онъ сталъ молиться особенной, «его молитвой», послѣ чего обошелъ всѣ комнаты и даже посмотрѣлъ двѣ рѣдкія картины, которая была случайно у меня. Я же въ это время изъ далеко спрятанной коробочки достала деньги, чтобы отдать ему. Эти деньги я отложила еще въ августѣ, продавъ что-то изъ моихъ вещей, предназначивъ ихъ для о. Іоанна, и рѣшила ни на что иное не тратить ихъ.

Не успѣла я войти съ деньгами, какъ батюшка сталъ прощаться, озираясь по сторонамъ, какъ бы недоумѣвая, почему при такой обстановкѣ здѣсь нуждаются? (Объ этомъ я шотомъ уже сообразила). Тогда я поняла только одно: скажи мнѣ этотъ, по виду, самый заурядный священникъ, даже и не краснорѣчивый,—скажи онъ мнѣ: «Брось все и иди за мной»—я бы все бросила и безъ разсужденія пошла бы за нимъ.

Уходя, батюшка опять положилъ обѣ руки на мою голову, сказавъ:

— Не печалься: все горькое пройдетъ и все пойдетъ хорошо! Когда я ему протянула мою ленту, со словами: «Это для ва-

шихъ бѣдныхъ, батюшка!», онъ взялъ деньги, положилъ ихъ обратно въ мою руку и, крѣпко притиснувъ мои пальцы къ ладони, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, родная, не надо, всякій имѣеть своихъ бѣдныхъ. У моихъ есть пока, а это ты побереги у себя для своихъ.

Благословивъ меня и положивъ мой адресъ въ боковой карманъ, онъ ушелъ.

На другой день, рано утромъ, мнѣ приносить посыльный письмо. Открываю его и глазамъ своимъ не вѣрю! Одна барыня пишетъ мнѣ: «Я давно была вамъ должна, и мнѣ стыдно было, что я такъ долго не возвращала вамъ мой долгъ. Но теперь я получила наследство и считаю своимъ долгомъ съ благодарностью вернуть вамъ ваши триста рублей». Это была первая радость послѣ горькой переменъ въ моей жизни. Затѣмъ пошло еще лучше: мужъ получилъ хорошую работу, вернулся опять, и мы зажили если не богато, то сносно.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. А затѣмъ опять на меня обрушилась такая бѣда, что я буквально была близка къ потери разсудка. Помню, что я сжала руками голову и, бѣгая, какъ помѣшанная, изъ угла въ уголъ, громко кричала: «Господи, пощади! Я не вынесу этого горя!.. Я чувствую, что сойду съ ума! да я уже, кажется, и сошла». Я впала въ страшную истерику... Испуганныя дѣти жались ко мнѣ, не умѣя, какъ помочь мнѣ, и не зная, собственно, отчего я такъ страдала. Прислуга въ это время подала мнѣ письмо, присланное по почтѣ.

Я открыла письмо. Въ немъ было слѣдующее:

«Молюсь о васъ... будетъ вамъ по вѣрѣ вашей. Іереи Іоанни Сергіевъ».

Я обомлѣла отъ удивленія. Какъ могъ знать батюшка о моемъ горѣ, о которомъ я и сама до сей минуты ничего не знала и никогда даже не предполагала.

Прочитавъ это дивное письмо, я съ дѣтьми бросилась на колѣни передъ образомъ и стала молиться. Молитва и, главное, это письмо меня подкрѣпили и дали мнѣ вѣру въ милосердіе Творца. Прошло два-три томительныхъ дня, и горе мое улеглось, а грозовая туча пронеслась мимо.

Прошло послѣ этого два года. Мои старшіе мальчики сдавали экзаменъ, переходя уже въ выпускной классъ. Все было хорошо. Вдругъ съ одного изъ экзаменовъ приносятъ на рукахъ моего старшаго сына и говорятъ, что ему сдѣлалось дурно во время экзамена.

Бѣдный больной кричитъ на весь домъ отъ невыносимой головной боли, а по временамъ впадаетъ въ безпамятство. Врачи ему не помогли. Болѣзнь длилась ровно два года. Свѣтила медицины объявили, что больной неизлѣчимъ и долженъ быть или парализованъ весь, или окончить жизнь сумасшедшимъ.

Тогда я рѣшила просить опять о. Іоанна. Онъ пріѣхалъ, помолился у насъ, подошелъ къ больному моему сыну, взялъ

его голову, прижалъ къ своей груди, такъ подержалъ ее минуты двѣ, потомъ поцѣловалъ его, сказавъ: «Будь здоровъ, отрокъ Николай!» Благословилъ его, всѣхъ насъ, и уѣхалъ, приказавъ намъ молиться и не горевать. На другой день больной всталъ, и живъ до сихъ поръ.

Три года тому назадъ я, пятидесятилѣтняя старуха, заболѣла сильнымъ дифтеритомъ, послѣ котораго у меня парализовалось горло. Доктора, меня лѣчившіе, объявили мнѣ, что это парализованное состояніе будетъ длиться около года. Я послала телеграмму о. Іоанну, объяснивъ ему мою болѣзнь, и просила молитвъ. На другой день вдругъ почувствовала, что могу хорошо глотать, и съ того дня стала ѣсть, какъ ѣла и раньше.

Г-жа Хохрякова передаетъ фактъ, котораго была свидѣтельницей.

У одного писателя-педагога сынъ болѣлъ много лѣтъ. Онъ все худѣлъ, слабѣлъ, и, наконецъ, не могъ уже ходить. Ноги начали утончаться и сохнуть. Семья была вѣрующая. Какъ-то самъ мальчикъ обратился къ родителямъ съ просьбой пригласить о. Іоанна. Отецъ немедленно исполнилъ желаніе сына. Когда о. Іоаннъ пріѣхалъ, педагогъ былъ занятъ въ кабинетѣ. О. Іоаннъ прошелъ прямо въ спальню больного. Мальчикъ приподнялся съ кровати. О. Іоаннъ обнялъ его и ласково промолвилъ:

— Что у тебя, милый мой?..

— Ножки сохнутъ, не могу ходить. Помолитесь! Пусть Богъ исцѣлитъ меня.

— Ты вѣришь, и исцѣлитъ тебя Богъ...

О. Іоаннъ протянулъ руки и сказалъ:

— Встань, милый мой!

— Я не могу!

— А ты встань!

О. Іоаннъ помогъ мальчику подняться и сойти съ кровати.

— Иди же!

— Я не могу...

Но все же больной сдѣлалъ шага два, поддерживаемый о. Іоанномъ.

— Иди, иди!

О. Іоаннъ отнялъ руки, и мальчикъ, шатаясь, дрожа, медленно, боясь упасть, пошелъ далѣе... О. Іоаннъ стѣдовалъ за нимъ.

И вотъ они... вошли въ кабинетъ отца больного. Изумленію и радости отца не было предѣла. Онъ обнялъ сына и заплакалъ.

Съ этого дня мальчикъ началъ ходить, и скоро совсѣмъ поправился.

Г. Животовскій, сопутствовавшій о. Іоанну, въ одну изъ поѣздокъ на Сѣверь, рассказываетъ слѣд. замѣчательное исцѣленіе монахини:

«Я видѣлъ монахиню,—говоритъ онъ,—которую провели въ комнату о. Іоанна, когда онъ, наконецъ, пріѣхалъ изъ церкви.

Она висѣла на рукахъ поддерживавшихъ ее сестеръ, еле передвигая ногами, измученная, безсильная, съ ввалившимися потухшими глазами, съ желтымъ, какъ воскъ, лицомъ.

Казалось, она не дойдетъ до конца комнаты и тутъ же умретъ.

Но вотъ ее ввели въ комнату о. Іоанна и тотчасъ же закрыли за ней дверь.

Батюшка приступилъ къ святой исповѣди.

Спустя нѣкоторое время дверь распахнулась и въ ней показалась уже причастившаяся монахиня.

Ее попрежнему поддерживали подъ руки, но она шла уже гораздо бодрѣе, съ видимымъ духовнымъ подъемомъ.

Вечеромъ того же дня, когда о. Іоаннъ, сдѣлавъ визиты губернатору и еще нѣсколькимъ лицамъ, опять заѣхалъ въ подворье и вмѣстѣ съ другими сѣлъ за общій чайный столъ, я, обернувшись назадъ, къ великому своему удивленію увидѣлъ больную монахиню, сидящую безъ всякой посторонней помощи на стулѣ сзади о. Іоанна.

Даже румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

Она весело смотрѣла на окружающихъ и съ жадностью прислушивалась къ каждому слову, сказанному батюшкою.

Я указалъ на нее о. Іоанну.

Онъ быстро обернулся, кивнулъ ей головою и проговорилъ:

— Слава Богу, слава Богу, никто, какъ Богъ.

На третій день нашего пребыванія въ Архангельскѣ я еще больше былъ пораженъ, увидя ту же монахиню совершенно здоровою и цвѣтущею, явившуюся къ обѣднѣ въ огромный, переполненный молящимися, Свято-Троицкій соборъ, гдѣ служилъ о. Іоаннъ.

Она стояла среди толпы безъ всякой посторонней помощи и горячо молилась».

Во время пребыванія въ Устюгѣ, Вологодской губ., о. Іоаннъ служилъ обѣдню въ соборѣ св. Прокопія Праведнаго.

Когда о. Іоаннъ собирался возвратиться на пароходъ, къ нему обратились съ просьбою посѣтить одного больного юношу, который былъ ушибленъ лошадыю и теперь лежалъ дома, не имѣя возможности двигаться.

По словамъ просившихъ его навѣстить, доктора отказались его лѣчить, такъ какъ у больного образовалось нѣчто въ родѣ гангрены.

Когда пріѣхалъ къ больному о. Іоаннъ, онъ сказалъ ему:

— Если можешь съ вѣрою помолиться, то молись и надѣйся, и Господь услышитъ тебя и поможетъ.

— Вѣрю, батюшка, всѣмъ сердцемъ вѣрю, помолитесь обо мнѣ, — отвѣтилъ ему юноша.

О. Іоаннъ началъ молиться. Когда послѣ окончанія молитвы о. Іоаннъ, простившись съ семейю, направился къ выходу, больной самъ поднялся со своего мѣста, отбросилъ костыли въ сторону, и, пошатываясь, пошелъ провожать къ выходу о. Іоанна.

— Смотри, мама, — проговорилъ онъ, — я безъ костылей уже могу держаться.

Отъ постороннихъ сообщеній перейду къ личнымъ воспоминаніямъ и начну съ описанія того, какъ исцѣлилъ о. Іоаннъ меня, въ 1886 г. Я былъ тяжело боленъ. Врачи, лѣчившіе меня, объявили моимъ близкимъ, что я или совсѣмъ не буду ходить, или буду ходить съ костылемъ. На скорое улучшение здоровья они рѣшительно не давали никакой надежды. Тогда-то, одно изъ близкихъ мнѣ лицъ обратилось съ письмомъ къ о. Іоанну, прося его посѣтить больного. Кронштадтскій пастыръ явился черезъ нѣсколько дней послѣ отправки письма. Какъ теперь помню, это было уже подъ вечеръ, я лежалъ и дремалъ. Вдругъ раздался сильный звонокъ въ передней. Горничная бросилась отпирать, и черезъ нѣсколько минутъ мнѣ сообщили, что «это о. Іоаннъ». Мною овладѣло невольное волненіе. Я хотѣлъ приподняться и сѣсть, но не могъ. Въ комнату вошелъ о. Іоаннъ. «Гдѣ больной?» — спросилъ онъ, и, увидѣвъ меня, сказалъ громче: «А, здравствуйте!» и присѣлъ на край кровати. Добрые, свѣтлые глаза ласково глядѣли на меня. Онъ взялъ меня за руку и сказалъ: «Не могъ раньше, не было времени. А, что у васъ?» Я отвѣтилъ. Онъ спросилъ: «Чѣмъ вы занимаетесь?» Я литераторъ. «А, это хорошо, — промолвилъ онъ, — нынѣ такъ много невѣрія среди мыслящихъ, это хорошо, что вы обратились къ Богу. Вотъ и помолимся Ему вмѣстѣ». Онъ быстро всталъ, прошелъ въ передній уголъ, гдѣ висѣлъ образъ, и сталъ молиться вслухъ.

Я не могу передать содержанія его молитвъ. Тутъ были и тѣ, которыя мы всѣ знаемъ, и другія, которыми онъ отъ себя взывалъ къ Богу... Особенно сильное впечатлѣніе на всѣхъ произвело его громкое восклицаніе: «исцѣли раба болящаго Александра!» послѣ чего онъ остановился, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, и повторилъ громче еще: «да, да, Александра!» Одна изъ женщинъ, стоявшихъ въ комнатѣ, говорила потомъ: «У меня дрожь началась... мнѣ казалось, что онъ... какъ бы говоритъ съ небомъ и слышитъ оттуда вопросы и отвѣчаетъ на нихъ».

Это очень образно сказано, но это же впечатлѣніе пережили многіе.

Меня охватило какое-то неиспытанное до тѣхъ поръ религиозное настроеніе. Я не шепталъ молитвъ, не повторялъ словъ за о. Іоанномъ; я совсѣмъ не молился устами. И, такъ сказать, весь проникся молитвою, и молился безъ словъ. Даже слово

«молился» не будет подходящимъ выраженіемъ: я скорѣе слушала молитву о. Іоанна, весь трепеща, весь охваченный какой-то радостью, чувствомъ, которому я не подыщу опредѣленнаго названія...

Но вотъ о. Іоаннъ, кончивъ молиться, опять подошелъ ко мнѣ и сѣлъ на постель.

— Вотъ мы и помолились, — сказалъ онъ, — и Богъ поможетъ, подниметъ васъ!

Онъ произнесъ это тѣмъ же дерзновенно-увѣреннымъ тономъ, какимъ произносилъ недавно: «даждь рабу Твоему Александру исцѣленіе!...»

И за симъ о. Іоаннъ добавилъ:

— Говѣйте на первой недѣлѣ!

— Но сегодня уже пятница... значить, одинъ день только до поста! а врачи...

О. Іоаннъ властно и съ упрекомъ перебилъ меня:

— Какіе врачи? Земные? Вы обратились къ Врачу небесному, Онъ и поможетъ... вы встанете!

Мнѣ сдѣлалось стыдно за свои слова. Я молчалъ.

О. Іоаннъ, благословивъ, окинулъ меня ласковымъ, грѣющимъ взглядомъ и вышелъ.

Къ понедѣльнику первой недѣли Великаго поста я уже всталъ и ходилъ, приведя въ изумленіе врача.

Это была моя первая встрѣча съ о. Іоанномъ, котораго я снова увидѣлъ въ 1898 году. Между 1886 и 1898 годами, я болѣлъ нѣсколько разъ, и всегда, обращаясь къ о. Іоанну письменно, получалъ по его молитвамъ исцѣленіе. Въ 1893 г., напр., живя въ Колчинѣ, я схватилъ тяжелую и острую форму воспаленія. Я сильно страдалъ. Лѣченіе не помогало. Я обратился къ о. Іоанну съ просьбой помолиться, и на другой же день послѣ отправки ему письма, я уже поправился. Въ 1895 г. моя жена заболѣла брюшнымъ тифомъ. Мы жили въ Москвѣ. День ото дня больной становилось хуже. Однажды врачъ выразился осторожно, что «конечно, не слѣдуетъ терять надежды, но онъ все же находить нужнымъ предупредить, что у него надежда слаба и онъ...» Вмѣсто окончанія фразы, врачъ только развелъ руками. Я немедленно послалъ телеграмму о. Іоанну. Я ее послалъ утромъ, а ночью видѣлъ такой сонъ: въ спальню входитъ о. Іоаннъ (и это такъ ясно, словно наяву), подходитъ къ окну, беретъ бутылку съ масломъ, наливаетъ масла въ лампадку, которая еле теплилась передъ иконами. Лампадка вспыхнула и ярко загорѣлась. О. Іоаннъ направился къ дверямъ. Я вскочилъ съ постели и проговорилъ: Батюшка, что же вы уходите? «Я сдѣлалъ то, что надо», — отвѣтилъ о. Іоаннъ, и скрылся. Я проснулся. Больная лежала съ открытыми глазами и заявила, что ей легче... боли нѣтъ... Приѣхавшій врачъ осмотрѣлъ больную и сказалъ: «Знаете, теперь я васъ могу успокоить... въ ходѣ болѣзни настало замѣтное улучшеніе... въ благополучномъ исходѣ я увѣренъ...»

О. Іоаннъ не только исцѣлялъ тѣлесные недуги; онъ творилъ чудеса и надъ душами и сердцами приходившихъ къ нему. Писатель Савихинъ говоритъ: «Трудно передать словами ту перемѣну, какая происходила въ деревенскихъ жителяхъ, побывавшихъ у Кронштадтскаго пастыря. Тамъ, гдѣ прежде царили ссоры, происходило пьянство, тамъ создавались добрыя отношенія: пробуждалась сердечная отзывчивость, уступчивость, миролюбіе. Оставались не только въ памяти, но и въ сердцахъ наставленія о. Іоанна: «Помогайте съ любовью другъ другу, всякому, кто нуждается, безъ различія. У Бога всѣ равны... и не надо судить: кто достоинъ. Помогайте не разсуждая и не осуждая». И не только простоты, а и люди интеллигентные часто сильно мѣнялись подъ вліяніемъ встрѣчъ съ о. Іоанномъ и бесѣды съ нимъ. Многіе шли къ о. Іоанну озлобленные, невѣрующіе, ипогда только пошатнувшіеся въ вѣрѣ, опустившіеся нравственно, и онъ снималъ съ нихъ бремя скорби, окрылялъ духъ, возвращалъ сердцамъ вѣру, укрѣплялъ на борьбу съ порокомъ и помогалъ одержать побѣду. Помогая матеріально, онъ именно исполнялъ евангельскій завѣтъ: часто лѣвая рука не знала, что давала правая. Нерѣдко онъ отдавалъ все, что имѣлъ: какъ ранѣе дѣлился послѣднимъ двугривеннымъ, такъ потомъ отдавалъ послѣднюю бывшую у него сотню. На Любанскомъ вокзалѣ о. Іоаннъ отдалъ просящему нескрытый конвертъ, полученный имъ отъ одной богатой женщины. Въ пакетѣ было 1200 рублей. Многіе были увѣрены, что онъ зналъ количество денегъ и не вскрывая пакетовъ. Допустимо и это, потому что при матеріальной помощи онъ проявлялъ часто удивительную прозорливость. Но у него вообще было въ обычаѣ раздавать деньги, не смотря: опустить руку въ карманъ и даетъ то, что достанетъ. Разъ въ Любани въ вагонъ вошли двѣ дѣвушки и просили помочь на погребеніе бѣдной женщины, мужъ которой лежалъ въ параличѣ. О. Іоаннъ отдалъ все, что имѣлъ въ карманахъ, даже серебряную мелочь.

— Мало, мало, — сказалъ онъ, не считая, — но больше у меня ничего нѣтъ, — грустно добавилъ онъ.

Но двадцать рублей, которые онъ набралъ у себя, были все-таки помощью существенной. Относительно прозорливости сообщу два факта. Въ той же Любани, при проѣздѣ о. Іоанна, въ вагонъ вошла за благословеніемъ женщина. О. Іоаннъ благословилъ и подалъ ей 15 рублей. «Я не нуждаюсь», сказала она. Но о. Іоаннъ настоялъ, чтобы она взяла деньги. Женщина не посмѣла ослушаться, и, придя домой, спрятала деньги на полочкѣ у кюта. И вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ она настолько обѣднѣла, что ее не на что было бы похоронить. За нѣсколько минутъ до смерти она вспомнила о деньгахъ о. Іоанна и сообщила о нихъ окружающимъ. Когда она умерла, на эти деньги ее похоронили. А вотъ другой фактъ. Въ Москвѣ заболѣла одна дѣвушка, служившая въ библиотекѣ. Врачъ опредѣлилъ чахотку. Черезъ свою знакомую дѣвушка обратилась къ о. Іоанну съ просьбой помочь

на поѣздку въ Крымъ. О. Іоаннъ коротко отвѣтилъ: «Не надо». Просившая была поражена и невольно возроптала. И что же оказалось? Большую какая-то дама увезла къ себѣ въ имѣніе на сѣверъ, въ сосновые лѣса, гдѣ мѣстный врачъ сказалъ, что Крымъ былъ бы гораздо хуже для больной, при возвращеніи обратнo въ Москву: болѣзнь скорѣе ухудшилась бы. А здѣсь вы поправитесь, заключилъ врачъ. И больная, дѣйствительно, скоро оправилась и окрѣпла. Она и до сихъ поръ жива и здорова.

Разказами о томъ, какъ о. Іоаннъ помогаль матеріально, можно наполнить цѣлую книгу. Разѣзжая по городамъ и селамъ, онъ вездѣ щедро оказываль помощь, часто суммами небольшими, но очень нерѣдко онъ даваль и по нѣсколько сотъ. Я уже упоминаль о простотѣ о. Іоанна, когда онъ въ путешествіяхъ находилса среди народа. Онъ и помогаль просто, оказывая довѣріе и снисхожденіе просителямъ. Одинъ чиновникъ, увлекшись игрой, истратилъ 500 рублей казенныхъ денегъ. Онъ кинулся къ о. Іоанну и въ слезахъ открылся во всемъ передъ нимъ. О. Іоаннъ благостно отнесся къ нему и снабдилъ его деньгами. Съ этого дня чиновникъ остепенился и сдѣлался очень религіознымъ. Разъ о. Іоаннъ, проѣзжая, увидѣль огни въ маленькомъ домѣ: «Что это,—спросилъ онъ?» «Здѣсь свадьба»,—отвѣтили ему. «Бѣдная?»—освѣдомился онъ. «Да. Прачка вышла замужъ за фабричнаго рабочаго». О. Іоаннъ зашелъ въ домъ, благословилъ новобрачныхъ, принялъ скромное угощеніе и, уѣзжая, оставилъ молодымъ на хозяйство 200 рублей. Трудно описать радость труженниковъ, получившихъ такой подарокъ и благословеніе уважаемаго пастыря.

Нѣкто Животовъ, собралъ массу фактовъ о томъ, какъ о. Іоаннъ исправляль людей, опустившихся черезъ пьянство. Вотъ одинъ изъ такихъ разительныхъ фактовъ. Нѣкто П. Е., бывший зажиточнымъ человѣкомъ, спился съ кругу и изъ хозяина мастерской сдѣлался золоторотцемъ. Искусный серебряникъ, онъ временно хорошо зарабатывать, но пропиваль все добытое работой. На мѣстахъ онъ удержаться не могъ. Такъ прошло лѣтъ пять. П. Е. окончательно опустился. Нѣсколько разъ попадалъ онъ въ нищенскій комитетъ, въ больницы, и разъ даже его заподозрили въ кражѣ, хотя до преступленія онъ все-таки не доходилъ. Казалось, П. Е. все потеряль. Изъ прежнихъ собутельниковъ и знакомыхъ никто его не узнаваль, а внѣшній его видъ какъ бы говорилъ, что ему не остается ничего другого, какъ просить у Бога прекращенія своей страдальческой жизни.

Еще въ хорошія времена своей жизни П. Е. слышалъ объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Въ одну изъ минутъ невольнаго (за отсутствіемъ «пяточка») отрезвленія, онъ вспомнилъ о Кронштадтскомъ пастырѣ.

— И у меня точно упало что-то внутри,—разсказываетъ П. Е.,—такъ стало весело, радостно на душѣ. За все время моего пьянства у меня не было болѣе пріятнаго душевнаго ощу-

щенія... Я упалъ на колѣни, пробовалъ молиться—не могъ; слова молитвы не шли на память... Я рѣшилъ сейчасъ же идти пѣшкомъ въ Ораніенбаумъ, оттуда какъ-нибудь въ Кронштадтъ.

Сказано, сдѣлано. П. Е. направился къ Балтійскому вокзалу. Было лѣто. Начинало смеркаться, и П. Е. въ ночь тронулся по шпаламъ въ путь. Онъ шелъ бодро. На душѣ было легко, какъ не бывало съ начала трактирнаго сидѣнья. Всѣ мысли, всѣ надежды этого получеловѣка, почти потерявшаго «образъ и подобіе», сосредоточивались на о. Іоаннѣ, котораго онъ никогда еще не видалъ и о которомъ никогда прежде не думалъ... Вотъ онъ уже въ Ораніенбаумѣ. Не имѣя у себя ни гроша денегъ, П. Е. хотѣлъ было вернуться обратно. Но какой-то внутренней голосъ заставилъ его смѣшаться съ толпой и бѣжать на пристань...

— О. Іоаннъ, о. Іоаннъ! — слышалъ онъ кругомъ.

Большого труда стоило П. Е. протискаться въ толпѣ такъ, чтобы взглянуть на своего «избавителя», отъ котораго теперь зависѣла вся его будущность.

П. Е. такъ сроднился теперь съ мыслью о своемъ возрожденіи черезъ о. Іоанна, что потерять эту надежду для него значило бы потерять все.

Вотъ онъ увидѣлъ приближавшагося пастыря, котораго, казалось, толпа несла на своихъ плечахъ... Онъ увидѣлъ это ласное, съ выраженіемъ великой любви лицо священника, и весь задрожалъ отъ волненія, объятый какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ... О. Іоаннъ въ это время поровнялся съ нимъ... Не помня себя отъ избытка чувствъ, охватившихъ его точно морскимъ приливомъ, и не будучи въ состояніи произнести ни слова, П. Е. упалъ на землю подъ ноги о. Іоанна. Рыданія сдавили грудь несчастнаго пьяницы, въ глазахъ его потемнѣло.

— Батюшка, — простоналъ П. Е., съ трудомъ догоняя удалявшагося о. Іоанна.

О. Іоаннъ остановился и повернулся къ бѣжавшему мелкими шагами оборванцу. Они встрѣтились лицомъ къ лицу... П. Е. почувствовалъ на себѣ взгляды «батюшки». Онъ не могъ выдержать приливъ чувствъ и упалъ въ ноги, крѣпко ухватившись за рясу о. Іоанна.

— Встань, голубчикъ, — ласково, но твердо, почти повелительно сказалъ пастырь, — пойдемъ на пароходъ.

П. Е. вскочилъ, какъ бы отъ дѣйствія электрическаго тока, и, не смѣя поднять глазъ на священника, пошелъ сзади. На пути попадались встрѣчные, подходившіе подъ благословеніе. П. Е. казалось, что они какъ-то враждебно на него смотрятъ, точно онъ провинился передъ ними.

Вотъ и пароходъ. О. Іоаннъ, не оборачиваясь, прошелъ по трапу на пароходъ. П. Е.—за нимъ. Скоро по отходѣ парохода съ пристани, матросъ обратился къ нему со словами:

— Пожалуйте въ рубку, васъ батюшка проситъ.

Батюшка сидѣлъ въ каютѣ, когда П. Е. вошелъ, едва передвигая ноги и низко опустивъ голову.

— Здравствуй, подойди ближе, — сказалъ о. Іоаннъ своимъ мягкимъ голосомъ, — какъ зовутъ тебя?

— Петромъ, — прошепталъ П. Е., не смѣя двинуться съ мѣста.

— Ну, подойди, Петръ, сядь вотъ тутъ со мной.

О. Іоаннъ указалъ ему мѣсто рядомъ съ собой, и онъ машинально исполнилъ его приказаніе, несмотря на то, что сидѣть рядомъ съ батюшкой считалъ чуть ли не святотатствомъ.

— Расскажи же мнѣ твое прошлое. Какъ дошелъ ты до этихъ лохмотьевъ? Пилъ, вѣрно?

— Пилъ, батюшка, — рыдая повторилъ несчастный.

— Ничего, ты успокойся. Помни, что любящимъ Бога все во благо... Если ты потерялъ все, но помнишь и любишь Бога, ты еще ничего не потерялъ. Мало хорошаго дойти до этого рубища черезъ кабакъ; но кто знаетъ, какими путями ведетъ насъ Господь къ Себѣ. Можетъ быть, иначе ты никогда и не вспомнилъ бы о Богѣ, о славѣ Его, для которой мы должны жить. Всякое дыханіе да хвалить Господа, травка—и та Его хвалить, а ты человѣкъ, отецъ семьи, быть можетъ, хозяинъ многихъ рабочихъ, ты самъ забылъ Бога и другимъ мѣшалъ Его славить.

Чѣмъ больше говорилъ батюшка, тѣмъ легче становилось на душѣ П. Е. Сердце его билось съ такою силой, точно хотѣло разорваться. Все существо было переполнено какимъ-то радостнымъ трепетомъ.

— Для человѣка страшно духовное рубище, а не тѣльное. Въ лохмотьяхъ можно быть глубоко счастливымъ и уготовить себѣ жизнь вѣчную, а въ нищетѣ духа никакія сокровища земныя не дадутъ человѣку ни счастья, ни спасенія.

Разговоръ продолжался въ томъ же направленіи. П. Е. ставился съ каждымъ словомъ о. Іоанна воодушевленнѣе. Рыданія стихли. Превращеніе изъ робкаго, приниженнаго, забитаго оборванца въ человѣка съ твердой волею, рѣшимостью и почти восторженностью совершилось такъ быстро, что П. Е. не доставало только костюма, чтобы сдѣлаться совершенно неузнаваемымъ. Объ этомъ превращеніи П. Е. до сихъ поръ вспоминаетъ, какъ о величайшей минутѣ въ своей жизни. Онъ выросъ въ собственныхъ глазахъ. Онъ почувствовалъ въ себѣ то человѣческое достоинство, которое онъ обязанъ охранять пуце всего въ жизни, и въ душѣ своей ощущалъ наплывъ небывалой еще радости. Когда пароходъ присталъ къ пристани, П. Е. не прятался уже въ темноту и не опускалъ низко голову. Напротивъ, онъ весь выпрямился, слегка откинувъ назадъ голову, и каждое движеніе сопровождалось такою увѣренностью, точно его кто сейчасъ произвелъ въ коммерціи совѣтника или наградилъ большимъ орденомъ.

— Ты найди себѣ ночлегъ гдѣ-нибудь, а завтра приходи къ ранней обѣднѣ, въ соборъ. Мы помолимся съ тобою, потому ты исповѣдуйся, причастись св. Тайнъ и поѣзжай обратно въ Петербургъ.

О. Іоаннъ протянулъ руку П. Е., и онъ почувствовалъ присутствіе бумажекъ.

— Возьми, возьми, тебѣ пригодится. Тебѣ надо одѣться и привести себя въ порядокъ.

П. Е. хотѣлъ что-то сказать, протестовать, но на пароходъ хлынула уже толпа. О. Іоаннъ въ одну минуту оказался окруженнымъ, и П. Е. не могъ болѣе до него добраться.

П. Е. нашелъ въ рукѣ 94 руб. Такой суммы онъ не имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, но деньги нисколько не радовали его, и онъ совершенно равнодушно сунулъ ихъ въ карманъ своей дырявой куртки. Гдѣ-то на башенныхъ часахъ пробило два. Въ Кронштадтѣ все было закрыто и тихо, улицы пустыньны. Начиная свѣтать. П. Е. пошелъ бродить, отыскивая Андреевскій соборъ. Ходить пришлось долго, пока на загоравшемся горизонтѣ не обрисовался высокій куполъ и колокольня бѣлаго собора. Обширная площадь, красивая желѣзная рѣшетка, безукоризненная чистота и мощный видъ огромнаго, совѣмъ новаго, точно сейчасъ только выстроеннаго собора, произвели на П. Е. отрадное впечатлѣніе.

Онъ поднялся по ступенямъ на наперть, сталъ на колѣни и принялся молиться. Долго простоялъ въ такомъ положеніи, но никакъ не могъ сосредоточить свои мысли на Богѣ, не могъ забыть все окружающее и отдаться молитвѣ.

Съ первымъ ударомъ колокола потянулись къ собору вереницей богомольцы. По всѣмъ улицамъ, примыкающимъ къ собору, шла цѣлыми партіями самая разнообразная публика. Женщины съ дѣтьми, купцы, чиновники, офицеры, старики и молодые. П. Е. диву дался: точно въ Свѣтаое Христово Воскресенье народъ спѣшилъ къ заутрени.

Когда кончилось богослуженіе, народъ не «повалилъ изъ церкви», какъ всегда бываетъ. Напротивъ, всѣ остались на своихъ мѣстахъ и только ближе столпились около амвона. Каждый ждалъ... Кто благословенія, кто исповѣди, кто имѣлъ просьбу къ батюшкѣ, словомъ, у всѣхъ было какое-нибудь «дѣло».

— Пойдемъ, я тебя исповѣдую, а завтра за ранней обѣдней ты приобщись св. Тайнъ, — сказалъ о. Іоаннъ П. Е. Они пошли въ сторону къ аналою.

Исповѣдь сопровождалась продолжительнымъ наставленіемъ пастыря, послѣ чего онъ всталъ на колѣни рядомъ съ серебряникомъ и помолился. Благословивъ затѣмъ исповѣдника, батюшка сказалъ:

— Иди съ миромъ и стараясь не грѣшить. Не допускай прежде всего мыслей грѣховныхъ: послѣ мыслей придутъ дѣла худыя, тогда труднѣе бороться. Если почувствуешь тяжесть борь-

бы и увидишь, что тебѣ не справиться самому со зломъ, бѣги къ духовному отцу своему, и проси его приобщить тебя св. Таинъ. Это великое и всесильное оружіе въ борьбѣ съ пьянствомъ. Не стыдись передъ священникомъ назвать свой грѣхъ настоящимъ именемъ и не скрывай его въ душѣ своей. Иначе нельзя получить прощенія и силы въ борьбѣ. Православная Церковь никому изъ сыновъ своихъ не отказываетъ въ св. Таинствахъ, а литургія совершается у насъ ежедневно. Ступай.

Впослѣдствіи П. Е. много и охотно рассказывалъ о «сильномъ душевномъ потрясеніи своемъ» послѣ исповѣди.

На другой день онъ причастился св. Таинъ, предварительно перемѣнивъ свой костюмъ. Въ Кронштадтѣ же онъ купилъ себѣ бѣлье, платье и вернулся въ Петербургъ вполне приличнымъ съ виду. Прежде всего онъ нанялъ небольшую квартиру, купилъ верстакъ и оставшіеся 13 руб. послалъ женѣ, прося ее сейчасъ же ѣхать къ нему вмѣстѣ съ дѣтьми.

— Я, по милости Божіей и молитвамъ о. Іоанна Кронштадтскаго, сдѣлался опять человѣкомъ, — писалъ онъ женѣ. — Возвращайся ко мнѣ, забудь и прости прошлое. Я твердо увѣренъ, что святая Православная Церковь не будетъ имѣть больше основанія считать меня заблудшимъ, погибшимъ сыномъ. Съ помощью Божіей, я надѣюсь вести трудовую жизнь христіанина.

Онъ получилъ работу, пересталъ пить и скоро опять сдѣлался хозяиномъ. Онъ охотно помогалъ бѣднымъ и заботился о благолѣпіи своей приходской церкви.

Не отказывая никому изъ нуждавшихся, о. Іоаннъ не ограничивался только личною благотворительностью, а придавалъ большое значеніе и разумной общественной благотворительности. Онъ держался возрѣвннй первовѣковаго христіанства и говорилъ: «У первыхъ христіанъ было все общее: богатые и достаточные жертвовали своимъ имѣніемъ и деньгами; собранное хранилось у предстоятелей Церкви, которые употребляли оное на содержаніе бѣдныхъ, странныхъ, заключенныхъ въ узакъ и другихъ, въ помощи нуждающихся. Одинъ церковно-учитель пишетъ: «естъ у насъ родъ сокровищницы, каждый ежемѣсячно или когда пожелаетъ вносить въ нее сколько можетъ и сколько хочетъ. Эти подаянія употребляются на пропитаніе и погребеніе бѣдныхъ, на содержаніе дѣтей, лишившихся родителей, на старцевъ, не могущихъ работать, на облегченіе участи всѣхъ несчастныхъ». Видя массу бѣднаго, нуждающагося люда, у о. Іоанна возникла мысль создать такое спасительное учрежденіе, и онъ осуществилъ свое желаніе, устроивъ Домъ Трудолюбія, съ которымъ спаялись, около котораго, такъ сказать, сконцентрировались слѣдующія учрежденія: 1) Пенько-щипная, въ которой работали въ теченіе года до двадцати тысячъ человѣкъ; 2) женская мастерская; 3) сапожная мастерская; 4) бесплатная амбулаторная лѣчебница; 5) бесплатное народное начальное училище; 6) класы ручного труда; 7) бесплатная дѣтская бібліотека; 8) без-

платная народная читальня; 9) убожище для сиротъ и дневное пристанище; 10) комнаты для прѣзжающихъ въ домъ имени о. Іоанна; 11) народная столовая; 12) Домъ Милосердія имени о. Іоанна (загородный пріютъ); 13) рисовальные классы; 14) Домъ Андреевскаго попечительства; 15) воскресная школа; 16) ночлежный пріютъ. Учреждена также книжная лавка, устроены огороды для снабженія овощами различныхъ учреждений Дома Трудолюбія. Осмотрѣвши эти учрежденія попечительства, одинъ изъ паломниковъ писалъ: «Я видѣлъ «новый городъ», полный самой кипучей разносторонней и осмысленной дѣятельности. Дѣятели попечительства принадлежать ко всѣмъ классамъ общества, начиная отъ самаго высшаго и кончая самымъ низшимъ. Между ними нѣтъ никакихъ раздѣленій. Здѣсь всѣ люди слились въ одну семью и дружно работаютъ совмѣстно. Нужда и горе у всѣхъ людей одинаковы, и цѣль у всего человѣчества одна. Они благотворятъ всѣмъ: и образованнымъ, и необразованнымъ, лицамъ православнаго и инославнаго исповѣданія». Рука дающая не спрашиваетъ того, кто нуждается, о его взглядахъ и вѣрованіяхъ, а помогаетъ нуждающемуся. И она помогла многимъ изъ тѣхъ, которые не питали хорошихъ чувствъ къ Православію, а теперь относятся къ нему иначе. Помимо Дома Трудолюбія, бѣдные получаютъ помощь и прямо отъ о. Іоанна».

Бѣжецкій рассказываетъ поразительный случай исцѣленія больного глазами еврея, обратившагося за помощью къ о. Іоанну.

«Проживаетъ въ Ковенской губ. старикъ-еврей Израиль Левенсонъ, когда-то человѣкъ, обладавшій, благодаря корчемству, довольно большими средствами. Несмотря на свое происхожденіе, Левенсонъ не слѣдовалъ во всю свою жизнь примѣру нѣкоторыхъ своихъ сородичей, и за послѣднее время жилъ скромно, довольствуясь небольшимъ заработкомъ, который онъ могъ получать отъ продуктовъ земли. Семья его состоитъ изъ жены и 3 взрослыхъ дочерей, изъ которыхъ средняя, крестившись, вышла замужъ за православнаго.

Годъ тому назадъ у старика Левенсона вдругъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ началъ слѣпнуть лѣвый глазъ. Живя въ мѣстечкѣ, въ которомъ находилась квартира врача, старикъ-еврей обратился къ нему. Врачъ, осмотрѣвъ больного, повидимому, не нашелъ ничего серьезнаго и прописалъ ему примочку и промываніе для глаза. Прошло 2 недѣли, состояніе глаза не только не улучшилось, но онъ сталъ видѣть еще хуже, и къ тому же появилась страшная ломота и головныя боли. Послѣднее не предвѣщало ничего хорошаго, и старикъ, обезпокоившись, поѣхалъ въ столицу и обратился къ специалисту по глазнымъ болѣзнямъ. Осмотрѣвъ глазное яблоко, врачъ-специалистъ сказалъ Левенсону, что у него начинается катарактъ и ему необходимо подвергнуться операциі, при чемъ онъ предупредилъ больного, что въ противномъ случаѣ, не только это глазъ можетъ перестать совсѣмъ видѣть, но болѣзнь можетъ перейти и на второй, дотолѣ здоровый глазъ.

Когда Левенсонъ выслушалъ эти слова, съ нимъ сдѣлалось дурно, и онъ рѣшилъ, въ виду своего преклоннаго возраста, вернуться домой и посовѣтоваться съ семьей. Боязнь операціи удержала его болѣе полугода у себя въ деревнѣ и за это время болѣзнь, какъ предсказалъ докторъ, начала переходить на второй глазъ. Не имѣя другого исхода, старикъ, въ сопровожденіи жены, пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ меблированныхъ комнатахъ на Невскомъ проспектѣ. Какъ простые люди, они не замедлили подѣлиться своимъ горемъ съ прислугой меблированныхъ комнатъ. Та, слыша это печальное повѣствованіе, къ слову передала имъ о только что бывшемъ исцѣленіи больной главами, обратившейся къ Кронштадтскому пастырю.

Слова служанки пали на добрую почву. У старика Левенсона мелькнула мысль, не обратиться ли и ему въ Кронштадтъ къ доброму русскому пастырю, но сознаніе, что онъ не православный, а еврей, и что о. Іоаннъ можетъ его оттолкнуть, побуждало его отказаться отъ этого своего намѣренія. Служанка, съ которой и объ этомъ поговорили старики Левенсонъ, совершенно иначе посмотрѣла на это и сказала имъ, что для о. Іоанна совершенно все равно, кто къ нему обращается, лишь бы этотъ послѣдній былъ честнымъ, хорошимъ человѣкомъ; она посовѣтовала старику, не откладывая дѣла, тотчасъ же ѣхать въ Кронштадтъ и сдѣлать все отъ него возможное, чтобы увидать о. Іоанна.

Два дня не рѣшался Левенсонъ послѣдовать совѣту, но подъ вліяніемъ усиленныхъ просьбъ своей жены собрался и пріѣхалъ въ Кронштадтъ. Никогда не бывавъ въ русской церкви и боясь, что, узнавъ по облику въ немъ еврея, его не пустятъ туда, онъ остался на паперти и сталъ въ одинъ рядъ съ нищими.

Кончилась обѣдня. Народъ вышелъ изъ церкви. Вдругъ, окруженный толпой, выходитъ о. Іоаннъ. Левенсонъ, чувствуя, что настала рѣшительная минута, улучивъ моментъ, бросился къ ногамъ батюшки и съ громкимъ плачемъ проговорилъ:

— Простите меня за то, что я, еврей, обратился къ вамъ, но больше мнѣ не къ кому обращаться. Я такъ много о васъ слышалъ, помогите мнѣ, исцѣлите меня, я скоро ослѣпну.

О. Іоаннъ поднялъ старика съ пола паперти и подробно заставилъ его рассказать свое горе, и, проговоривъ лишь два слова: «иѣсть эллинъ, ни іудей», положилъ больному старику свои руки на глаза и оставался въ безмолвіи нѣсколько минутъ. Затѣмъ быстрымъ движеніемъ онъ отнял отъ глазъ Левенсона свои руки, и не сказавъ больше ни слова, скорыми шагами ушелъ.

Старикъ поднялся и пошелъ въ номеръ, гдѣ онъ остановился, будучи не въ силахъ тотчасъ же вернуться въ Петербургъ.

Прошло съ того времени четыре дня. Больной все не рѣшался подвергнуться операціи, но—о, радость—на пятый день, проснувшись, онъ вдругъ замѣтилъ, что лѣвый его глазъ, уже къ тому времени совершенно ослѣпнувшій, началъ различать свѣтъ.

Прошла еще недѣля — и старикъ окончательно прозрѣлъ. Говорить о томъ, что дѣлалось съ Левенсономъ, когда онъ появлялся, по молитвѣ кого онъ былъ исцѣленъ, не приходится. Болѣе радостнаго событія въ его жизни не было.

Чтобы воздать послѣднюю дань о. Іоанну, Левенсонъ, получивъ извѣстіе о смерти незабвеннаго батюшки, прибылъ въ Петербургъ и хотя не имѣлъ возможности увидать его въ гробѣ и облобызать его останки, но онъ все же сталъ по пути колесницы и подобралъ вѣтвь елки, по которой провезли бранные останки почившаго о. Іоанна. Эту вѣтвь, какъ святыню, Левенсонъ увезъ съ собой на родину.

Къ безчисленнымъ случаямъ исцѣленія по молитвѣ отца Іоанна Кронштадтскаго присоединяется этотъ разительный примѣръ того, какъ относился почившій къ людямъ всѣхъ племенъ, нарѣчій и сословіій *).

Откуда же бралъ деньги о. Іоаннъ? Ихъ посылала ему Русь, которая считала его своимъ печальникомъ и молитвенникомъ. Тутъ былъ даръ богача и лепта бѣдняка. Много было благодарныхъ о. Іоанну за его молитвы, за его утѣшеніе, много было людей, воскресенныхъ имъ для жизни христіанской. И на лепты-то этихъ людей создавались пріюты и школы, образовывались фонды для помощи бѣднымъ. Призрѣвалась дряхлость, просвѣщалась юность, согрѣвались тѣ, которые дрогли отъ физическаго и нравственнаго холода.

Здѣсь не мѣшаетъ упомянуть, что враги о. Іоанна позволяли себѣ говорить: «легко раздавать деньги, когда онъ раздаетъ не свои, а чужія». Но вѣдь говорившіе забывали или не хотѣли знать, что любовь о. Іоанна проявлялась и тогда, когда къ нему не стекались деньги со всѣхъ сторонъ, когда онъ отдавалъ свой послѣдній двугривенный. Кромѣ того, недоброжелателямъ нужно было задать вопросъ: Да почему же о. Іоанну такъ много посылали? не потому ли, что ему довѣряли, что были увѣрены въ цѣлесообразности подаваемой имъ помощи? «Онъ распорядится лучше насъ», говорили многіе. Но вѣдь надо было заслужить чѣмъ-нибудь такое довѣріе всей страны. И не заслуга ли вызвать людей на такія пожертвованія, не заслуга ли въ дѣланіи добра чрезъ тѣхъ, которые безъ этого не сдѣлали бы ничего добраго, въ употребленіи на добро тѣхъ денегъ, которыя пошли бы на дѣла совершенно противоположныя? О. Іоаннъ не былъ богатъ и лично не располагалъ такими суммами, какія онъ раздавалъ. Но онъ умѣлъ вызвать другихъ на добро. Въ этомъ нѣтъ ничего такого, чтобы заслуживало упора. Такъ дѣ-

*) Мнѣ рассказывалъ, еврей какъ о. Іоаннъ выручилъ его изъ бѣды и спасъ отъ голода дѣтей его. „О, я вижу—какой это святой!—восклицалъ еврей:—если бы всѣ были такіе. Но онъ одинъ уже заставляетъ забыть о всѣхъ другихъ!“ А нѣмецъ, вернувшись изъ Кронштадта, писалъ русскому пріятелю: „Я мало знаю выше духовенство. Но если среди него есть одинъ такой, какъ о. Іоаннъ, то—оно уже защищено отъ упрековъ“.

дали всё отцы Церкви. Вспомним хотя бы святого Иоанна Златоуста. Находясь в изгнании и видя гибель христианского дѣла и торжество язычества, Златоустъ посылалъ миссіонерамъ, которые шли на проповѣдь и помогали нуждающимся. Откуда они добывали деньги? Ихъ давалъ Златоустъ. У него своихъ не было, онъ самъ нуждался. Но онъ былъ властенъ. Его властію было обаяніе его личности, ореоль его праведности. Кошельки богачей являлись къ услугамъ Златоуста. Точно такъ же обаяніе личности о. Иоанна покоряло богачей, и они несли и посылали деньги тому, кто зналъ, какъ ихъ употребить на доброе дѣло. О. Иоаннъ не только спасалъ отъ нужды бѣдныхъ, употребляя на это деньги богачей, но спасалъ и души послѣднихъ, побуждая ихъ къ добру и призывая ихъ къ милости.

Для примѣра достаточно привести одного богача, который признавался: «Много у меня было и денегъ, и земель, а жилось тяжело. Пирую, веселюсь, а все тоска гложетъ, не знаю—куда и дѣваться. Среди дня какъ въ лѣсу заблудился». Поѣхалъ этотъ богачъ къ о. Иоанну, и тотъ ему помогъ: «указалъ путь жизни, воскресилъ душу», и началъ богачъ жить по-христиански, въ Церкви, и стало ему свѣтло и легко. Этотъ ли воскресшій богачъ сталъ бы жалѣть денегъ для добраго дѣла, когда ему теперь дѣлать добро стало жаждой души? Какъ этотъ богачъ, такъ и другіе, обязанные о. Иоанну своимъ исцѣленіемъ, были счастливы возможностью сораздѣлить съ о. Иоанномъ его служеніе на пользу ближняго. Вѣдь что такое капиталъ въ сравненіи съ тѣмъ свѣтомъ, какимъ озарялись ихъ души? Прямо ничто, ибо если въ душѣ ночь и тоска, не дастъ радости и капиталъ. Мѣтко сказалъ народъ: «черезъ золото слезы текутъ». И вотъ всё спасенные, переставшіе плакать тяжелыми слезами, радостно дѣлились тѣмъ золотомъ, которое само по себѣ безсильно дать свѣтъ душѣ.

Здѣсь мы прервемъ нить фактическихъ иллюстрацій. Ихъ приведено достаточно. Передъ нами теперь, хотя и въ общихъ чертахъ, ясно обрисовалась священническая жизнь и дѣятельность о. Иоанна. Она вызываетъ насъ на поучительныя размышленія. Въ самомъ дѣлѣ: простой священникъ долгіе годы былъ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ странѣ, потому что къ его словамъ прислушивался весь народъ. Никто не имѣлъ такого духовнаго обаянія, какъ онъ. Говорятъ, онъ былъ исключительнымъ, необыкновеннымъ священникомъ. Но почему же онъ такимъ сталъ? Да потому, что онъ понималъ великую задачу священническаго служенія, съ первыхъ дней священства стремился быть «право правящимъ слово Господней истины», быть пастыремъ, отцомъ не по названію только; потому что онъ весь проникся святостью служенія, воспринялъ въ свое сердце, повелѣніе Спасителя апостола Петру: «Паси овцы Мои». Онъ какъ бы постоянно слышалъ голосъ Господа, взялъ на себя радостно бремя пасенія сло-

веснаго стада и стоялъ бодро на стражѣ, являя собою образецъ пастыря добраго, а не наемника и поднялся на высоту, на которой горѣлъ свѣтильникомъ для всѣхъ. Въ своемъ лицѣ онъ показалъ, какимъ долженъ быть священникъ и что онъ можетъ сдѣлать, стоя на подобающей высотѣ. Достигнуть такой высоты не легко. Нужно постоянное бодрствованіе, неослабное стояніе передъ Богомъ, непрерывное бореніе съ человѣческими слабостями, горячая жажда совершенствованія. Все это возможно при вѣрѣ, любви и молитвѣ. Когда о. Іоанна не задолго передъ его смертью спросили: «Какъ вы стяжали такую пламенную вѣру?», онъ отвѣтилъ: «Я жилъ въ Церкви: участвовалъ въ святыхъ Таинствахъ, въ ежедневномъ совершеніи Евхаристіи, молился постоянно, читалъ богослужебныя минеи и житія святыхъ». Знаменательный и поучительный отвѣтъ: жилъ въ Церкви. Это совѣтъ не то, что жить *при Церкви, около Церкви*. Несомнѣнно, о. Іоанну священнической путь облегчала его подготовительная жизнь къ іерейству. На ступени храма, въ санѣ священника, онъ вошелъ уже съ извѣстной настроенностью, такъ сказать, съ зачатками праведности, ибо та душевная чистота, какая у него была, тѣ упованія, какими онъ жилъ въ Академіи, уже начало добродѣтели. Поучительно изъ сего убѣждаемся, какъ важно годы подготовленія къ священству проводить въ духовной трезвости, въ возвышенномъ настроеніи, въ чистотѣ помысловъ, считая эти годы не широкою мірскою жизнью передъ священствомъ, а преддверіемъ къ нему. При такомъ взглядѣ и жизни согласно съ нимъ легко встать на твердый путь іерейскаго подвига съ перваго дня священства. Такъ и было у о. Іоанна. Онъ привыкъ къ богомыслию, къ молитвѣ, многолѣтними упражненіями въ ней; онъ уже не тяготѣлъ къ мірскимъ утѣхамъ, которыя долго имѣютъ соблазнительную власть надъ принявшимъ санъ іерея, если канунъ не былъ благодатной школой, подготовляющей къ великому служенію. Безъ сомнѣнія, о. Іоаннъ не избѣжалъ искушеній, зналъ борьбу, но ему эта борьба была легче, ибо онъ ежедневно совершалъ литургію, непрестанно молился, самъ искалъ спасительной работы. Эта работа была отрадна для его сердца, уже возгрѣтаго любовью къ Богу и ближнимъ. Онъ не уклонялся отъ церковныхъ службъ, а жаждалъ ихъ. Онъ не ждалъ, чтобы къ нему пришли нуждавшіеся въ спасеніи, а самъ шелъ къ нимъ, открывъ имъ двери своего сердца, принявъ въ него всѣ нужды скорбящихъ. Такой путь безъ подготовки тяжелъ. Ему онъ былъ пріятенъ. Онъ ранѣе зналъ, что путь истиннаго пастыря—путь воина Христова, путь крестный. И онъ съ радостью вступилъ на этотъ путь. Онъ проповѣдывалъ то, что было его горячею вѣрой, а не только знаніемъ. Онъ училъ тому, чѣмъ жилъ самъ, напоминалъ объ исполненіи того, что самъ исполнялъ неуклонно. Онъ искалъ только Царства Божія и потому все остальное само приложилось ему. Но онъ достигъ всего долгою подвижническою жизнью, которая не прекра-

чалась и во дни его славы, ибо не прекращались подвиги молитвы и іерейскаго служенія. Онъ не зналъ покоя, хотя могъ жить безъ всякой тревоги, пользуясь благами своего высокаго положенія. Онъ ѣздилъ по Россіи, и эти поѣздки были также подвигомъ: онъ доставляли душѣ его немало боли за скорбящихъ. Вѣдь онъ всегда былъ окруженъ и тревожимъ нуждою и горемъ народа. Его тянуло къ скорбящимъ, онъ несъ имъ пламень своей любви, свое состраданіе, свою молитву. Онъ говорилъ пастырямъ: «О, братія, намъ много дано отъ Господа благодати, и если мы сохранимъ этотъ даръ Божій, то мы непобѣдимы». Истинность этого о. Іоаннъ доказалъ всей своей жизнью, всей своей дѣятельностью. Его гнали, его хотѣли погубить, а онъ побѣдилъ. Побѣдилъ въ первые дни своего священства, побѣдилъ и потомъ, когда за годами широкой славы для него опять настали дни испытаній, дни крестоношенія.

IV.

то крестоношеніе заключалось не только въ мукахъ болѣзни, которая такъ отягчала о. Іоанна въ послѣдніе годы его жизни, но и въ тѣхъ гоненіяхъ, которыя воздвигали враги христіанства на Кронштадтскаго пастыря, какъ свѣточка Православія. Они широко воспользовались свободой печати и «пошли походомъ» на Церковь и ея великаго служителя. Они обливали его грязью на страницахъ сатирическихъ журналовъ, клеветали въ газетахъ. Врагамъ христіанства нужно было пошатнуть вѣру въ народѣ. Для этого прежде всего надо было унижить того, кто освѣщаль путь къ Христу, звалъ къ Нему словомъ и дѣломъ. Конечно, о. Іоаннъ принадлежалъ къ тѣмъ, которыхъ можно оскорбить, но нельзя унижить. Такіе праведники, какъ онъ, выше клеветы. Малодушные, недалекіе, рабы мысли могли поколебаться. Нашлись и такіе, которые примкнули къ хулителямъ о. Іоанна и, такъ сказать, отреклись отъ него. Но люди яснаго ума разгадали причину нападокъ; всѣ, не порвавшіе связи съ Церковью, глубоко возмутились. Однако, робость передъ отуманенной толпою дѣлала многихъ скорбѣвшихъ за о. Іоанна молчаливыми, не державшими смѣло встать на его защиту. Они съ грустью задавали вопросъ:

— Ужели затушить лампаду, огонь которой изъ Кронштадта свѣтитъ цѣлой странѣ?

— Что же это, что же?! — со слезами спрашивала одна дама, дочь которой о. Иоанн исцѣлилъ отъ тяжелой болѣзни.

— Это ополчается невѣріе... Но не бойтесь, — отвѣчалъ я: — свѣтильникъ не затушатъ. Они безсильны для этого. Они только роютъ пропасть себѣ и готовятъ для себя презрѣніе народа, который они могутъ смутить на время, но никогда не столкнутъ съ пути вѣры, и не оторвутъ отъ Христа. Не бойтесь за о. Иоанна: вѣдь съ нимъ тотъ Галилейскій Плотникъ, Который побѣдилъ Юліана и приготовилъ гробъ для Отступника. Вѣрою въ Христа силенъ о. Иоаннъ и бѣшеннымъ врагамъ Церкви не затушить Кронштадтскаго свѣтильника.

— Но многіе уже не такъ смотрятъ на о. Иоанна, какъ прежде!

— Пусть! Многіе — не всѣ. И эти многіе прозрѣютъ и поймутъ свое заблужденіе и вотъ тогда-то они отвернутся отъ тѣхъ, которые смутили ихъ. Недалеко это время, вѣрьте мнѣ! Но и теперь, кто построилъ домъ свой не на пескѣ, а на крѣпкомъ фундаментѣ, тотъ не измѣнилъ своего отношенія къ Кронштадтскому пастырю, идетъ на огонекъ свѣтильника, грѣется его тепломъ и вѣритъ, что благодать осталась съ тѣмъ, съ кѣмъ Христосъ. Что клевета? Слишкомъ чиста жизнь о. Иоанна, слишкомъ онъ много сдѣлалъ, слишкомъ ярки воспоминанія недавняго въ народномъ сердцѣ, чтобы все поколебать навсегда. Онъ слишкомъ много добра кинулъ въ русскую жизнь, и не побѣдитъ никакому злу этого добра!

Какъ же встрѣтилъ о. Иоаннъ новый крестъ, ниспосланный Богомъ? Онъ принялъ его съ тою покорностью, какая подобаеетъ истинному пастырю-исповѣднику. «Не все сладость, надо вкусить и горькаго», — писалъ онъ. Онъ продолжалъ служить, находя въ этомъ утѣшеніе и подкрѣпленіе въ недугахъ, и если сокрушался, то о торжествѣ зла, о соблазнѣнн другихъ. Но торжество зла было временное. Какъ и ранѣе, о. Иоаннъ побѣдилъ. Вѣсть о его смерти всколыхнула всю Православную Русь и была встрѣчена плачемъ не только оставшихся преданными Церкви, крѣпкими въ вѣрѣ, но и тѣми слабовольными, которые отпадали, которые даже вмѣшались въ ряды хулителей. Заговорила совѣсть, проснулось раскаяніе, заныло сердце, прояснился отуманенный умъ. Смерть о. Иоанна показала, что массы не поддались злобнымъ рѣчамъ враговъ Кронштадтскаго пастыря. Смерть его показала, что и отнавшіе какъ бы отъ него только на время, поддались обману. И отошелъ на вѣчный покой великій іерей земли Русской, подъ плачъ не ослѣпнувшихъ духовно, подъ плачъ прозрѣвшихъ и раскаявшихся. Вопли народной скорби заглушали свистъ тѣхъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого, которые надѣялись затушить свѣтильникъ Православной Русской Церкви и теперь, при общенародномъ горѣ изливали свою безсильную злобу въ новыхъ клеветахъ на почившаго. Они думали, что страна отнесется безучастно къ кончинѣ о. Иоанна. А между тѣмъ, когда священникъ въ одной церкви послѣ всенощной сообщилъ народу

о смерти Кронштадтскаго пастыря, и призывалъ къ молитвѣ объ упокоеніи его души, народъ, наполнявшій храмъ, какъ бы замеръ на минуту, пораженный извѣстіемъ. Точно вѣтеръ шелхнулся—тихий ужасъ, и раздались рыданія. Заревѣли бабы, заплакали дамы въ шляпкахъ. Всѣмъ сдѣлалось больно, жутко отъ сознанія, что «батюшки о. Іоанна не стало». И справедливо сказалъ одинъ писатель, что совершилось новое чудо праведнаго священника: «хотя онъ умеръ, но и ожилъ снова передъ всѣми, утвердился навсегда такъ, что одинъ уже образъ его, непрерывно возобновляемый, началъ нескончаемую работу».

Враги праведника были увѣрены, что скромно и незамѣтно совершится погребеніе его. А за гробомъ великаго молитвенника народу шло видимо-невидимо. Всѣ почти иѣли, кто какъ могъ и умѣлъ. Не могли молчать уста, когда сердце разрывалось отъ скорби. Въ иѣннѣ соединилась такая могучая сила вѣры и религіознаго чувства, что на глазахъ даже людей равнодушныхъ невольнo наворачивались слезы. Русь хоронила своего праведника, своего печальника передъ Богомъ. Настала минута, когда робкіе забыли страхъ, сомнѣвающіеся получили увѣренность, когда искра вѣры вспыхнула яркимъ пламенемъ. Всѣ соединились въ одномъ чувствѣ горя, въ одномъ скорбномъ сознаніи: не стало того, кто былъ единственнымъ по близости къ народному сердцу.

Погребальная процессія двигалась и къ ней со всѣхъ сторонъ примыкали народныя волны, словно ручейки вливались въ людское море. Это торжественно-печальное шествіе о. Іоанна въ усыпальницу Іоанновскаго монастыря вызвало чудныя строки у религіозно-настроеннаго почитателя усопшаго. «И вотъ везуть тебя!—воскликаетъ онъ,—среди несмѣтной толпы по этимъ улицамъ, которыя ты часто объѣзжалъ, отвращая своей молитвой движимый на насъ праведный гнѣвъ Божій. Тебя тихо везуть къ послѣднему приюту—бѣлой усыпальницѣ, прекрасному символу твоей непорочной дѣтской души. Что скажешь ты, представъ къ Престолу Того Вседержителя, Котораго познала душа твоя отъ дѣтскихъ лѣтъ, Котораго ты любилъ такъ восторженно, робко и иѣжно, Которому служилъ всею силою, и всею мыслию, и всею любовью твоею? Тамъ, въ странѣ великихъ откровеній, которыхъ такъ ждала твоя жаждущая правды душа, погрузишься ли ты въ счастливое созерцаніе, забывъ тѣхъ, которые такъ тѣснились къ тебѣ при жизни, и которымъ ты и теперь такъ нуженъ и необходимъ? Или, говоря лицомъ къ лицу къ Богу, ты скажешь Ему о той родинѣ, которая тебя родила и выставила тебя, какъ свѣчу негасимую, свѣчу предъ ликомъ Божиимъ отъ лица всего народа? Скажешь ли ты Ему, какъ слабѣетъ исконное чувство вѣры, какъ выводятся праотческіе святые обычаи, какъ въ тоскѣ гибнутъ люди, потерявъ цѣль жизни, какъ умножился во всѣхъ насъ грѣхъ, и какъ нужны великія струи благодати, чтобы намъ не погибнуть? Всю скорбь земли, весь грѣхъ мірскаго положи къ престолу Божію, требуй прощенія, требуй исцѣленія и помо-

щи. Твоя любовь престать не можетъ, и мы много требуемъ и ждемъ отъ любви твоей».

И эта любовь не престала. Уже въ первые же дни погребенія о. Іоанна у его гробницы совершилось нѣсколько исцѣленій, изъ которыхъ отмѣтимъ одно, происшедшее въ самый день похоронъ. Хорошо извѣстный въ купеческомъ кругу Г. П. Саидинъ, состоящій старостой Покровской единовѣрческой Больше-Охтенской церкви, и его семья были всегда почитателями о. Іоанна Кронштадтскаго, который бывалъ нѣсколько разъ въ ихъ домѣ. За день до кончины горячо любимаго батюшки супруга Саидина серьезно захворала. Приглашенный врачъ М. А. Ивановъ осмотрѣлъ больную, и, найдя ее въ серьезномъ положеніи, строго предписалъ не выходить изъ дома. Вѣсть о кончинѣ о. Іоанна страшно подѣйствовала на нее: страданія больной усилились, и она слегла. Въ день погребенія о. Іоанна, г-жа Саидина вдругъ заявила мужу, что хочетъ поѣхать въ Іоанновскій монастырь. Врачъ, пользовавшій больную, категорически заявилъ, что поѣздка на погребеніе ни въ какомъ случаѣ не должна состояться, такъ какъ опасность осложненія болѣзни воспаленіемъ легкихъ еще не прошла, больная слаба и у нея сильно повышенная температура, но какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что она должна немедленно ѣхать. Превозмогая боли, г-жа Саидина потребовала карету и при помощи своихъ близкихъ сѣла въ нее, поддерживаемая другими. Приѣхавъ, дошла до храма-усыпальницы, упала на колѣни и стала горячо молиться. Черезъ нѣсколько минутъ больная почувствовала притокъ новыхъ силъ; она окрѣпла, встала и за молитвой провела 6 часовъ. Когда г-жа Саидина вернулась домой, всѣ домашніе не вѣрили своимъ глазамъ, видя быструю перемѣну у больной. Черезъ часъ послѣ приѣзда, пришедшій врачъ, видя больную въ прекрасномъ состояніи, замѣтилъ: «Вотъ, видите, вы сразу стали лучше выглядѣть, потому что не ѣздили никуда».

— Я ѣздила и молилась у гроба батюшки!—восторженно отвѣтила она.

Глубокое горе, постигшее народъ, было раздѣлено и Державнымъ Хозяиномъ земли Русской, Который, какъ и его почившій Родитель, глубоко почиталъ и любилъ Кронштадтскаго пастыря. Какъ Императоръ Александръ III глубокимъ опредѣленіемъ личности о. Іоанна подтвердилъ мысль всего своего народа, такъ Его Сынъ, Императоръ Николай II, въ своемъ Рескриптѣ по поводу смерти о. Іоанна, слился въ скорби съ народомъ, и Царскимъ словомъ подтвердилъ общенародное и государственное значеніе понесенной потери и какъ бы возложилъ на гробницу всероссійскаго іерея вѣнокъ отъ всего народа. Вотъ знаменательныя и незабываемыя слова Высочайшаго Рескрипта, даннаго 12-го января 1909 года въ Царскомъ Селѣ:

«Неисповѣдимому Промыслу Божьему было угодно, чтобы угасъ великій свѣтильникъ Церкви Христовой и молитвенникъ земли

Русской, всенародно чтимый пастырь и праведникъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій. Всѣмъ сердцемъ раздѣляя великую скорбь народную о кончинѣ любвеобильнаго пастыря и благотворителя, Мы съ особеннымъ чувствомъ обновляемъ въ памяти Нашей скорбные дни предсмертнаго недуга въ Бозѣ почивающаго Родителя Нашего Императора Александра III, когда угасающій Царь, любимый народомъ, пожелалъ молитвъ и близости любимаго народомъ молитвенника за Царя и Отечество. Нынѣ, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ народомъ Нашимъ, утративъ возлюбленнаго молитвенника Нашего, Мы проникаемся непремѣннымъ желаніемъ дать достойное выраженіе сей совмѣстной скорби Нашей съ народомъ молитвеннымъ поминованіемъ почившаго, ежегодно ознаменовывая имъ день кончины о. Іоанна, а въ нынѣшнемъ году приурочивъ оное къ 40-му дню оплакиваемаго событія. Будучи и по Собственному влеченію Нашему, и по силѣ Основныхъ законовъ первымъ блюстителемъ въ отечествѣ Нашемъ интересовъ и нуждъ Церкви Христовой, Мы со всѣми вѣрными и любящими сынами Ея ожидаемъ, что Св. Синодъ, ставъ во главѣ сего начинанія, внесетъ свѣтъ утѣшенія въ горе народное и зародитъ на вѣчныя времена живой источникъ вдохновенія будущихъ служителей и предстоятелей алтаря Христова на святыя подвиги многотруднаго пастырскаго дѣянія».

Такъ по Царскому слову, 20-е декабря сдѣлался день общенародной поминальной молитвы о немъ во всѣхъ храмахъ Русской земли.

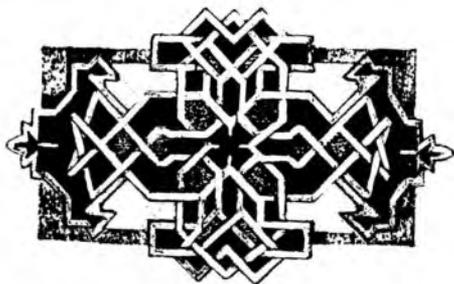
Не стало о. Іоанна. Угасъ свѣтильникъ въ Кронштадтѣ и возгорѣлся снова въ Іоанновскомъ монастырѣ, куда какъ бы передвинулся Кронштадтъ, и куда идутъ народныя толпы, чтобы у гробницы пастыря-праведника выплакать свое горе и попросить молитвы его у Божьяго Престола. Въ маленькой церкви, изъ бѣлаго мрамора, гдѣ все говоритъ о жизни, а не о смерти, у гроба священника Бога Живого, ищутъ утѣшенія скорбящіе, ободренія унывающіе, укрѣпленія слабые, цѣленія болящіе. Почившій батюшка какъ живой, дѣйствуетъ и утѣшаетъ приходящихъ къ нему за благословеніемъ. Да, именно за благословеніемъ. Многие, начинавшіе дѣло, пріѣзжали къ живому о. Іоанну за благословеніемъ; и теперь идутъ за этимъ же благословеніемъ вѣрующіе, уповая, что онъ слышитъ, внемлетъ, благословляетъ и ходатайствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ ушелъ отъ насъ? Развѣ онъ не съ нами духомъ? Онъ живъ, ибо живъ онъ духомъ, а гробница его гаситъ страхъ смерти, потому что укрѣпляетъ вѣру и наполняетъ сердце свѣтлыми надеждами. Какое-то необъяснимое, радостное чувство переживалось всѣми при бесѣдахъ съ живымъ о. Іоанномъ, и послѣ свиданія съ нимъ долго свѣжая, благодатная струя ощущалась во всей жизни. Но вѣдь и нынѣ цѣлѣбно волнуется сердце при гробницѣ о. Іоанна, легче дѣлается на душѣ, льются благодатныя слезы, и уходя отъ гробницы, вступая въ міръ житейской суеты, долго чувствуешь ка-

кую-то животворящую струю внутри себя. То—вліяніе заgroбнаго благословенія, даннаго любвеобильнымъ пастыремъ, то—дѣйствіе его ласки, посланной изъ свѣтлаго рая, гдѣ онъ пребываетъ въ «радости Господа своего».

Есть могилы, надъ которыми витаетъ слава. Есть могилы, надъ которыми витаетъ благодать. Слава проходитъ и исчезаетъ. Могилы славныхъ становятся далекими. А священныя могилки превращаются въ гробницы святыхъ. Могилки—маяки духовнаго свѣта. Могилки—душевные лечебницы. Такова и могила о. Іоанна, къ которой воистину не заростетъ народная тропа. Не только люди нашего, но и грядущихъ поколѣній будутъ звать къ почившему пастырю: «Благослови, незабвенный отецъ, и помолись за насъ!» Гробница о. Іоанна—новая драгоценная святыня, которая воздвиглась вблизи Петербурга, точнѣе на одной изъ его окраинъ. И если люди, движимые жаждою знанія, будутъ стремиться въ Петербургъ, чтобы въ храмахъ науки найти отвѣтъ на свой вопросъ: «что такое міръ и какъ онъ живетъ?» то люди вѣры будутъ стремиться въ маленькую церковку Іоанновскаго монастыря, чтобы получить отвѣтъ на вопросъ: «какъ жить человѣку въ мірѣ?» Отвѣтомъ будетъ служить жизнь о. Іоанна, полная пламенной вѣры и дѣятельной христіанской любви. Эта жизнь во Христѣ отобразилась ярко и поучительно въ тѣхъ дневникахъ Кронштадтскаго пастыря, которые носятъ характерное названіе «Моя жизнь во Христѣ». Эту книгу вдохновенно-возвышенную, мудрую и въ то же время дивную по простотѣ, полную духовнаго опыта и дерзновеннаго проникновенія воистину можно назвать Новой Псалтирью. Читая ее, вы чувствуете восхитительную горячность вѣры о. Іоанна, чувствуете, что Престоль въ алтарѣ для него былъ дѣйствительно Престоломъ Господнимъ, и св. Тайны дѣйствительно, тайны во всемъ небесномъ величїи чуда. Читая ее, вы будете удивляться тому горѣнію вѣры, при которой ощутима благодать Духа Святого. Эта книга—драгоценное наслѣдство, оставленное намъ о. Іоанномъ. Но это наслѣдство обязываетъ насъ. Мы должны выполнить волю оставившаго намъ даръ. А воля его такова, чтобы мы къ сердцу приняли слова его и старались жить во Христѣ. Передъ глазами нашими какъ бы прошла вся жизнь о. Іоанна. Унесемъ же съ собою въ душѣ его свѣтлый образъ и пусть будетъ для насъ образцомъ неустанный работникъ на нивѣ Божїей, жившій не для себя, а для другихъ. Пусть немолчно звучать намъ его завѣты, а мысль наша стремится къ его гробницѣ въ маленькой церкви монастыря, гдѣ все говоритъ о жизни и воскресенїи. Но если наши сердца полны любовью къ о. Іоанну, то мы не должны забывать своими думами и другихъ могилъ, могилъ близкихъ ему людей: его отца, его матери, его жены. Мы видѣли, какое великое вліяніе имѣли на о. Іоанна его родители, какую благоговѣйную любовь и сыновнее почтеніе питалъ онъ къ нимъ. Пусть же ихъ могилы не будутъ забыты въ нашемъ воспоминанїи, равно

какъ не будутъ забыты въ нашихъ молитвахъ тѣ, кои вложили начало страха Божія въ младенческую душу своего сына и воспитали его для великаго служенія Церкви. Будемъ же помнить дорогіе намъ имена Иліи и Ѳеодоры. Неблагодарно поступили бы мы, если бы исключили изъ нашей памяти, изъ нашихъ сердецъ и ту, которая, оставаясь всегда въ тѣни, была доброю сопутницею о. Іоанну, которая покорно приняла его призывъ: «будемъ жить для другихъ». Елизавета Константиновна знала и муки одиночества, пережила своимъ сердцемъ и всѣ невзгоды, испытанныя ея мужемъ во дни его гоненій. Она мало видѣла радостей въ жизни, какъ понимаетъ ихъ мѣръ. Она раздѣляла бремя мужа. Она перенесла и тяжелыя физическія страданія. Не долго пережила она о. Іоанна и успокоилась на кронштадтскомъ кладбищѣ, гдѣ находится могила и Ѳеодоры Власьевны. Да не будетъ для насъ чуждою могила той, которой Богъ назначилъ быть сопутницей жизни великому іерею земли Русской. Для насъ должны быть дороги всѣ, которые были близки и дороги ему, которыхъ онъ любилъ. О, какая это радость — христіанская любовь! Ей было полно сердце о. Іоанна, и пусть же его любовь перелетѣетъ въ наши сердца, и мы будемъ способными всѣхъ обнять нашей любовью. Съ любовью и съ вѣрой — чистыя радости и сладкія самыя страданія. Пусть жизнь тяжела — но

Нисходятъ въ грѣшный міръ святые,
И низводятъ неба благодать.
Подвигъ ихъ — цѣлить сердца больныя
И умы заблудшіе спасать.
Какъ пророкъ печальникъ и цѣлитель
Былъ отчизнѣ нашей Богомъ данъ
Съ чистымъ сердцемъ благодѣтельный
Алтаря Христова — Іоаннъ.

ВО ДНИ СКОРБИ.

нъ былъ живъ—мы сердцемъ не робѣли,
Онъ былъ живъ—и были мы сильнѣй!
Умеръ онъ—и мы осиротѣли,
Умеръ онъ—и ночь еще темнѣй.

Ночь темнѣй—а мы такъ одиноки,
Въ грозномъ морѣ—слабые пловцы...
Міру нужны вѣщіе пророки,
И съ душою дѣтской мудрецы.

Въ злобномъ вихрѣ безошадной битвы
Міръ совсѣмъ забылъ бы Небеса,
Если бъ смолкли праведныхъ молитвы,
Прекратились Божьи чудеса.

И нисходятъ въ грѣшный міръ святые,
И низводятъ съ неба благодать...
Подвигъ ихъ—цѣлить сердца больныя,
И умы заблудшіе спасать.

Какъ пророкъ, печальникъ и цѣлитель,
Былъ отчизнѣ нашей Богомъ данъ
Съ чистымъ сердцемъ благодѣтельный
Алтаря Христова—Іоаннъ.

Умеръ онъ—молитвенникъ народный,
Умеръ онъ—народный іерей,
И ненастной ночи мракъ холодный
Сталъ еще темнѣй и холоднѣй.

Пусть онъ съ нами вѣчнымъ духомъ нынѣ,
Но не слышимъ мы его рѣчей,
Не сіяетъ въ жизненной пустынѣ
Свѣтъ его ласкающихъ очей.

Оросивъ горячими слезами
Мертвый камень гробовой плиты,
Шепчемъ мы дрожащими устами:
Безъ тебя мы въ мірѣ—сироты!

А. Кругловъ.

